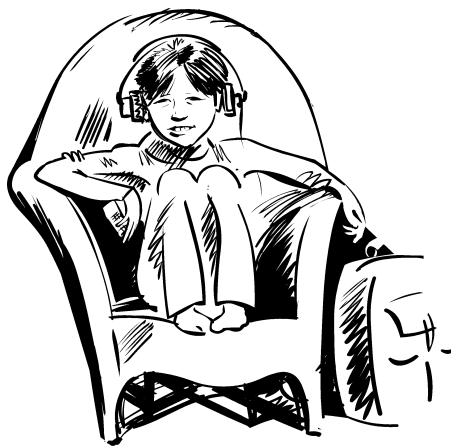

В. И. Гарбузов

ВОСПИТАНИЕ РЕБЕНКА В СЕМЬЕ

Советы психотерапевта

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРО
Санкт-Петербург

УДК 159.9:37.0

ББК 74.9

Г20

Гарбузов, Виленин Исаакович.

Г20 Воспитание ребенка в семье: Советы психотерапевта / В. И. Гарбузов. — Санкт-Петербург : КАРО, 2015. — 296 с.

ISBN 978-5-9925-1036-2.

Автор книги — детский психолог, психотерапевт, — основываясь на своем многолетнем опыте работы, дает практические рекомендации по воспитанию детей и созданию нормальных гармоничных отношений в семье.

УДК 159.9:37.0

ББК 74.9

Оптовая торговля:

в Санкт-Петербурге: ул. Бронницкая, 44, тел./факс: (812) 575-94-39, 320-84-79
e-mail: karo@peterstar.ru

в Москве: ул. Стахановская, д. 24, тел./факс: (499) 171-53-22, 174-09-64
Почтовый адрес: 111538, г. Москва, а/я 7,
e-mail: moscow@karo.net.ru, karo.moscow@gmail.com

Интернет-магазины:

WWW.BOOKSTREET.RU
WWW.LABIRINT.RU

WWW.OZON.RU

WWW.MURAVEI-SHOP.RU
WWW.MY-SHOP.RU

Гарбузов Виленин Исаакович

**ВОСПИТАНИЕ РЕБЕНКА В СЕМЬЕ:
СОВЕТЫ ПСИХОТЕРАПЕВТА**

Ответственный редактор *М. О. Вайполина*

Художник *С. И. Ващенко*

Технический редактор *М. Г. Столярова*

Иллюстрация на обложке *О. В. Маркиной*

Издательство «КАРО», ЛР № 065644

195027, Санкт-Петербург, Свердловская наб., д. 60, (812) 570-54-97

WWW.KARO.SPB.RU

Гигиенический сертификат

№ 78.01.07.953.П.325 от 10.02.2012

Подписано в печать 05.03.2015. Формат 60 x 88 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,5. Тираж 1500 экз. Заказ №

Первая академическая типография «Наука»

199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

© Гарбузов В. И., наследница, 2015

© Гарбузов В. И., 2006

© КАРО, 2006, 2015

Все права защищены

ISBN 978-5-9925-1036-2

ОТ АВТОРА

*Дети хороши — отцу, матери ве-
нец, худы — отцу, матери конец.*

Русская пословица

Семья красна и крепка детьми. В детях ее смысл, гордость, надежда и будущее. Именно дети укрепляют ее. Они соединяют кровным родством любовь двух различных по крови людей. Глубочайшим смыслом и уважением двух людей друг к другу пронизаны слова: «Это отец моих детей!», «Это мать моих детей!». И в детях — истинное бессмертие на Земле. Не об этом ли сказал великий Шекспир в своем шестом сонете:

Ты будешь жить на свете десять раз,
Десятикратно в детях повторенный,
И вправе будешь в свой последний час
Торжествовать над смертью покоренной.

Не выполнить свой долг перед детьми — не дать им истинное воспитание и образование, не поставить их прочно и достойно на ноги — тягчайший грех. Совершившим этот грех не будет покоя на склоне лет; не будет отдохновения и за пределами земной жизни.

Все мы, как писал Антуан де Сент-Экзюпери, из страны своего детства. Каково детство, такова во многом личность и жизнь человека. Всю жизнь мы помним, храним в своем сердце память о тепле отчего дома. Дети — плоть от плоти, кровь от крови родителей не только генетически, но и по воспитанию. И семье не на кого пенять, если дитя «растет криво»: ведь в семью дитя входит до того, как на него мог бы оказать пагубное влияние кто-то.

Известно, что, когда человека принимают даже на самую скромную по ответственности работу, от него требуют наличия знаний и удостоверений, дипломов, дающих право на эту профессию. Однако никто не требует от молодого человека обоснования его права на рождение и воспитание ребенка. И это естественно. Право на рождение ребенка — священное право каждого интеллектуально полноценного человека. Но рождение и воспитание ребенка налагает на родителей чрезвычайную ответственность.

Великий французский мыслитель Мишель Монтень писал в своих «Опытах»: «...с наибольшими и наиважнейшими трудностями человеческое познание встречается именно в том разделе науки, который толкует о воспитании и обучении в детском возрасте» (1958, кн. 1, с. 189). И готовясь стать родителями, помня, что речь идет о самом ответственном и трудном испытании на право считать себя личностью, следует читать хорошие книги, посвященные воспитанию детей, не смущаясь, если в них встречаются и трудные для понимания разделы. Такие разделы читают особенно вдумчиво, а что-то и перечитывают по нескольку раз. И в этой книге есть

главы, читаемые легко, в которых уместна лиричность, эмоциональность, как, например, главы о маме, отце, отчине, бабушке и дедушке. Однако есть в ней и архиважные, но достаточно сложные главы, посвященные натуре человека, неосознаваемой сфере его психики и общим проблемам воспитания. Тем не менее те, кто ответственно относится к судьбе своих детей, всё поймут и всё усвоят. Ведь природа, наделив нас способностью к рождению человека, дала нам и великие силы для его воспитания, наградила нас способностью, любя свое дитя, творить даже невозможное!

Эта книга продиктована самой жизнью. Я написал ее, побуждаемый вопросами, которые чаще всего задавали мне, детскому врачу, психологу и психотерапевту, родители. Поэтому в ней говорится как о самых общих, принципиальных проблемах воспитания, так и о более конкретном — об изучении иностранных языков, об одаренности, о детской книге. Стержень же всех моих рекомендаций — забота о том, чтобы дитя получило воспитание, которое даст ему удовлетворенность, уверенность в себе, счастье, а не приведет его к неврозу. Неврозы же — детище дурного воспитания. Конкретных причин неврозов много, но корень их один — тяжелое детство и ошибки воспитания.

Эта книга адресована не только тем, кто готовит себя к великому таинству, великому подвигу рождения человека. Она адресована и уже имеющим детей и даже уже успевшим допустить ошибки в воспитании, ибо их можно исправить, особенно у ребенка до двенадцати лет. Следует со всем тщанием сегодня — именно сегодня, а не завтра — учесть все, что будет почерпнуто из этой книги. Гораций писал несколько о другом, но очень подходящем к вышесказанному: «Решись стать разумным, начни! Кто медлит упорядочить свою жизнь, подобен тому простаку, который дожидается у реки, когда она пронесет все свои воды; а она течет и будет течь,

быстролетная, веки вечные». И надо решиться, и не следует медлить, ждать в таком святом деле, как правильное воспитание своего ребенка. Ведь нет ничего более горького на свете, чем видеть своих детей несчастными, несчастными потому, что они оказались неподготовленными к жизни. И нет большего удовлетворения, чем видеть успехи и высокие достижения собственных детей!

Есть на свете самое прекрасное, солнечное чувство — любовь. В семье оно рождается, в семье оно замыкается в великий, святой круг: любовь к родителям — с рождения, любовь к избраннику души — женщине, мужчине, любовь к детям, а у них вновь любовь к родителям... Этот круг не должен быть разорван! Как-то, еще молодым врачом, я столкнулся с трагедией: девочка пятнадцати лет от роду бросилась под электричку. Вскрытие установило наличие у нее беременности. Девочка, имевшая отца и мать, попала в беду, из которой самостоятельно не могла найти выхода. И она предпочла разговору с отцом и матерью смерть. Она боялась отца, боялась матери больше, чем смерти. А ведь кого боятся, того не любят. Великий круг любви был в этой семье разорван. Без любви к детям даже при наличии педагогических знаний истинное воспитание невозможно! И эта книга адресована только тем, кто любит детей. И естественно, истинные воспитатели только те, кого дети любят.

Глава 1

МАМА

*Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.*

С. Есенин

*О, радость матери!
Оберегать, и терпеть, и без-
мерно любить, и страдать, и при-
лежно растить живое!*

У. Уитмен

Материнское воспитание оставляет неизгладимый след в душе человека, в его личностных особенностях. Роль женщины как нравственной вдохновительницы человека столь велика, что известный французский психиатр Морель писал: мы являемся «вдвойне детьми наших матерей» — по рождению и по воспитанию.

Нравствен или безнравствен человек, оптимистичен он или пессимистичен, добр или черств душой, альтруистичен, восприимчив к состоянию другого, чуток или эгоистичен, уверен или не уверен в себе, богат или беден эмоционально, в конце концов, счастлив, удачлив он или несчастлив, неудачлив — все это во многом зависит от материнского воспитания, от взаимоотношений в первоосновной, святой системе «мать—дитя».

Широко известны ошеломляющие результаты экспериментов Г. Харлоу и его сотрудников из Висконсинского университета в США над обезьянками макака-резус с отрывом их сразу после рождения от матери. Обезьянки, лишённые материнского воспитания, отличались чрезмерной агрессивностью либо пассивностью. У них нарушалось общение с себе подобными, и они не могли жить в стае. Эти обезьянки не давали потомства

или не способны были его вырастить, проявляя агрессивность по отношению к собственным детенышам.

Необходимость исследования значения роли матери в воспитании ребенка стимулировалась в конце прошлого — начале нынешнего века высокой смертностью в детских приютах. В некоторых из них создавались великолепные бытовые условия, соблюдались все требования санитарного режима, но дети все равно умирали. Казалось бы, у них имелось все необходимое для жизни. Однако они были лишены главного — материнской любви.

Итак, первое и основополагающее в материнском воспитании — любовь, материнское сердце. Говорят, что «сердцем и соломинку не переломить», но любовь матери, ее сердце — как солнце, без которого не было бы жизни на земле. Еще Иоганн Песталоцци мудро подметил: «Если взглянуть на человеческого младенца в связи с человеческой матерью, то прежде всего мы заметим здесь трогательное согласие материнской силы, материнской воли и материнских средств с потребностями младенца... мать не спит ночей, а утром, после бессонной ночи, чувствует себя в таком же светлом настроении, как после сладкого сна, потому что она бодрствовала с любовью» (1913, с. 15).

Следовательно, сама природа дает матери силу для ухода за ребенком и для его воспитания. Уход за ребенком в первые три года его жизни непереносимо труден для матери только в том случае, если в ее сердце нет любви к малышу. Уход без любви делает первые три года жизни трудными, безрадостными и для ребенка. Такой уход он воспринимает как нападение на него, как агрессию против него. И он впадает в оцепенение, пассивно подчиняясь властным и холодным рукам, проникаясь страхом, озлобленностью, протестом и пессимизмом.

Но для матери, любящей свое дитя, эти годы наполнены счастьем. Любовь рождает в ней силу, помогает

ухаживать за малышом с радостью, добротой и нежностью, и дитя растет, не зная страха, естественно проникаясь добротой и нежностью, буквально впитывая их. Пройдет время, и, став взрослым, человек, в душе которого материнская любовь взрастила оптимизм, доброту и мужество, будет и сам преодолевать житейские трудности мужественно, уверенно и оптимистично.

Любовь рождает интуитивное понимание каждого движения развивающейся души ребенка, подобно тому как даже едва слышимое шевеление его в постельке пробуждает любящую мать от самого крепкого сна. Любовь придает глазам матери мудрую зоркость, ушам — тончайший слух, горлу — нежность при лепете-переключке с младенцем, рукам — истинно материнскую мягкость и теплоту.

Любовь обеспечивает совместимость матери со своим младенцем, хотя и по темпераменту, и по многим другим тончайшим параметрам они могут быть совсем разными. Любовь обеспечивает принятие матерью «беленького» и «черненького», мальчика и девочки, спокойного и крикливого, схожего и не схожего с ней.

Материнская любовь мудра. Мать по-разному любит сына и дочь. Сына она любит безусловной любовью, любит только за то, что он есть. Она любит сильного, но еще более — слабого, любит удачливого, но еще более — неудачливого, любит красивого и некрасивого, ибо для любящей матери сын всегда красив.

Почему мать любит безусловной любовью именно сына? Происходит это интуитивно, но психологически понятно. Женщину, источник жизни, тревожит его грядущая мужская судьба, и она растит сына с нежной любовью, чтобы счастливое детство придало ему мужество, когда ему суждено будет проявить себя как мужчине. Право воспитывать сына требовательной любовью и подготовить его к мужской жизни мать предоставляет отцу.

Безусловная любовь матери — для мальчика источник чувства самооценности, ощущения собственной неповторимости, необходимости и, наконец, счастья бытия. Безусловную любовь матери к нему он воспринимает интуитивно. Мой шестилетний пациент, если мать бывала недовольна им, всегда чувствовал это и проявлял огорчение плачем во сне и недержанием мочи, хотя мать, щадя его повышенную чувствительность, тщательно скрывала свое недовольство.

Безусловная любовь матери творит чудо, вселяя мужество и оптимизм в слабого, придавая ему силы, подобно тому как мать-земля наделяла силой Антея. Зигмунд Фрейд писал: «Лица, которых почему-либо выделяла в детстве мать, обнаруживают в последующей жизни ту особую уверенность и тот непоколебимый оптимизм, который нередко кажется геройским и действительно создает этим субъектам успех в жизни» (1913, с. 217).

Сыновья любят мать, ибо, как сказал Эдуардас Межелайтис:

И как бы ни был широк
Простор мироздания, все же
Мать — солнце! И, видит Бог,
Без солнца мир быть не может.

Мать оставляет более глубокий след в душе своих сыновей, чем отец, хотя больше влияет на формирование Я своих дочерей. Для мужчины воспоминания о детстве, о доме, в котором вырос, — это в первую очередь память о матери. Уход отца из семьи наносит, пожалуй, больший ущерб девочке, чем мальчику. В чем-то неуловимом мальчик больше, чем девочка, нуждается в матери, в ее понимании и поддержке. Анатолий Франс писал: «Женщина — лучшая воспитательница мужчины».

У меня создается впечатление, что ребенок похож на того из родителей, кто его больше ждал. Мальчику важ-

нее (опять-таки так думается мне), чтобы его сильнее любила мать. Поэтому у желанного матерью мальчика, похожего на нее, больше шансов стать счастливым, ибо совпадают мальчишеская потребность в материнской любви и желание женщины родить сына. Народная мудрость утверждает: «Счастливым сын — в мать». И еще. Мне думается, что сыновья еще тяжелее дочерей переносят смерть матери. Не случайно и то, что лучшие стихотворения посвятили матерям сыновья.

Другое отношение у матери к дочери. И ее мать любит самоотверженно, но — и такова мудрость этой любви — требовательно! Девочка должна заслужить материнскую ласку и одобрение своим поведением. Мать видит в дочери то, чего не видит в ней отец. Только мать может подготовить девочку к ее будущему, передав ей свою женственность, свое трудолюбие, свои навыки и умения, особую женскую силу, стойкость и мудрость.

Итак, мать любит дочь требовательной любовью, но дочь понимает, что мать именно потому бывает сурова с ней, что любит, что неравнодушна, что в отношении матери к ней — высшая любовь и высшая справедливость. Так и происходит таинство отождествления дочери с матерью, принятие от нее своей женской роли, женской доли и эстафеты материнства.

Таким образом, и мальчик, и девочка в равной степени нуждаются в матери, в первую очередь именно в ней. Ведь мать — естественная воспитательница детей. Ведь носила под сердцем — она, родила в муках — она, вскормила грудью — она, и пуповина соединяла ребенка с ней, а не с отцом! Утверждал же Жан-Жак Руссо, что, если бы природе было угодно, чтобы первоначальное воспитание детей осуществляли мужчины, она бы дала им молоко для вскармливания.

И со вскармливания грудью возникает нерасторжимая связь между матерью и ее ребенком. «Чувство любви в

ребенке зарождается первоначально под влиянием акта кормления», — утверждал в конце XIX века отечественный психолог Н. Н. Ланге. И мать еще до рождения ребенка психологически и физически готовит себя к вскармливанию его грудью.

Грудное вскармливание справедливо именуется естественным. И дело не только в том, что материнское молоко питательно, что его состав соответствует возможностям пищеварения ребенка, что в нем — иммунные факторы и даже гормоны, способствующие созреванию и росту ребенка. И дело даже не в том, что ритмичность сосания материнской груди стимулирует психическое созревание — формирование соответствующего биоритма головного мозга. Не случайно ведь лишённые материнской груди задерживаются в психофизическом развитии, а то и годами, засыпая, ритмично раскачиваются в постели. Главное же заключается в том, что при грудном кормлении от груди матери исходит некая аура, нормализуется биополе ребенка, если в организме его что-то «не так». Главное заключается и в том, что материнская грудь как бы материальное воплощение материнской любви, как бы символ живительного тепла, изобилия, безопасности, символ самой природы и жизни. Короче, я не знаю до конца, как это происходит и в какой степени, но одно дело и, быть может, одна судьба — быть вскормленным грудью матери и другое дело, другая судьба — быть вскормленным из бутылочки с коровьим молоком!

И я точно знаю, что лишение материнской груди интуитивно воспринимается младенцем как лишение любви матери, как лишение защищенности. И тогда, испытывая страх, депрессию, ребенок начинает сосать палец, что-то другое, как бы неосознанно утешая и успокаивая себя таким противоестественным способом.

Мать — олицетворение безопасности и для малыша более старшего возраста. Только в нежном кольце ма-

теринских рук он испытывает чувство полной защищенности. Испуганно спешит он к матери, столкнувшись с чем-то, дотоле ему неизвестным. Миг — и он на руках. Эти надежные руки сомкнулись вокруг него, и в его глазах уже нет страха, он сам поворачивается в сторону предмета, человека или живого существа, только что напугавшего его, интересуется, изучает, запоминает, знакомится. Он накапливает опыт. Он развивается.

Ребенок испытывает страхи уже с первых дней жизни, ибо инстинкт самосохранения рождается вместе с ним. Безоговорочно доверяет он только матери. Спокойна она — спокоен и ребенок. Неуловимо встревожена мать — и ребенок тут же ощущает ее беспокойство, пугается, плачет. И вновь требование ко всем членам семьи — оберегать покой и светлое настроение матери с ребенком.

Мать сугубо по-женски — источник мужественности для мальчика и девочки. Мальчика она вдохновляет своей верой в него, даже если в него никто, кроме нее, не верит. Девочку мать воспитывает мужественной своим примером.

Чтобы выполнить эту миссию — воспитать своих детей мужественными, женщина должна обладать непоколебимым чувством собственного достоинства. Мать не имеет права выглядеть несчастной и жалкой, слабой и незащищенной, жертвой человека или обстоятельств, ибо с ее образом связаны первые впечатления ребенка, она источник оптимизма и достоинства или пессимизма и малодушия.

Чилийская поэтесса Габриела Мистраль в «Поэме о сыне» писала:

Все думаю я, чем бы стал ребенок,
рожденный такую матью, —
я в жизни слишком устала, —
сын с сердцем моим —
сердцем женщины побежденной.

Матерью, преисполненной чувства собственного достоинства, гордой и уверенной в себе, дети гордятся и сами становятся такими.

Мать — естественный воспитатель эстетического начала в детях. Восприятие и понимание красоты — в первую очередь от матери. Природа наделила ее тонкостью и глубиной чувств — богатейшей эмоциональностью. Она любит природу, животных, цветы, музыку и запечатлевается в душе ребенка среди солнца, летнего дня, трав, птиц. У нее есть любимые духи, и они запоминаются детьми как аромат детства.

Великий индийский поэт и философ Рабиндранат Тагор в стихотворении «Воспоминание» писал:

Я никогда не вспоминаю мать.
Но в месяце ашшин, средь зарослей жасмина,
Как только начинает рассветать
И влажен ветер, пахнущий цветами,
В моей душе встают воспоминанья,
И мне является она.
И верно, мама часто приносила
Цветы, чтоб вознести моления богам;
Не оттого ль благоуханье мамы
Я слышу всякий раз, входя во храм?

Мать играет огромную роль в нравственно-этическом воспитании. Отзывчивость, способность к сопереживанию — в первую очередь от матери. С момента рождения ребенка она чутко реагирует на его настроение. Она первая знает, болен он или здоров, улавливает его страх, тревогу, смятение, стыд и неуверенность. Он, будучи генетически ориентирован на мать, чувствует ее состояние. Через восприятие состояния матери ребенок естественно выходит на понимание состояния и переживаний других. Мать вводит свое дитя в мир людей, вводит с любовью и доверием к этому миру. Мать воспитывает способность сразу схватить как главное, часто

неуловимое, истинное в человеке и в ситуации, в том числе угрожающее, опасное, злое, так и нюансы человеческого характера, ситуации. Она же учит разумной осторожности, учит семь раз отмерить, прежде чем отрезать, указывает на возможные последствия того или иного решения, поступка, приучает к осмотрительности, особенно девочку.

Мать воспитывает у девочки трудолюбие, усидчивость, опрятность, внимание, наблюдательность.

Однако мать может быть и источником неразумного, разрушительного влияния на судьбу собственного ребенка. Бывает, что мать отдает ему все свои духовные и физические силы, но это идет во вред ребенку. Большая беда, иногда непоправимая. Такое случается, если любовь матери к ребенку принимает уродливые формы слепого обожания, всепрощения, что формирует эгоистическую личность. Беда, если мать в силу «безумной» любви к ребенку вырастит неприспособленного к жизни, развращенного безудержным удовлетворением всех его потребностей человека. Материнское воспитание либо способствует нормальной адаптации человека среди людей, либо делает такое приспособление невозможным.

Беда, если мать истерична, взбалмошна, издергана жизнью, если она невежественна, груба, эгоистична.

Большая беда, если мать недоброжелательна к людям и мир в ее представлении заселен только негодяями.

Беда, если мать пессимистично смотрит на жизнь, на мир вокруг нее. Беда, если она запугана, унижена, подавлена, тревожна, ибо, как это будет подробно рассмотрено в 12-й главе, она как раз в силу своей особой эмоциональной близости к детям может посеять семена всего этого в их душах. И тогда она не только не выполнит свою роль великой воспитательницы, но и сыграет злую роль в судьбе собственных детей. Известный врач и психолог А. В. Маутнер писал по этому поводу: «Как горько для матери, которая обыкновенно,

кажется, ничего не жалела для ребенка, дойти под конец до сознания, что она воспитала в нем одни недостатки» (1856, с. 204). И речь в данном случае идет о еще худшем, когда мать внушила детям отрицательные установки на жизни. Русская поговорка по этому поводу говорит: «Оттого парень с лошади свалился, что мать криво посадила». И уж совсем горькое: «Не на ту пору мать родила, не собрав разума, в люди пустила».

Есть и другая сторона невыполнения матерью ее долга в воспитании человека. Речь идет о невежестве иных матерей и даже об их нерадении. Философу-гуманисту Гельвецию, размышлявшему над проблемой дурного воспитания ребенка его матерью, принадлежат жесткие слова, которые я не могу не привести, ибо они актуальны и сегодня: «Нет такой матери, которая не уверяла бы, что она безумно любит своего сына. Но если под словом *любить* понимать заботу о счастье этого сына и, следовательно, о его воспитании, то не найдется почти ни одной матери, которую нельзя было бы не обвинить в равнодушии. Действительно, какая мать заботится о воспитании своих детей, читает относящиеся к этому вопросу хорошие книги или хотя бы старается понять их?.. нет ничего более редкого, чем материнская любовь» (1974, т. 2, с. 510–511). И конечно, мать должна помнить мудрое, народное: «Напряталась матка от деток — напрячутся детки от матки. Напряталась матка от батьки — напрячутся и детки от матки»; «Что мать в голову вобьет, то и отец не выбьет»; «Репьем осеешься — не жито взойдет».

Итак, на матери лежит ответственность перед собственной совестью, перед обществом. Ну а дети? В древнем египетском кодексе морали указывалось: «Почитай мать свою, которая кормила тебя грудью в течение трех лет, которая не гнушалась твоими грязными пеленками, — ты не обижай ее: если она возденет свои руки к Богу, Бог ее услышит». Обижая свою мать, человек совер-

шает нечто такое, что позже может обернуться глубоким конфликтом с самим собой и с собственными детьми. Когда матери уже нет, ничто так не терзает совесть человека, как материнские слезы, в которых ты повинен. Первое правило педагогики, старое как мир, гласит: твое отношение к родителям и в первую очередь к матери твоей должно быть таким, какое ты хочешь видеть к себе со стороны собственных детей.

Я закончу эту главу строками все из того же так волнующего меня стихотворения Рабиндраната Тагора:

Я никогда не вспоминаю мать.
Но, глядя из окошка спальни,
На мир, который взором не объять,
На синеву небес, я чувствую, что снова
В мои глаза глядит она
Внимательным и нежным взглядом,
Как в золотые времена,
Когда, меня сажая на колени,
Она смотрела мне в глаза.
И взор ее тогда во мне запечатлелся,
И от меня закрыл он небеса.

Глава 2

ОТЕЦ

Производя и питая детей, отец исполняет этим только третью часть своей задачи. Он должен роду человеческому дать людей, обществу — общественных людей, государству — граждан. Кто не может выполнить обязанности отца, тот не имеет права быть им... Я предсказываю всякому, у кого есть сердце и кто пренебрегает столь священными обязанностями, что он долго будет проливать горькие слезы по поводу вины своей и все-таки никогда не будет утешен.

Жан-Жак Руссо

Для гармоничного формирования личности ребенку необходимы отец и мать. Мужское и женское мышление, восприятие и реагирование не миф. Мужское и женское едино и противоположно. Оно непоколебимо разделено в процессе эволюции глубинными психофизическими особенностями. И предназначение мальчика — стать мужчиной, отцом. Предназначение девочки — стать женщиной, матерью. Таким образом, для того чтобы естественно пойти по предназначенному природой пути, ребенку нужен отец, нужен так же, как и мать, не меньше и не больше. О великой роли матери в воспитании и жизни ребенка говорится часто и много, в том числе писателями, поэтами. Сказав выше о роли матери, остановлюсь теперь на роли отца. Ребенок без отца — подранок. Я понимаю, что миллионы детей не имеют отцов, что сказанное мною ранит одиноких матерей, но я страстно хочу, чтобы детей без отцов, чтобы одиноких матерей было как можно меньше. Я страстно хочу, чтобы родители серьезнее относились к разводу, чтобы отец, покидая детей, осознавал, что он творит. Корней Чуковский так и не простил отцу свое горькое детство, детство без отца.

Роль отца, мужчины в семье освящена веками. Отец — опора, защита, справедливый судья. И если образ его не девальвирован в глазах ребенка его же собственным, отцовским, поведением, если мужчина не унижен женой, тещей, то эта роль остается за ним и в наши дни. Отец учит долгу перед обществом, так как сам радуется за общественные ценности. Отец не думает о себе, спасая другого. Отец идет впереди, если надо пробить дорогу. Отец берет на себя ответственность в экстремальных ситуациях. Отец спокоен, если все в семье растерялись перед лицом опасности и угрозы, и вносит струю успокоения в накалившиеся страсти. Отец учит уважению к женщине и милосердию к старости, великодушию к слабому, дает понятие о доброте истинной силы. Он учит защищаться и защищать слабых и, если это необходимо, быть компромиссным, не поступаясь правдой и совестью. Отец учит руководить и подчиняться, сотрудничать, учит организованности и сознательной дисциплине. Дети запечатлевают отцовское отношение ко времени, его верность данному слову, мужское чувство ответственности, долга и чести. Влияния отца неисчислимы.

Однако не все отцы исполняют свой долг с полным осознанием высокой ответственности за будущее собственных детей. Еще в 1570 году Роджер Эшем с гневом писал об отцах, которые больше заботятся о том, чтобы найти для своей конюшни человека, понимающего толк в лошадях, чем о воспитании детей, и саркастически замечал, что такие отцы в конце концов имели смиренных и хорошо содержащихся лошадей, но «диких и несчастных детей», получая в результате «больше удовольствия от своих лошадей, чем отрады от своих детей».

Подобные упреки нередко адресуют отцам и в наше время, по прошествии четырех веков после Эшема. Только теперь речь идет о занятости по работе, о «трудных

временах», об автомашине, которой уделяется больше времени, чем детям, об увлечениях отца, поглощающих все его свободное время (коллекционирование, спорт, охота, рыбалка и др.), о личных проблемах, об усталости. В результате на воспитание детей, на общение с ними у отца (как и у матери!) часто нет времени. И здесь уместно привести замечание Сенеки о том, куда уходит время у очень многих: «Часть времени у нас отбирают силой, часть похищают, часть утекает впустую». И время отбирает работа, похищают бессмысленные встречи и разговоры, суета сует, а главное — оно уходит впустую, если сопоставить мнимую важность очень многого, что отнимает наше время, и воспитание детей.

В чем же дело? Почему все-таки отцы, безусловно желая своим детям только счастья, вносят обычно недостаточный вклад в их воспитание? Думается, причин тому много. Дело в том, что мать с самого начала знает, что конкретно от нее требуется. Она учит ребенка ползать, ходить, самостоятельно есть и одеваться, учит навыкам опрятности, позже — навыкам и умениям, готовя к детскому саду и школе. Отцовское же воспитание как бы абстрактно. Отец тоже учит мужским навыкам и умениям, но главное — он должен научить думать, решать жизненные задачи и принимать верные решения. Да и последствия отцовского воспитания проявятся позже. Материнское нерадение, когда ребенок неаккуратен, неопрятен, все видят сразу и рано. Ну а если ребенок не способен эффективно мыслить, анализировать, прийти к самостоятельному умозаключению, непонятлив, поскольку отец не уделял этому должного внимания, мало беседовал с ним, не размышлял вместе с ним, не отвечал обстоятельно и вдумчиво на его вопросы «почему?» и «что будет, если ...?» — когда еще это скажется! Да и кто обвинит в этом отца? Скорее — школу, она, дескать, не научила! Или скажут о ребенке с неразвитым умом: «Глуп, но это от природы».

Отцы часто попросту не знают, чему и как учить. В результате отец читает своим детям малоэффективные нотации и выступает в роли судьи или исполнителя наказаний с пресловутой угрозой матери: «Вот придет отец с работы и выпорет!»

Зачастую отца отстраняют от воспитания, поскольку, не представляя ясно и конкретно своей роли, он пытается подменить мать, выполнять то, что сподручнее делать ей, и выступает не как партнер в воспитании, а скорее как конкурент. Мать тут же изгоняет его: «Вынеси лучше мусор и выбей ковер». И отец нередко самоустраняется из воспитания, хотя и понимает, что им следует заняться, ибо поведение детей все более удручает его.

Есть и другие причины недостаточного участия отца в воспитании. Воспитание требует великого терпения, а отцы, в отличие от матерей, чаще нетерпеливы. Отцы чаще, чем матери, ссылаются на занятость, полагая в силу сохранившихся традиций, что воспитание детей — женское дело.

Между тем мужчина должен осознать свою роль в судьбе сына или дочери, осознать еще до их рождения, чтобы психологически быть готовым к своей роли, не испытывать опасений и смущения, став отцом. Любящий, умный и добрый муж ограждает беременность супруги от волнений, физических перегрузок, переутомления, заботлив, ободряет ее, гуляет с ней в парке, вывозит ее за город, чтобы она вместе с плодом дышала свежим воздухом. Он говорит с женой о ребенке, обсуждая все мелочи устройства жизни малыша после его рождения так же, как и глобальные проблемы его воспитания. Это ободряет и радует мать. Она еще и еще раз убеждается, что беременность желанна и для мужа, что ребенка ждут они оба. А главное, непостижимым образом и будущие мальчик или девочка как-то ведают о том, что их ждут, к их появлению готовятся.

Многие отцы полагают, что они не нужны малышу до пяти лет, во всяком случае в первый год и уж, конечно, в первый месяц его жизни. Парадокс же заключается в том, что ребенок нуждается в отце уже с первых дней жизни. Дело в том, что мать должна отдохнуть после беременности и родов. В немецком языке женщина-мать после родов именуется «шестинедельницей», требующей отдыха и внимания. В этот период за ребенком и матерью ухаживает отец. Они оба нуждаются в нем: жена — в муже, дитя — в отце. Эти полтора месяца отец как бы символически доншивает ребенка. Именно в это время он по-настоящему становится отцом, проникаясь нежностью к столь зависящему от его благородства и доброты младенцу. Он по-настоящему только теперь становится и мужем. Ведь в сущности до появления первого ребенка женщина и мужчина были любовниками, и только теперь они действительно ощутили себя мужем и женой. И только теперь стала зрелой любовь двух сердец, родивших третье.

И отец участвует в уходе за малюткой, поднимается к нему ночью, меняя пеленки. Он сам стирает и гладит их. И, согрев их, быстро пеленает беспомощное тельце. А мать пусть пока отдыхает.

Полуторамесячный период краток. Но дело сделано. Таинство свершилось. Вчерашний мальчик психологически ощутил себя мужчиной и отцом. Руки, пеленавшие дитя, стали добрыми и сильными руками отца. Но и по истечении периода младенчества отец, психологически ощутивший себя им, продолжает заботиться о ребенке. В согласии с матерью, вдвоем они моют его, ухаживают за ним, забавляют его, ибо оба любят малыша.

И все-таки от рождения ребенка до времени, когда ему исполнится пять с половиной лет, отец заботится не столько собственно о ребенке, сколько скорее о ма-

тери с ребенком. Ведь связь «ребенок—мать» в этот период еще нерасторжима.

Отец во многом не понимает ребенка в возрасте до пяти с половиной лет, поскольку для понимания переживаний малыша этого возраста необходим не столько ум, сколько материнская интуиция. И ребенка-то в этот период отец воспринимает неотделимо от матери. Спокойна мать, следовательно, все в порядке и с ребенком; обеспокоена она — значит, что-то случилось с малышом.

Разумеется, отец занимается, играет с детьми и до пяти лет, но выступает пока скорее в роли помощника матери. К пяти с половиной годам жизни происходит феноменальный скачок в умственном развитии ребенка. И с этого времени отец мягко, постепенно берет на себя воспитание сына и участвует в развитии интеллекта дочери.

Отец в своем лице представляет для детей мир мужчин. Давно замечено: если мальчик имел хороший контакт с отцом, он и сам в урочное время становится настоящим мужчиной, нормально адаптируется среди мужчин, естественно и благородно ведет себя с женщинами.

Если дочь имела добрые, доверительные, уважительные отношения с отцом, она вырастает уверенной в себе и по-доброму, уважительно относится к мужчинам, естественна с ними. Неосознаваемо избирает она и друга «по отцу». Напротив, женщина подозрительна, агрессивна, противоречива в отношениях с мужчинами, если отец был несчастьем ее детства или если она и вовсе не знала отца.

Мужчина любит дочь безусловной любовью. Имея дочь, он восхищается ею, не видит в ней недостатков, по крайней мере в дошкольном возрасте. Ему все мило в ней. Он просто любит дочь. Но любя дочь безусловной любовью, он все-таки воспитывает ее, воспитывает самой любовью, воспитывает своей мужественностью и

справедливостью. А когда она, особенно в подростковом возрасте, совершит нечто возмутительное, отец выскажет, и выскажет жестко, свое отношение к этому. И все-таки за будущее дочери отвечает мать. Она учит дочь всему, что должна знать и уметь женщина, она и понимает дочь лучше и глубже, по-женски, а отец свою дочь просто любит, любит нежно и заботливо.

И любящий отец необходим девочке как само детство. Он навсегда остается в сердце дочери. Ведь недаром народная мудрость утверждает: «Счастливая дочь — в отца». И дочери тяжелее, чем сыновья, переживают уход отца из жизни.

Сына отец любит требовательной любовью. Требовательная любовь — всегда любовь за что-то: за умные поступки, за мужество, старание, трудолюбие, терпение и упорство. И чтобы отец одобрительно сказал: «Молодец!», скупно приласкал, положив руку на плечо, надо, впервые встав на коньки утром, уже к вечеру, в синяках и ссадинах, встретить отца, лихо подкатив к нему, да еще с разворотом на месте!

Отец поощряет готовность сына к чрезвычайным усилиям, к риску, побуждает его к поиску своего места в жизни, зовет к самостоятельности.

Понаблюдаем за тем, как учит ребенка езде на велосипеде мать. Она посадила сына в седло, но придерживает, притормаживает велосипед, тормозит движение, бежит рядом, не отпуская его. Отец посадил в седло и толкнул велосипед — ездай! Ушибешься — встань и вновь вперед!

Отец любит сына требовательно, но это не значит, что он не приласкает сына, не скажет ему, как любит его! О дураках говорят, что, молясь Богу, они расширяют себе лоб. Отец не уподобится такому человеку. Не следует это разделение на безусловную и требовательную любовь понимать прямолинейно, буквально, чрезмерно, «дубовато»!

Мишель Монтень в «Опытах» описывает переживания некоего Блеза де Монлюка, маршала Франции в XV веке, у которого погиб сын. Монлюка особенно мучило и угнетало то, что он никогда тепло, по-отцовски не общался со своим сыном, представляя перед ним лишь в обличье сурового отца, «настоящего мужчины», и мальчик видел отца только насупленным, хмурым. И маршал, суровый воин и герой, восклицал с болью: «Кому же еще мог я открыть эту нежную любовь, которую я питал к нему в глубине души? Не он ли должен был испытать всю радость этого чувства... А я сковал себя и заставлял себя носить эту бессмысленную маску» (1960, кн. 3, с. 80). И тут нечего прибавить.

Выросший без отца часто пасует перед трудностями, уповая на окружающих, ибо мать инстинктивно пытается — и это ей удается — заслонить ребенка от беды, принять удар на себя. Отец учит преодолевать трудности, надеясь на себя, и идти навстречу опасностям.

Чтобы выполнить роль отца, мужчина должен быть стабильным. В силу своей повышенной эмоциональности мать может быть противоречивой, многоликой, неожиданной в реагировании, и в этом есть свой смысл, ибо через мать ребенок познает противоречивость и многоликость мира людей. Необходимо указать, что у женщины естествен ежемесячный период колебаний настроения. И противоречивость ее, таким образом, физиологична и потому естественна. Мужчина не имеет права на противоречивость, нестабильность в своих реакциях, поступках, в своем поведении. Он обязан иметь твердую и непоколебимую позицию в принципиальных вопросах.

Стабильность мужчины как надежность и непоколебимость балки, на которой держится крыша дома. Стабильность привносит в семью спокойствие и уверенность. С нестабильного поведения мужчины часто

начинается разрушение семьи. Нестабильность мужчины порождает неуверенность женщины в завтрашнем дне семьи, в самой себе. В стабильности мужчины — справедливость. Ребенок твердо знает: за это отец накажет, за это похвалит, а не наоборот. И он знает, как себя вести. А мама может сегодня расцеловать, а завтра наказать за один и тот же поступок.

Стабильность основана на внутренней силе и уверенности в себе. Став отцом, вчерашний юноша мужает. Зависимый от родителей, породив детей, должен стать независимым, полагающимся только на себя. Если отцовство не придало дополнительных сил, не привело к возмужанию, быть такому человеку мальчиком до седых волос.

Я знал мужчину, который не вступал в брак, полагая, что, будучи неуверенным в себе, он еще не созрел для отцовства. И только достигнув желаемого в своем профессиональном совершенствовании, а главное — психологически созрев, он стал отцом.

Отец играет исключительную роль, компенсируя недостатки личности матери ребенка (как и мать — личностные недостатки отца). И справедлива поговорка: «Не на жену пеняй, что сын косой». Если мать в чем-то плохая воспитательница, то мудр отец. Если мать несколько взбалмошна, предельно собран он. Беспокойна она — сдержан он; тревожно-мнительна она — смел, решителен он; чрезмерно мягка, попустительствует ребенку мать — строг и требователен отец.

Бывает, что доминантная, с жестким и властным характером мать любит и дочь, и сына одинаково требовательно. Тогда отец осознанно или интуитивно любит безусловной любовью и сына. Однако это, конечно, хуже, чем в идеальном варианте, когда каждый родитель выполняет свою роль в полном согласии со своим полом.

Случается и такое, когда оба — отец и мать — любят сына и дочь только безусловной любовью. Тогда у ребенка «две матери» и, следовательно, нет исполнителя отцовской роли. Мальчик в таком случае растет тревожным (боится жизни за пределами семьи, ибо его не подготовили к ней), девочка — капризной и избалованной. Ей придется трудно в жизни, ибо претензий у нее много, а умений и трудолюбия мало.

Не только от женщины, но и от мужчины во многом зависит психологический климат в семье. Русская поговорка гласит: «Каков Дёма, таково у него и дома». Муж нередко ведет жену за собой, ведет к добру или к злу. Если женщина любит мужа, она склонна принимать его позицию в отношении жизни, детей, воспитания. А если, как говорит поговорка, «муж за рюмочку, жена за стаканчик», то и дети могут последовать за ними, и тогда «батюшка в мир, матушка в пир, и я, озорник, дома не домовник». Вот как! Так что дом стоит не на одной опоре — на матери или на отце, а на двух — на матери и на отце. Только тогда он стоит прочно!

Принципиальна роль отца в интеллектуальном воспитании детей. Ведь хотя по уровню интеллекта мужчины и женщины равны, различия в мужском и женском стиле мышления — реальность. Отец более склонен к теоретическим обобщениям, он мыслит глобальными категориями. Он говорит с детьми о смысле жизни, о долге и ответственности, о чести и доблести, о правде и кривде, о родине и о политике, о географии и об истории. В беседах с детьми мужчина выходит за рамки внутрисемейных и личных проблем. Преимущественно на мужчине лежит ответственность за способность анализировать, обобщать, глубоко исследовать явление и делать правильные выводы, умозаключения. Переход от наглядно-образного мышления к абстрактно-логическому, понятийному, теоретическому — преимущественная забота отца.

Чтобы достойно выполнить роль отца, мужчина обязан быть эрудированным вне зависимости от его формального образования, рода работы, профессиональной принадлежности. Молодой отец приобрел «Энциклопедический словарь» и сказал мне: «Парень мой задает уйму вопросов, и жена тут же направляет его ко мне!»

Взрослеющие дети, наблюдая невежественный апломб, крикливое бахвальство, претенциозную пустоту горотца, приходят к трагическому раздвоению, одновременно испытывая естественную любовь к нему и... неуважение, а то и презрение.

Мать и отец по-разному знакомят ребенка с миром, природой, человеком, межличностными отношениями. Мать раскрывает красоту окружающего, отец — смысл, причинно-следственные связи. Мать указывает на важные детали, как бы разлагая целое на составные части; отец — на целостность явления, собирая единичное в общее, обобщенное.

Мать стремится учиться за ребенка, стимулирует заучивание, дает готовый ответ на все вопросы. Отец наталкивает на изучение сущности вещей и явлений, объясняет, будит догадку, смекалку и подводит к решению задачи, а затем и жизненных проблем.

Отец обладает мужским опытом жизни, он воспринимает окружающее, события, пережитое по-своему. Детям нужен, важен, интересен не только жизненный опыт матери, о чем шла речь в соответствующей главе, но и жизненный опыт отца.

Если отец не выполнил свой долг, не сыграл принципиальную роль в формировании личности сына, в его представлении о том, что главное в жизни, а что второстепенное, что справедливо и что ложно, что благородно и что подло, что есть достоинство и что — трусость, что такое ответственность, долг и что такое безответственность, если он не сыграл свою роль в развитии мужских начал в сыне и в сложном сочетании

мужественности и женственности у дочери, то последствия этого печальны. Недаром говорят русские пословицы: «Не учил отец, а дядя не выучит», «Отцовским умом жить деткам, а отцовскими деньгами не жить».

Детям, выросшим без отцовского влияния, грозит заземленность, суетность, неспособность к мужественным поступкам и, если надо, к риску, поиску. Им угрожает развитие таких черт характера, как чрезмерная осторожность, тревожность, эгоистичность, конфликтность, неуверенность, подозрительность, мнительность, нейротизм. Такие дети могут вырасти легкомысленными, ибо не знали глубокомыслящего отца. Они могут оказаться неспособными глубоко и широко судить о жизни и так же к ней относиться. Они могут так и не научиться думать.

Дети, не испытавшие отцовского влияния, могут вырасти зависимыми, несамостоятельными, пасующими перед трудностями. Мальчик может не стать настоящим мужчиной, ибо не знал общения с ним. Девочка может не стать истинной и гармоничной женщиной, ибо не знакома с любовью, великодушием, силой и верностью отца.

Очень много говорится о злоупотреблении отцов алкоголем. Даже как-то неловко затрагивать столь наиболее болезненную тему. Но зло это велико. Пьяный отец предстает перед детьми как бы человеком «без лобной доли», расторможенным, распущенным, безвольным и попросту глупым. Его, возможно, будут любить, жалеть, но никогда не будут уважать. Он не только полностью выпадает из воспитания, но и отрицательно влияет на формирование личности детей. Ему не верят. Все наставления, произносимые им, когда он трезв, воспринимаются с противоположным знаком. Еще хуже, если злоупотребляющий алкоголем отец остается для сына авторитетным. Тогда «за что батька, за то и детки». Ведь

еще в Древнем Риме говорили: «*Patris est filius*» («Он сын своего отца»).

Отец — советчик, поверенный в тайном и сложном, надежда, крепкий тыл, каменная стена, опора детства и юности. Истинный отец, истинная мать сливаются в единое — Родители!

Отцовство не только большая ответственность, но и огромное счастье. Об этом прекрасно сказал известный немецкий врач-педиатр XIX века Бергольд Сигизмунд: «...мне была дарована высшая возможная на земле честь и радость — именно когда я стал отцом...» (1866, с. 9).

И все же глава эта будет неполной, если я не внесу в нее струю той поэзии, которой насыщена глава, посвященная маме. Ведь отец в душе многих и многих стоит вровень с матерью, и его образ неизгладим, и его влияние судьбоносно, и отцовские переживания несказанно глубоки, а любовь к детям безгранична.

Струю такой поэзии, когда речь идет об истинном отце, я нашел, уже работая над этой главой. Вот я все время твержу, что отец должен беседовать с ребенком и эти беседы — бесценный кладезь мудрости и нравственности. И все хотел я найти образец таких бесед в современной педагогике, но нашел их в трудах Сенеки и Честерфилда, трудах мудрых, дошедших до нас через века. Рядом же, ближе я не находил ничего столь же мудрого и достойного, пока не прочел рассказы Юрия Казакова, моего сверстника, притом безмерно талантливого. Не могу не привести чудеснейшие строки из светлого его рассказа о сыне с названием-то каким — «Свечечка!» В нем — великая любовь отца, мудрость и нравственность, раздумья отца и его слова, обращенные к сыну, всего-то к пятилетнему! Весь же рассказ — образец истинно отцовского общения с сыном.

Итак, поскольку не могу привести весь рассказ, вырву из него отдельные абзацы, хотя прекрасно в нем все. Вот как это звучит.

«И лето, казалось, будет длиться вечность, а оно все убывало, убывало... Оно прошло, как мгновение, как один удар сердца. Впрочем, мгновенным оно было только для меня. Ведь чем ты старше, тем короче дни и страшнее тьма. А для тебя, может быть, это лето было как целая жизнь?»

Но и ранняя осень хороша: тихо светит солнце, по утрам туманы, стекла в доме запотевают — а как горели клены возле нашего дома, какие громадные багряные листья собирали мы с тобой!»

«Вот когда-нибудь ты узнаешь, как прекрасно идти под дождем, в сапогах, поздней осенью, как тогда пахнет, и какие мокрые стволы у деревьев, и как хлопотливо перелетают по кустам птицы, оставшиеся у нас зимовать. Погоди, сделаем мы кормушку у тебя под окном, и станут прилетать разные синички, поползни, дятлы...»

«А в общем, не беда, что темно! Ведь у нас с тобой есть теплый дом и свет, и, вернувшись, мы растопим камин и станем смотреть на огонь...»

«Счастливый ты человек, Алеша, что есть у тебя дом!.. Это, малыш, понимаешь, хорошо, когда есть у тебя дом, в котором ты вырос. Это уже на всю жизнь... Недаром есть такое выражение: отчий дом! Хотя не знаю, почему, например, не “материнский дом”? Как ты думаешь? Может, потому, что дома испокон веку строили или покупали мужики, мужчины, отцы?»

«Ты не думай, малыш, что дома и вещи, сделанные человеком, ничего не знают и не помнят, что они не живут, не радуются, не играют в восторге или не плачут от горя».

«Озаренный свечой, ты сиял, светился, глаза твои, цвета весеннего неба, лучились, ушки пламенели, взлох-

маченный пух белых волосиков нимбом окружал твою голову, и мне на миг показалось, что ты прозрачен, что не только спереди, но и сзади ты освещен свечой. “Да ты сам свечечка”, — подумал я...»

И, восхищаясь этими строками, я вспомнил «Песню песней».

Глава 3

КОНФЛИКТ, КРИЗИС В СЕМЬЕ. РАЗВОД

Паны дерутся, а у холопов чубы трещат.

Русская пословица

Одно из самых тяжелых переживаний детства — конфликт между родителями, кризис в семье, развод. Все это оставляет неизгладимый след в памяти детей, влияет на формирование их личности и нередко является причиной детской нервности или трудности, причиной возникновения у ребенка комплексов и невроза.

К разводу приходят не сразу. Он зреет как абсцесс. Дети тонко чувствуют нелады в семье. Они, как высокочувствительные антенны, улавливают растущее отчуждение родителей, напряжение в семье. Напряженность в семье дети неосознаваемо воспринимают как беду, угрозу родителям и себе, что порождает у них тревожность, страхи, депрессивные переживания. И именно потому, что дети не понимают до конца, что же происходит, они переживают происходящее особенно тяжело, хотя и сокрыто. Дети могут уловить назревающий разлад в семье раньше, чем его осознают сами родители! Нередко неврозы у детей, которых я наблюдал, возникали за один–три года до развода, и мать ребенка, подумав, соглашалась: невроз начался со времени, когда в семье только возникало конфликтное напряжение.

Таким образом, сам конфликтный, кризисный период, часто, но не всегда завершающийся разводом, чрезвычайно тягостен для всех членов семьи, а для детей особенно. Суть кризиса семейных отношений всегда одна: подавление одним из супругов чувства достоинства другого. Нет личности без чувства достоинства. И если оно попирается у одного из родителей, возникают два варианта исхода такой ситуации: развод или капитуляция, когда, сохраняя семью, соглашаются на жизнь без достоинства. И развод, и жизнь без достоинства сокрушительно сказываются на воспитании, деформируя личность ребенка. Отсюда три вывода. Первый: кризис в семье, закончится он разводом или нет, так же психотравматичен для детей, как и развод. Второй: неприемлем развод, но неприемлема и ситуация, когда, сохраняя семью ради детей, один из родителей так и живет в унижении. И это к тому, что, будучи принципиальным противником развода родителей, имеющих малых или больных детей и детей-подростков, я полагаю: брак, в котором один из родителей живет в постоянном унижении, хуже развода. Третий: кризис в семье должен быть разрешен, как только он возникает!

Причин семейного кризиса множество. Рассмотрим наиболее частые из них и их влияние на ребенка. В такой тесной диаде, как муж и жена, кризис, переживаемый одним из родителей, неизбежно превращается в кризис для другого. Кризис в жизни одного из родителей чаще всего связан с особенностями его роли, продиктованными принадлежностью к мужскому или женскому полу. Требования, диктуемые половой принадлежностью, наиболее жестки для мужчин. Традиционно роль мужчины обозначается словами «мужчина должен».

«Мужчина должен» быть сильным, удачливым, победителем «в этой жизни», «должен» добиться высокого социально-общественного положения, обеспечить семью

материально. Он «должен» быть эмоционально сдержанным, «должен» уступать женщине во внутрисемейных конфликтах, «должен» быть «настоящим мужчиной» во всем, вплоть до его сексуальной потенции. И как только обнаруживается, что мужчина «не очень сильный», не очень удачлив, как только у него возникают трудности в социально-статусном плане, в то время как «другие, настоящие мужчины растут по службе, занимают высокие должности», как только выявляется, что и сексуально он «не настоящий мужчина», он переживает кризис, тяжелый кризис «несостоятельного».

Выступая в роли «воина, добытчика», в роли, требующей больших усилий, способности состязаться в конкурентных отношениях, бороться за высокое общественное и материальное положение, мужчина сталкивается с психотравматизирующими ситуациями и обстоятельствами, переживает не только большие перегрузки, но и психоэмоциональный кризис. Если жена не понимает мужа в кризисные моменты его жизни, не только не ободряет его, но и усугубляет его переживания жесткой, все возрастающей требовательностью, личный кризис мужчины превращается в кризис семейных отношений. Он ощущает себя непонятым, униженным в собственной семье, он постоянно раздражен или замыкается в себе. Если все это принимает затяжной характер, у него, естественно, может возникнуть мысль об уходе из семьи, о бегстве из этой невыносимой для него ситуации.

Возникновению кризиса в семейных отношениях способствуют искаженные представления об эмансипации женщин, когда эмансипация понимается не как духовный рост женщины, не как наиболее полное раскрытие ее женской сути, особенно в материнстве и в семье, а только как борьба за социально-статусные достижения. В процентном отношении высшее образование в нашей стране в большинстве получали женщины. Женщина более гибка в малой социальной группе, каковой являет-

ся семья, когда не мытьем, так катаньем женщина захватывает лидерство в ней. Давно сложилась и традиция, при которой к семье, а стало быть, и к детям в ней ближе родители жены. Выступая вместе, они образуют своеобразный клан. И мужчина часто оказывается изолированным от семьи и от воспитания детей. Если он занимает высокое социальное положение, ему отводится роль «почетного председателя», когда он формально не унижен, хотя и отстранен от реального влияния на воспитание детей. Если же его вклад в материальное положение семьи не решающ, он нередко просто вытесняется из нее.

Одна из самых частых причин кризиса семейных отношений — та затаенная сторона семейной жизни, при которой женщина не удовлетворена сексуально. Дети, естественно, не знают об этом, но чувствуют, а иногда и просто видят раздраженное, вплоть до презрения отношение матери к их отцу, ее вечное недовольство, ощущают конфликтную напряженность в семье. Эта ситуация очень сложная, неоднозначная. В ней нестерпимое, самое горькое унижение для мужчины и в ней глубокая неудовлетворенность женщины, грозящая ей психосоматической патологией или неврозом. Есть три варианта данной ситуации: биологический, психологический и ситуативный. При первом варианте речь идет о несовместимости половых конституций. Половая конституция имеет три степени у женщин (сильную, среднюю и слабую — фригидность) и девять степеней у мужчин (от чрезвычайно сильной до чрезвычайно слабой). Если у женщины сильная половая конституция, а у мужчины чрезвычайно слабая (в таком случае для него нормальны и в молодые годы два–четыре половых акта в месяц, отсутствует потребность в повторных половых актах), развод неизбежен, хотя в реальной жизни такая ситуация нередко разрешается наличием у женщины любовника. И тогда нередко в семье сосуществуют та-

кой муж и такая жена, сосуществуют мирно, без взаимных оскорблений, ибо устраивают друг друга как личности и оба любят своих детей. Дети же ни о чем и не подозревают. Конечно, это не идеальный вариант, но ведь все сложно, неоднозначно в жизни, и нет в ней простых рецептов. Однако, повторяю, если в таком случае возникает развод, он естествен. Но развод этот должен быть цивилизованным. Если же сильная половая конституция у мужа и слабая — у жены, она, понимая его повышенную сексуальную потребность и уступая ей без упреков, способна сохранить семью, что и происходит очень часто в реальной жизни.

Второй вариант — психологический. У мужа по каким-то психологическим причинам нарушена эрекция, снижено либидо. Это может зависеть от каких-то фактов его биографии, от неуверенности в себе и т. п.; это может зависеть и от поведения жены, ее сексуальной требовательности, от условий жизни. Однако во всех подобных случаях следует незамедлительно обратиться к врачу-сексопатологу!

Третий вариант. Муж переживает состояние хронической усталости или сублимирует либидо в творчестве (пишет книгу, картину, диссертацию и т. п.), у него может быть попросту трудное время на работе. Жене следует отнестись с пониманием к снижению половой потенции у мужа в неблагоприятные, сложные, творческие периоды его жизни, не фиксироваться на его циклическом психофизическом спаде, который может периодически наступать у каждого мужчины. Муж, в свою очередь, также с пониманием относится к таким спадам, состояниям у жены, как и к ее сексуальной неудовлетворенности. И мудрый муж, желающий сохранить семью, знает чувство меры в занятости работой, в творческом «запое».

Важно помнить, что благополучие семьи — благополучие детей, а благополучие детей свято. Ну а если

творчество — главный и единственный смысл жизни, как это было, например, у Микеланджело, то семью не заводят, во всяком случае не заводят детей.

Рассматривая тему сексуальной неудовлетворенности супругов друг другом, не могу не сказать и о таком достаточно частом случае, когда один из супругов перестает следить за своим внешним видом, игнорирует то, что скрывается за словами «сексуальная привлекательность». Мужчина был так ухожен, подтянут, жизнерадостен в период ухаживания — и вот он же, обрюзгший, небритый, брюзгливый, но уже в роли мужа. Женщина была так элегантна, стройна, жизнерадостна в роли невесты — и вот она же, неухоженная, потерявшая форму, непричесанная, вечно недовольная, в роли жены. Мне возразят, произнеся традиционное: «Жизнь такая... О детях теперь надо думать, а не о себе!» Однако нет оправданий такой метаморфозе! Надо стремиться сохранять внешнюю и внутреннюю привлекательность вопреки всем житейским трудностям. Ведь потеря их — одна из причин возникновения «треугольников», кризиса семьи. Я уже не говорю о том, что красивые и гордые родители — объект идентификации в мужественности и женственности для детей, а ухоженность, внешняя привлекательность выпрямляют спину и рождают горделивость, укрепляют чувство достоинства так же, как теплый летний дождь поднимает поникшие стебли и придает свежесть и яркость окраски, благоухание цветам.

Достаточно частой причиной кризиса семьи является ситуация, когда властный, многого добившийся, содержащий семью отец третирует и унижает жену, мать своих детей, особенно если она остановилась в личностном развитии, в то время как отец преуспел и в этом. Ребенок в подобном случае либо вместе с сильным третирует слабого, либо унижен вместе со слабым. В такой семье вырастают или деспоты, наглые и агрес-

сивные, или протестные, не верящие ни в кого и ни во что, или сломленные, пессимистичные люди, предрасположенные к депрессии.

Брак — соединение двух миров, двух разных родов, традиций, нередко — национальностей, часто двух различных мировоззрений. И если для одного из родителей главное — карьера, а для другого — интеллектуальные ценности, знания, культура, если у одного на первом плане только материальные интересы, а у другого — духовность, если один родитель хочет оставить в наследство детям лишь дачу, а другой — дать им полноценное воспитание и образование, то столь существенные различия в приоритете ценностей ведут к неизбежным недоразумениям, непониманию между родителями, в конечном счете — к их разобщению вплоть до полного разрыва. Ради детей следует сблизиться в ценностных ориентациях (конечно, если они не столь разнятся, как вышеперечисленные), стремиться понять ценности друг друга, приобщить одного к ценностям другого. И если муж самозабвенно любит природу, порожистые реки, байдарку, жена не должна считать эту страсть архиглупостью, тем более что такое увлечение мужа благотворно сказывается на детях. И вот всей семьей, вместе с детьми они каждый отпуск не на престижном курорте, а на реке, в палатке в лесу. Сколько интересного почерпнут дети из рассказов отца, сколько полезных навыков приобретут! Да и жена увидит мужа с неожиданной стороны. И все это, конечно, укрепит семью.

Брак нередко соединение двух разных натур, установок, характеров. Возьмем крайний вариант. Оба — эгоисты. Оба требовательны и бескомпромиссны. Им не договориться, ибо это диалог глухих. Эгоистичность воздвигает между ними стену взаимного непонимания, когда оба обвиняют друг друга и каждый не способен признать собственную вину. И между этими двумя эго-

истичными людьми — дети. Жизнь в такой семье становится адом.

Вариантов несхожести двух вступивших в брак людей может быть множество. Муж общителен, жена — нет и поэтому тревожна, мнительна, нерешительна и или следует за уверенным в себе, или его уверенность в себе только раздражает и настораживает, вызывает противодействие; он — бережлив, она — расточительна; он — «такой», она — «другая».

Один из родителей может быть лидером по натуре, другой — нет. Хорошо, если это во благо каждому из них и семье в целом, когда лидерство ненавязчивое, доброе, уважительное — мягкое. И плохо, если оно грубое, властное и ведет к подавлению Я другого, к порабощению одним всей семьи. Возможен вариант, когда оба родителя лидеры, уважающие друг друга, считающиеся друг с другом, когда оба компромиссные партнеры в воспитании детей, при этом не подавляющие детей, их Я. Но возможен и вариант, когда оба — лидеры, но лидеры, борющиеся между собой. И тогда два «танка», между которыми мечутся дети, всеми средствами сражаются за абсолютную власть, что неизбежно приводит к разводу.

Отец в таких ситуациях порицает ребенка за то, за что хвалит мать. В итоге ребенок не понимает, прав он или виноват. Он начинает слушать того, кто хвалит, ощущая в то же время подспудно зреющую враждебность к родителю, порицающему его. В ребенке рождается истеричность, он начинает действовать только на пользу себе, ища поддержки у лояльного родителя. Такое «воспитание» деформирует личность. Взаимные оскорбления, унижения, беспощадное развенчание друг друга в глазах собственных детей формируют в ребенке пессимизм, чувство неполноценности, недоверчивость к людям, грубость, страх, агрессивность, склонность к депрессивности. Он не в состоянии вынести непосиль-

ный груз — быть судьей собственным родителям, а они, потеряв разум, призывают его в союзники, требуют осуждения противной стороны — родного отца или родной матери, и ребенок психологически надрывается. Детство его изгажено, личность его в таком случае ущербна. Родитель же, которого постоянно игнорируют, самоустраняется из воспитания, а нередко и покидает семью.

Иногда же оба лидера, руководствующиеся общей целью, как мафиози, со страшной силой подавляют Я ребенка — и это хуже, чем развод.

Нередка ситуация, когда кто-то в семье «всегда прав». Это полбеда, поскольку здесь есть элемент постоянства. Хуже, когда в семье все «непогрешимы». Такая семья больна. Три-четыре «танка» ведут в ней бой не на жизнь, а на смерть, яростно сталкиваясь между собой в борьбе за влияние на ребенка. И мать придает головке ребенка «круглую форму», отец — «квадратную», бабушка изменяет ее на «эллипс», а дедушка признает только «продолговатую»... Жаль этих людей, но еще больше жалко детей — жертв таких битв. Омраченные взрослые, ослепленные собственными амбициями, подобно джигитам на байге, рвут ребенка из рук друг друга, как призового барана.

Есть еще два рифа, о которые часто разбивается семейная ладья. В натуре человека заложена потребность в свободе и, как я уже неоднократно отмечал, в сохранении достоинства. Хорошо, если каждый из вступивших в брак разумно ограничивает свою свободу и учитывает разумную потребность в свободе другого. Однако бывает, что свободу одного из супругов узурпирует другой. И это одно из особо опасных для семьи обстоятельств. Для лиц с низким интеллектом и низкой культурой штамп в паспорте означает, что он (она) «мой!» («моя!»). Следует изматывающий контроль, жесткие ограничения. Для истинной личности подобное невы-

носимо. Удручающие скандалы и сцены между родителями тяжело сказываются на детях. В результате они перестают уважать и «уличаемого», и «уличающего», в глазах которого отстаивающий свою свободу непременно «предатель», «изменщик», «гуляющий» и т. д. И это — больная семья.

Второй риф — чрезвычайная по последствиям в воспитании детей ситуация, когда один из родителей психопатичен. Психопатия — патологический характер. Приведем примеры кризисной ситуации в семье, связанной с психопатичностью одного из родителей.

Мать семейства истероидна. На любые трудности, на каждую досадную коллизию, на любое слово или действие мужа, которые ей не по нраву, она отвечает вселенским скандалом с апелляцией «ко всему миру»: родственникам, сослуживцам, знакомым, соседям. Она будит уснувших детей: «Посмотрите на вашего подлнца-отца». Она мечется по квартире с полотенцем на голове, ибо у нее «безумные головные боли, и виновник — он!».

Если муж где-то задержался, она тут же звонит в милицию, морг — всем, у кого есть телефоны, призывает соседку «побыть с детьми», жалуясь на «загубленную жизнь». На пришедшего мужа обрушивается град упреков. Следует вызов «скорой помощи» — у нее сердечный приступ. Соседка осуждающе говорит: «Вы убиваете свою жену». Дети не подходят к отцу: они или осуждают его, или боятся «этого изверга». Они верят матери. В конце концов он или смиряется, полностью подчиняясь ее требованиям, или уходит из семьи.

Другой пример психопатичности. Муж патологически ревнив, чрезмерно требователен, педантичен, мелочен, скуп, придирчив, прямолинеен, злопамятен, мстителен, изводит близких упреками, к тому же сверхпринципиален, сверхсправедлив, «действует только во имя правды, и ему ничего не нужно, кроме истины!». Но от всего

этого окружающим тошно и плохо, а близким его, хотя он «непоколебимый семьянин и интересы семьи для него священны», непереносимо тяжело. Супруга должна или подчиниться ему, теряя свою индивидуальность, или становится такой же, как и он, если имеет к тому предпосылки. Дети либо становятся такими, как он, либо забиты и безлики, либо, не приемля родного отца, рано уходят из дома.

И вот, наконец, абсцесс вскрыт — дело дошло до развода. Для ребенка развод родителей — катастрофа, предательство, унижение. Он не понимает его причин, по-детски радикален. Ребенок в таком случае начинает считать плохим себя, поскольку уверен, что отец ушел от него, а не от мамы. Малыш не говорит: «Папа ушел от мамы»; он говорит: «От меня ушел папа». А для ребенка это горькая данность. Более старшие стыдятся ухода отца, скрывают его от сверстников, ощущают страх перед будущим, испытывая на себе ухудшение уровня жизни после развода. Двойственность — агрессия по отношению к отцу и тоска по нему — изматывает ребенка. Еще хуже, если он считает, что в уходе отца повинна мать. Он живет теперь только с матерью. Ему бы сплотиться с ней, а он в разладе с матерью, конфликтует, и беда удваивается. Худо и взрослым. Но они — взрослые. Ребенок же многого не понимает, и поэтому его переживания еще тяжелее.

Распад семьи опасен тем, что порождает у детей установку: предавать можно, никому в этом мире нельзя верить — ведь если предал родной отец, то тем более могут предать и другие. Возникает целая цепь установок: мир, в котором живешь, — мир предательский, лживый и опасный, нет в нем ничего надежного, прочного, каждый в нем сам за себя, каждый думает только о себе; переступить через слова, слова о любви — можно; жестокость — норма этой жизни; оставляют детей — значит, можно оставлять и слабых, больных; каждый

должен жить для себя; все в этом мире эгоисты, и эгоистом быть не зазорно! А потом люди удивляются, почему так много эгоистичных людей на этом свете...

Распад семьи опасен тем, что в неосознаваемом ребенке рождается чувство незащищенности, ущербности, неуверенности в себе.

Есть и другие последствия развода. Развод, как уже ясно из сказанного, всегда следствие конфликта. В данном случае чаще всего от любви до ненависти один шаг. Разведенные часто не оставляют в покое друг друга, а стало быть, и детей. Если из семьи, забрав ребенка, ушла женщина, отец в своем унижении, переживании как бы слепнет, как бы теряет разум, используя «интересы» ребенка для неустанной борьбы с бывшей женой. Ребенок настраивается им против матери, и, прибегая к его помощи, отец стремится узнать о бывшей жене то, о чем ребенку лучше не ведать и не думать. И часто, если мать отправляет сына или дочь в санаторий, с трудом раздобыв путевку, положительно настроив его или ее, отец на другой день привозит ребенка обратно, внушив ему: «Она тебя специально запрятала туда, чтобы быть свободной».

Если из семьи ушел отец, мать зачастую использует ребенка как орудие в борьбе с бывшим мужем. Нередко она, «исходя исключительно из интересов ребенка», досаждала бывшему мужу, запрещая ему встречаться с сыном или дочерью, настраивая их против отца. В итоге больше всего страдает ребенок. Взрослые понимают правила такой игры, дети — нет. Ребенок мечется между двумя любимыми им людьми, ставшими врагами.

Итак, распалась семья. Однако, если брак расторгли социально и интеллектуально полноценные люди, последствия развода для детей должны быть максимально смягчены. Не следует проецировать свои переживания на ребенка. Вспоминается случай из практики автора. Трагически погибла женщина. Остался шестнадцатилет-

ний сын. С момента развода с мужем, когда мальчику было всего пять лет, мать внушала ему ненависть к отцу. И внушила. Она не допускала отца к ребенку. И отец забыл сына, лишь исправно отчислял алименты через бухгалтерию. Отец и сын встретились, когда мальчик оказался в трагическом положении. Но встретились они как чужие, равнодушные люди. Это крайний случай. Как врач, занимающийся проблемами детской нервности, автор советует: не настраивайте ребенка друг против друга, не унижайте себя в его глазах. Девальвируйте образ друг друга, вы лишаете ребенка двух родителей одновременно. Он чувствует себя сиротой вдвойне, при живых-то родителях! Отец ушел из семьи, но пусть он останется в жизни ребенка. Пусть разведенная женщина не будет психологически «разведена» с бывшим мужем и свекровью. Не препятствуйте встречам отца с ребенком. Напротив, поощряйте такие встречи. И он, ребенок, поймет: отец от него не отказался. Развод — трагедия для одного из родителей или для них обоих, но пусть трагичность этого события будет, насколько это возможно, смягчена для ребенка.

В целом же, заключая эту главу, я, детский врач, в сущности семейный доктор, хотел бы высказать несколько соображений, касающихся конфликта в семье и развода. Взрослые люди, естественно, вступают в брак не бездумно. Но следует дважды подумать, прежде чем дать жизнь ребенку, ибо вступление в брак и рождение ребенка далеко не одно и то же!

Развод при отсутствии детей — трагедия двух взрослых людей. Они совершили ошибку, они и заплатили за нее сами. В конце концов они приобрели жизненный опыт и будут мудрее, вступая в новый брак. Рождение же ребенка резко меняет ситуацию. И об этом — все вышесказанное. Поэтому я сторонник того, чтобы дитя было зачато после некоего срока адаптации двух людей в браке, когда уже станет ясно, что не ошиблись, когда

возникнет проверенная хотя бы годом совместной жизни, проверенная буднями, уже не только солнечным летом, не только на пляже, но и трудностями осени и зимы уверенность друг в друге!

Хранительницей семейного очага является женщина. Ее мудрость, любовь к детям, ее жизненная сила и стойкость способны оздоровить, сохранить, упрочить семью. В то же время, как свидетельствуют социологические исследования, женщина чаще всего выступает в роли инициатора развода, притом не всегда достаточно обоснованно. Женщина по своей природе великая воспитательница мужчины. И развод нередко свидетельствует о ее поражении как воспитательницы, поражении, вызванном легкомысленностью, нетерпеливостью, бурными страстями или тем же эгоизмом.

Однако семейный очаг держится и на мужчине. Для этого природа наделила его великодушием, стабильностью, сдержанностью и ответственностью, высоким чувством долга и справедливости. И если женщина — хранительница семейного очага, то мужчина — его защитник, его опора, коренной столб, «позвоночник» семьи. И мужчина — великий воспитатель женщины, и он потерпел поражение, если распалась семья. Согласно канонам религии, за проступки женщины отвечает ее муж. Зато женщине дана великая благодать: она способна отмолить перед Богом грехи мужа.

Понятно, что проблема конфликта, кризиса семьи и развода интересует меня только в одном аспекте — благополучие, воспитание детей. Понятно, что я принципиальный сторонник сохранения семьи, если уже есть дети! Семью ведь можно сохранить и в том случае, если возникает серьезный ее кризис. Для этого необходимы три самых общих условия. Первое из них — мудрая компромиссность хотя бы одного из супругов, ибо на руинах распавшейся семьи можно бы поставить памятник с надписью: «Никто не хотел уступать!» Естествен-

но, речь идет не о терпении униженного и забитого человека. Второе условие: уметь прощать, прощать даже измену, даже временный уход из семьи, хотя это мучительно больно. Сколько раз я слышал: «Она изменила... И я ушел...» Или: «Он изменил... я не могу этого простить...» В этом — все: я ушел, я решила, я не могу так больше жить... Все я и я... А дети?! Решили за них, решили без них, а в сущности решили, не думая о них. Третье условие: способность к искреннему раскаянию. Прощение неотделимо от раскаяния. Он простил, она раскаялась всей душой, раскаялась, отрезав прошлое. И оба начали новую жизнь, а у детей есть отец и мать.

Завершить эту главу я хочу мыслью о том, что не должно быть такого, к сожалению весьма частого, когда два человека страдают в разных концах города и не способны разрешить семейный кризис из-за омраченности ревностью, протестом, озлобленностью, т. е. когда эти два человека не способны простить и раскаяться.

Глава 4

ОТЧИМ

*Не лети, сокол, на сине море,
Не гони ко мне голубей стадо.
Ведь то мне будет уж другой венец,
Малым голубятушкам не родной отец.*

Русская народная песня

Слова в эпиграфе — из русской народной песни. Вековые предрассудки очень несправедливы к отчиму — он и «супостат», и «не родной детям». Но ведь и отчим-то приходит в чужую, уже существующую семью, и ему тоже нелегко. Он пришел к своей новой жене, и только к ней. Дети, ребенок, по крайней мере, первое время — досадная реальность. Нет чувства отцовства к ним, а без этого дети в квартире, где живешь, работаешь, отдыхаешь, нередко раздражают. Все поначалу настрожены. Неосторожное слово или поступок — и могут возникнуть тяжелые и длительные конфликты, претензии, обиды. Малыш осознанно или бессознательно чувствует: мать оживлена, счастлива, она говорит, движется, живет рядом с «ним» по-другому. Она полюбила «чужого». Самое надежное, что осталось в жизни малыша после ухода отца, — мать тоже «предала». Совсем недавно мама вся без остатка принадлежала только ему, а теперь — отчим! Для малыша, особенно впечатлительного, раннего, это трагедия.

А тут еще нередко появляется родной отец, не скрывающий враждебности к «нему». Отец задает вопрос: «Он там тебя не обижает?!» — и полутверждает: «Мать небось забросила все, ей теперь не до тебя». Не прохо-

дит мимо и бабушка, бывшая свекровь. И ее можно понять: она любит внучат, беспокоится за них. Но она лишь подливает масла в огонь. Так, бабушка одного из моих маленьких пациентов сказала: «Мешаешь ты им, несчастный. Сживут они тебя со света!» И у мальчика возникли ночные страхи, он кричит во сне, плачет, ему снятся кошмары: его преследуют, ему угрожают — «сжи-вают со света».

Нередко дети начинают борьбу с отчимом, буквально, как жалуются мне иногда на врачебном приеме матери, выживая его из семьи. Один делает все наоборот, назло; другой постоянно спорит с отчимом. Однажды пришлось наблюдать и открытую враждебность «к новому отцу», когда подросток, резко восприняв появление отчима, постоянно конфликтуя с ним, возненавидел и мать, стал уходить из дому, пропадать вечерами, связался с дурной компанией... Только вмешательство психотерапевта постепенно нормализовало отношения в семье.

Проблема отчима, таким образом, достаточно частая и сложная семейная проблема. И второй брак прочен, счастлив не тогда, когда его приняли взрослые, а тогда, когда его признали дети. Завоевать такое признание нелегко. Одна ошибка порождает многие недоразумения. Легкомысленность в этом вопросе имеет непоправимые последствия. Каждый день, прожитый отчимом в новой семье, особенно поначалу, анализируется взрослыми так, как будто от него зависит вся жизнь.

И отчим, вступающий в новую семью, отчетливо представляет всю трудность и ответственность этого шага. Непозволительно заявить своей новой жене: «Знаешь, о детях твоих я как-то не думал, а теперь они мне досаждают...» Ему, взрослому человеку, понадобится много терпения, доброты, душевной щедрости, а иногда и чувства юмора, чтобы понять детей, простить им ревнивую грубую выходку, а то и просто обратить в шутку назревающий конфликт.

Отчим должен быть терпимым, не стремиться немедленно и кардинально менять домашние порядки. Не следует сразу же играть роль отца — воспитывать, тем более «перевоспитывать». Бабушка мальчика, за воспитание которого сразу и рьяно взялся отчим, писала в газету: «Хочу поделиться своими мыслями о судьбе семилетнего внука Сережи. Моя дочь вторично вышла замуж. Кирилл Петрович, так зовут мужа, сразу же принялся “воспитывать” моего внука. Он не разрешает мальчику дома резвиться, громко говорить. Он постоянно одергивает, упрекает, наказывает ребенка. Внушает, что отец именно он, а не тот, родной, который, кстати, заботится о сыне и любит его. Дочь, конечно, переживает, но перечесть новому мужу не смеет, боится, вдруг он ее бросит. А ребенок страдает. Вот горе! Что делать? Кто бы рассказал Кириллу Петровичу, что он портит жизнь сразу двум людям — и моей дочери, и внуку. Вразумите его, люди добрые!»

Мужчине следует быть скромным, входя в семью, где уже есть дети. В чужой монастырь не ходят со своим уставом, тем более с уставом «воинской службы». Кстати, это очень важное положение семейного воспитания. Даже родной отец дома, с детьми не полковник, не президент фирмы, не директор школы. «Мундир» следует оставлять на службе. «Мундиром» не внушить детям уважения, им можно внушить только страх. «Мундир» — это роль. И в отношениях с детьми «мундир» неуместен не только на отчине, но и на родном отце, на родной матери! Я давно уже заметил, что ко мне на врачебный прием часто приводят своих страдающих неврозом детей педагоги. И это как раз те педагоги, которые не снимали «мундир» учителя и в семье.

Однако вернемся к отчиму. Верная позиция отчима в семье — позиция влиятельного, но нейтрального человека. Он деликатно высказывает свою точку зрения на все, что касается ребенка, но не более. Никакой строго-

сти, никакого диктата, никакого «мундира». Ненавязчиво, по-мужски относиться к детям, быть как можно более «незаметным» — вот главное, что на первых порах требуется от отчима.

Для мальчика отчим — образец мужчины, и его мощное благодатное влияние именно в этом. Не «воспитывать» мальчика, а на его глазах справедливо разрешать возникающие проблемы, быть мужественным, великодушным, как и подобает мужчине, быть сдержанным и мудрым — линия поведения отчима в новой семье. Отчим уважительно относится к матери ребенка, уважительно и целомудренно. Он никогда не отменяет ее указаний, не вступает с ней в спор на глазах у детей. Отчим помнит, что у этих детей нет родного отца, что возможен вариант, когда и он уйдет, а мать останется с детьми. Отчим помнит, что мать — их единственный и последний якорь, их надежда, что она — их жизнь.

Отчим никогда не наказывает детей, тем более девочку, которую, как я уже отмечал, не наказывает даже родной отец. Мальчика же он не наказывает потому, что он не родной ему. Есть великое таинство: наказание принимается естественно, без обиды, озлобления, без жажды мести только от родного по крови! Это контролируется генетически, этот закон у человека в его неосознаваемом, он передается из поколения в поколение. Он естествен.

Отчим не подкупает детей, не задаривает их. Во-первых, подобное воспринимается с недоверием, порождая подозрительность и неизбежно вызывая вопрос: «Чего он хочет от меня, зачем задаривает?» Во-вторых, чрезмерное внимание отчима к детям, заигрывание с ними таит в себе угрозу ослабления позиций матери и — что еще опаснее — угрозу возникновения у девочки особого отношения к отчиму.

Отчим обязан в полной мере понимать свою огромную власть над женщиной в этом повторном для нее

браке. Она истосковалась по мужчине, второй брак для нее — судьба, несказанная радость. Она готова пожертвовать многим, чтобы сохранить этот брак. В угоду отчиму она готова, хоть и со слезами, ущемить, наказать своих детей.

Такое развитие событий — великий грех. Отчим не должен стать причиной ухудшения отношения матери к ее детям и детей к их матери.

Великое испытание для отчима — рождение его ребенка, когда у женщины есть ребенок от первого брака. В таком случае он в одной семье для одного ребенка — отчим, для другого — родной отец. Для женщины же ребенок, рожденный в повторном браке, не только родной, не только младший, но и сверхжеланный, поскольку он максимально скрепил ее второй брак. В угоду мужу она, демонстрируя любовь к их общему ребенку, может стать «мачехой» своему ребенку от первого брака. И это — катастрофа для ребенка. Его вначале оставил отец, теперь его предала и мать. Ведь дети интуитивно очень тонко ощущают отношение к ним. Переживания могут усугубляться поведением родного отчиму и матери ребенка, который, также интуитивно ощущая свое превосходство над ребенком от первого брака, начинает «выставляться» перед ним, чем неизбежно вызывает его ненависть. В итоге искажается формирование личности обоих, родного для отчима ребенка и неродного. Родной отчиму ребенок вырастет в такой ситуации эгоистичным, а то и истеричным. Неродной однозначно накопит комплексы, будет озлоблен.

Умный отчим не допустит такого развития событий. Он не будет выделять свое дитя из любви к нему же. Если родной — мальчик и неродной — тоже мальчик, он постарается относиться к обоим тепло, справедливо и требовательно. А раз к обоим — справедливо, то это и не обидно ни для кого. Рождение такого, «объединяющего», ребенка может как раз стать большим благом

для отчима. Ведь с появлением этого ребенка он как бы породнился с неродными ему детьми, ибо и дети от первого брака, и рожденный во втором — родные по матери. Если хорошо им всем, если они ощущают друг друга родными братьями, сестрами, то и отчим стал ближе, стал роднее ребенку от первого брака жены. Вот теперь можно и требовать как от родного по крови, так и от неродного, ибо требовательность в таком случае воспринимается уже как справедливость. Если родилась девочка, отчим теперь может ее побаловать, объяснив неродному мальчику: «Ведь она девочка, а мы с тобой — мужчины!» Если же в семье теперь две девочки, следует безоговорочно относиться к обеим одинаково. Девочки еще сильнее, глубже, чем мальчики, ощущают, каково истинное отношение к ним. Их не обмануть. Вот и следует поступать так, чтобы они полюбили друг друга, стали истинными сестрами! Всем тогда будет хорошо, и семью действительно цементирует рождение общего для отчима и матери ребенка, а родной отчиму не станет эгоистичным и истеричным.

И еще одна проблема. У отчима могут быть дети от его первого брака. Он развелся с женой, но навсегда остается отцом. Вторая жена здесь должна быть особенно деликатна и внимательна. Она напомним мужу о дне рождения его сына, купит ему игрушку или костюмчик, пригласит в гости и даже постарается подружить его со своими ребятами. И отчим оценит великодушие жены.

В заключение расскажу о случае из моей врачебной практики.

Отец привел сына на консультацию перед операцией, которой мальчик очень боялся. Все закончилось благополучно. Но я узнал историю их жизни, историю жизни отца и сына. Мужчина после долгого одиночества, полюбив, женился на женщине, имевшей ребенка, мальчика. Однако семейная жизнь не сложилась. Но маль-

чик потянулся душой к отчиму, отчим — к ребенку. Мать всегда была занята своими делами, отчим же отдавал малышу все свое свободное время. Они вместе просыпались утром, готовили завтрак, вдвоем садились за стол, дружно копались в машине отчима, рыбачили, ходили за грибами. Они доверились друг другу, нуждались друг в друге. Отчим знакомил мальчика со своими друзьями, мальчик отчима — со своими товарищами. Когда мальчику исполнилось десять лет, его мать ушла из семьи, снова вышла замуж, родила ребенка, а эти, чужие по крови, остались вдвоем. Семей. Вот ведь как бывает.

Позднее до меня дошла концовка этой необычной истории. Когда мальчик вырос, провожать его в армию пришли и родные отец и мать. Он сухо простился с ними и сказал отчиму в их присутствии: «Папа, сегодня такой день, что я не хочу тратить время на чужих мне людей». И они ушли. Они — чужой мальчик, ставший сыном, и отчим, ставший ближе родного отца. И вариант, когда отчим становится истинным отцом приемных детей, достаточно редкий, идеальный, но возможный.

Глава 5

ЕСЛИ В СЕМЬЕ НЕТ МУЖЧИНЫ

*Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивой силой в движеньях,
С походкой, со взглядом цариц...*

.....
*И труд ей несет воздаянье:
Семейство не бьется в нужде,
Всегда у них теплая хата,
Хлеб выпечен, вкусен квасок,
Здоровы и сыты ребята,
На праздник есть лишний кусок.*

Н. А. Некрасов

Возможно ли полноценное воспитание ребенка, если в семье нет отца? Безоговорочно — да! Природа наделила женщину великой материнской мудростью, стойкостью и мужественностью, особенно очевидно проявляющимися в экстремальных условиях. И это естественно. Ведь даже у животного утраиваются силы и способность защитить детенышей, если нечто угрожает им. И женщина способна обеспечить детям, оставшимся без отца, такой материальный достаток, при котором они не унижены бедностью, способна отстаивать их интересы. Способна она и достойно воспитать их. После великой войны одинокие матери воспитали и поставили на ноги целое поколение. И дети, имеющие мать, не сироты!

Однако, когда речь идет о воспитании детей, проблемы в семье без мужчины есть, и проблемы немалые. Главная из них — та сторона воспитания, в которой отец играет чрезвычайно важную роль. Как уже указывалось, мать любит девочку требовательно, а отец нежно, без оговорок, такой, какая она есть, т. е. любит ее безусловной любовью. Если отца нет, женщина способна любить дочь и требовательно, и нежно. Для этого природа наделила ее и женственностью, и мужественностью.

Женщины в этом отношении особенно гибки. Вот она женственна, нежна, мягка, добра, но, если это необходимо, она же становится тигрицей, защищающей интересы детей и свое достоинство. Точно так же ведет она себя и с дочерью. Мать нежна, мягка, ласкова с девочкой, пока все хорошо, все ладно. Но вот дочь совершила провинность: не выполняет то, что «надо!», или допускает в поведении то, чего «нельзя!». И мать немедленно становится строгой и требовательной с ней. Следовательно, и эта сторона воспитания разрешима в семье одинокой женщины.

Мальчика мать любит безусловной любовью, а отец — требовательно. Но и здесь мать способна заменить отца, будучи и нежно любящей, и по-мужски требовательной. Однако мальчику, для того чтобы самому стать настоящим мужчиной, необходимо иметь образец для подражания именно в лице мужчины. Кроме того, как девочке, так и мальчику необходимо воспринять стиль мужского мышления, мужского отношения к жизни, мужского способа разрешения проблем. И общение с мужчиной все-таки необходимо и девочке, и мальчику.

Естественным источником мужского влияния для детей одинокой женщины являются ее братья, дяди детей, если они есть. К сожалению, в наше время дяди достаточно далеки от племянников. А между тем, если обратиться к историческим романам, к мемуарам, станет очевидным: дядя всегда был вторым отцом для племянников! Дядя оказывал большее влияние на Микеланжело, чем отец, Мазарини жил для своих племянниц, дядя Квентина Дорварда из одноименного романа Вальтера Скотта безоговорочно заменил ему погибшего отца. Дядя — ближайший кровный родственник детей! И если у женщины нет мужа, но есть дети, дядя, ее брат, — отец своим племянникам. Он рядом, он часто с ними, а племянник-мальчик, в сущности, воспитывается вместе с сыном дяди. Дядя берет племянника в

лес, на рыбалку, в отпуск, и мальчику, кроме всего прочего, приятно слышать, как дядя с любовью и гордостью представляет его своим друзьям-мужчинам: «Вот какой у меня племяш!»

Естественным источником мужского влияния является и дедушка. Сколько прекрасных слов в мемуарах великих людей сказано о дедушке! Так, например, в «Воспоминаниях» известного художника Мстислава Добужинского дедушке посвящена целая глава. А всемирно известного конструктора космических кораблей Сергея Королева вырастил дедушка. И Ваньке Жукову на всем белом свете не к кому было обратиться со своей тоской, кроме как «на деревню» к дедушке. Как любят внуки дедушку и сколько тепла он привносит в их жизнь! Помимо всего прочего, он еще и мудр, еще и много знает, много умеет. Он — мужчина! И о дедушке есть глава и в этой книге. Дедушка, если он действительно мудр, трезвенник, мастер на все руки, если он любит природу, грибник и рыбак, рассказчик, обладающий огромным жизненным опытом, большими знаниями и чувством юмора, дедушка, побуждающий внука быть мужественным и самостоятельным и любящий внучку безусловной и нежной любовью, — замена отцу, если отца нет.

Близкие семье мужчины также могут стать для мальчика источником мужского влияния. Одинокая мать охотно отправляет своего сына с товарищем и его отцом на рыбалку, в путешествие, на стадион, на прогулку. Если есть замужняя сестра или близкая подруга, имеющая мужа и сына, мальчик периодически (на каникулах, летом и т. д.) проводит время у них.

Естественно, одинокая мать и сама отправится с детьми, особенно с мальчиками, в лес, на озеро, на речку. Она побуждает их сесть на весла, научит плавать, и хотя сама не будет играть с сыном в футбол, но уж точно купит ему футбольный мяч, чтобы он

был желанным гостем на футбольной площадке. Она поставит своих детей на коньки и лыжи, посадит на велосипед и, втайне испытывая страх, тем не менее скажет сыну: «Не бойся, упадешь — встанешь, а царапины — не в счет!»

Однако у одинокой матери есть и другие проблемы. Об одной из них чаще всего умалчивают, когда пишут о воспитании. Вместе с тем это не только важная нравственная проблема, но и новый аспект разговора о мужском влиянии в семье одинокой женщины. Одинокая мать малых детей сама еще очень молода. Если она повторно вышла замуж, встает проблема отчима в семье. Чаще же всего второй брак проблематичен. Вместе с тем естественное для каждого человека стремление иметь личную жизнь должно каким-то образом разрешиться. И одинокая женщина разрешает эту проблему, имея любовника.

Другой вариант, когда женщина «ради детей» отказывается от личной жизни, угрожает ее здоровью, чреват для нее депрессивными переживаниями, сказывается и на детях ее повышенной раздражительностью, осознанной и неосознаваемой неудовлетворенностью, интуитивно воспринимаемой детьми как горькое, подспудное ощущение, что мать несчастлива и, более того, постоянно недовольна ими, а может быть, даже не любит их. И это ощущение деформирует личность ребенка, накладывает отрицательный отпечаток на все детство. Есть и еще одно важное последствие отказа от личной жизни «ради детей». Я часто слышу от матерей уже взрослых детей отчаянную жалобу: «Доктор, я пожертвовала всем ради ребенка, а он...» Плохо ей, плохо ее детям. Она в таком случае чрезмерно требовательна к своим уже взрослым детям, агрессивно воспринимает любую их попытку быть самостоятельными, ревниво и даже враждебно встречает зятя и невестку. Ее уже взрослые дети также страдают. Они, естественно, жаждут

свободы и самостоятельности, но им жалко и мать. Она действительно пожертвовала своей личной жизнью ради них, она действительно одинока без них, и у них комплекс вины перед ней и тягостное ощущение, что и они должны теперь пожертвовать своей личной жизнью ради матери. Такая мать как будто всей душой за то, чтобы ее теперь уже взрослые дети были счастливы и имели семью. На деле же любой зять, любая невестка для нее плохи, а ее контроль за жизнью с этим зятем, с этой невесткой настолько удушающ, что они либо уходят из семьи, либо начинают отчаянную борьбу с тещей или свекровью. В любом из этих случаев взрослые дети такой одинокой женщины несчастны: они или лишаются собственной семьи, или мечутся между матерью и женой, мужем. В результате эта никому не нужная жертва личной жизнью «ради детей» оборачивается трагедией для всех.

Кроме всего прочего, если одинокая мать фиксирована на ребенке, то и он фиксируется на ней, становится деспотичным, вяжет ее по рукам и ногам. Он в таком случае как бы «женится» на матери, если речь идет о мальчике, не отпускает ее от себя ни на миг, неистово ревнив. Мать, как правило, спохватывается, когда уже поздно. И ее попытка вырваться из такой ситуации может закончиться неврозом и у ребенка, и у нее. Ей теперь не выйти замуж, ибо ребенок неистово протестует против появления отчима, неистово ревнует мать к любому мужчине. Девочка же при чрезмерной фиксации на матери становится эгоистичной.

Одинокая мать безоговорочно имеет право на личную жизнь. Весь вопрос в том, чтобы ее личная жизнь не только не сказывалась отрицательно на детях, а, напротив, приносила бы им безусловную пользу. Для этого отношения матери с ее другом должны быть естественными, мудрыми, нравственными, а при детях целомудренными, сдержанными и спокойными.

Приход мужчины не должен каждый раз превращаться в яркий, запоминающийся праздник с вином, сервированным столом, сладостями и подарками, не должен сопровождаться чрезмерным оживлением матери. Рано или поздно ребенок свяжет эти праздничные посещения друга матери и интимные отношения взрослых, особенно если ужин всегда будет заканчиваться для ребенка неизменным: «А теперь иди спать...» В таком случае сын или дочь забудут трудные будни своей матери, но в их памяти останется каждое посещение ее друга, а их собственная семейная жизнь в будущем может быть воспринята ими как пресная.

Совершенно недопустима ситуация, когда мать позавчера познакомила детей с «дядей Колей», вчера — «с дядей Петей», а сегодня ее навестил «дядя Толя», да еще детей тут же отправили спать... Такие эпизоды дети запоминают на всю жизнь и не позднее чем в 13 лет делают из них верные выводы. Таким выводам способствуют и разговоры соседей, доходящие до детей в вульгарном виде через их сверстников, детей соседей. Свою лепту в соответствующую оценку нравственного облика матери может внести родной отец при встрече с ними, а также бабушка, мать отца. В результате образ матери рушится. Придет время, когда одинокая женщина возмутится поведением своей выросшей дочери. Ответом ей в лучшем случае будет насмешливый и многозначительный взгляд. Лучше всего, если эпизодические встречи одинокой женщины с мужчинами происходят на стороне и остаются неизвестными детям.

Однако, как указывалось выше, возможен благоприятный, нравственный вариант личной жизни одинокой женщины, если мужчина все-таки приходит в ее дом. Речь идет о случае, когда одинокая женщина имеет одного давнего, верного и доброго друга. Именно в таком случае посещения его естественны, а он становится и другом ее детей. Он беседует, играет с ними,

помогает им в выполнении домашних заданий, в их делах, приобщает их к семейным заботам, починив что-то в доме, объяснив непонятное, пока их мать готовит обед. А в праздники и дни рождения он приходит с подарками и цветами. Дети рады ему и огорчаются, если он по каким-то причинам не пришел в урочное время. У детей есть врожденное чувство такта, и они обычно не спрашивают, почему он уходит и приходит. Они уверены, что в определенный день он обязательно придет, придет веселый и добрый. И они ждут этого дня. Такой мужчина как раз и может сыграть роль отсутствующего отца. Для этого он обязательно должен появляться перед детьми трезвым, опрятным, подтянутым, оптимистичным.

Итак, одинокая мать вполне стабильна, счастлива своей любовью к ребенку, удовлетворенным чувством материнства, реализацией извечной потребности в бескорыстной любви, тем, что она не «пустоцвет». У нее есть семья, у нее есть будущее, у нее будут внуки. Она одинокая мать, но не одинокий человек!

В дискуссии на страницах «Литературной газеты» женщина, не знавшая материнства, писала многодетной матери слова, полные неосознаваемого отчаяния: «Я на собственной машине исколесила полмира, я регулярно посещаю театр, у меня друзья... А знаете ли Вы, как пахнут французские духи?» Примерно так писала эта женщина. Многодетная мать ответила ей просто: «А знаете ли Вы, как пахнет детская шейка?». И все. Больше ничего не надо было добавлять...

Одинокая мать счастлива в главном — в материнстве. Для полного счастья ей остается одно: хорошо воспитать своих детей и тем самым наделить их счастливой судьбой. И женщине это дано.

Глава 6

МАЧЕХА

*Пасынок, мачехи ты украшаешь колонну цветами,
Думая — козни ее вместе со смертью прошли.
Но, накренившись внезапно, тебя она давит.
Коль мудр ты, пасынок, то избегай даже могилы ее.*

Томас Мор

Мачеха! Как недобро звучит это слово. Так именует русский народ женщину, что приходит в семью после смерти мамы. В русской народной песне поется:

Я возьму ли, возьму
Себе жену молодую,
Ах, молодую!
Малым детушкам своим
Возьму мачеху лихую,
Ах, что лихую!

Я ль срублю ли, я ль срублю
Себе горенку новую,
Ах, что новую!

Малы детушки мои
В нову горенку не ходят,
Ах, что не ходят!
Новой горницы моей
Малы детушки не топчут,
Ах, что не топчут!

Злую мачеху свою,
Злую мачеху не любят,
Ах, что не любят!

И в другой песне плач детей столь же драматичен:

Ты умри, умри, злая мачеха!

Ты восстань, восстань, родна матушка!

В русских пословицах то же неприятие мачехи, то же горькое сравнение не в ее пользу: «Родная мать и высоко замахивается, да не больно бьет»; «Матерни побои не болят»; «Своя матка и бьет, да не пробьет, а чужая глядя прогладит».

Женщина, пришедшая в семью «на детей», помнит это свое имя, чувствует на себе внимательный взгляд окружающих, знает: ей не доверяют, она заранее осуждается, ей долго придется завоевывать доверие. Лед этот можно растопить только жаром сердца. И положение мачехи архисложно. Ведь матери, как полагают многие, ей при всем желании не заменить. Без обвиняков писал об этом И. А. Сикорский: «Никто не может стать матерью данного ребенка, не будучи ею по природе» (1909, с. 51). Еще более категорично высказался А. И. Герцен: «Я нисколько не удивляюсь обыкновенной вражде между падчерицами и мачехами, она естественна, она нравственна. Новое лицо, вводимое вместо матери, вызывает со стороны детей отвращение. Второй брак — вторые похороны для них» (1956, т. 4, с. 67).

Итак, мачеха и сироты. Их судьбы пересеклись случайно, между ними память о родной матери детей, глухая вражда родителей матери, бабушки и дедушки, соболезнующее любопытство соседей и знакомых. И они не питают друг к другу никаких других чувств, кроме напряженного ожидания — что будет теперь?.. И мачеха, и дети пока испытывают только одни опасения, а то и страх. А страх — плохой помощник в любом деле, а в этой ситуации тем более. Так начинается их жизнь под одной крышей. Их пока объединяет в семью только мужчина, отец детей. А ему тоже трудно. Он, быть может, полюбил эту женщину, но он любит и своих

детей, и ему страшно за них. Он тоже пристально следит за отношением мачехи к детям. Он мечется между нею и детьми, улаживая недоразумения, а от естественной в такой ситуации мнительности он видит их даже там, где их нет и в помине. И все очень-очень напряженно!

Еще более напряженная ситуация возникает, если у мачехи есть свои дети. В таком случае недоброжелательное внимание к ней непереносимо. Она — на острие обыденной жизни: ведь дети, как говорится, едят из ее рук, она одевает детей и может купить одному ребенку рубашку подешевле, а другому — подороже. И несомненно, что любой ее поступок, любой промах будут истолкованы не в ее пользу.

Не исключена и возможность рождения ребенка, и тогда возникает ситуация, когда в одной семье ребенок отца от первого брака, для которого эта женщина — мачеха, ребенок женщины от ее первого брака, для которого этот мужчина — отчим, а также общий ребенок, для которого эта женщина — родная мать и этот мужчина — родной отец! Однако именно такая коллизия, доводящая ситуацию до высшего накала, подсказывает путь к решению сложной проблемы мачехи в семье. Ведь и в главе, посвященной проблеме отчима, и в этой главе речь в первую очередь идет о детях! И их или эгоистично делят на своих и чужих, провоцируя тем самым войну, войну жестокую, несправедливую, грешную, или, проникшись мудростью и нравственностью, истинной добротой, относятся ко всем им как к Детям, общим в судьбе, общим перед Богом!

Я повторяю, что единственно верный критерий правильного воспитания в одной семье детей от разных браков один: вырастить их истинными братьями и сестрами, любящими друг друга. Только такой результат воспитания принесет всем членам семьи великое удовлетворение: родители будут гордиться детьми, а они —

помогать друг другу. И всем будет легче, веселее жить. Глубоко же затаенное: «А этот все-таки мой, родной» — будет тоже удовлетворено, поскольку и он станет счастливее в дружной семье. Так, героиня известного итальянского фильма, имевшая троих сыновей от разных мужчин, выходя замуж за отца одного из своих сыновей, не сказала, кто из них родной ему, заявив: «Будь отцом всем троим, не разделяй их, и тогда хорошо будет и твоему родному сыну, и тебе — ведь у тебя окажется сразу три сына». Мудро! Вот об этом и идет речь. Мачехе, если она хочет счастья себе, своим родным детям, пасынку и мужу, если она поймет, что на карту поставлена жизнь всей семьи и каждого в отдельности, не надо думать о том, кто родной, а кто — нет. И это возможно, если сердце — большое, а голова — мудрая.

Есть в положении мачехи и другие психологические аспекты. Если ребенок у мужа один, его любовь или дружбу завоевать легче, чем если их несколько, а старшему — за тринадцать... В этом случае младшие осознанно и неосознанно следуют за старшим, и его-то признание надо заслужить в первую очередь. А он уже большой, и его признания можно добиться только одним — справедливостью и искренностью. Если у мужа один ребенок и ему нет трех лет, он не помнит свою мать и назовет добрую женщину мамой, будет ей как родной. Почему «как родной»? Да потому, что он запечатлел облик родной матери в неосознанном, т. е. на всю жизнь. И если ему хорошо, это запечатленное его не тревожит. Оно будоражит, только если ему плохо. Только тогда он однажды вдруг задаст вопрос: «А я родной?..» С ребенком от трех до пяти лет труднее: образ матери уже неизгладим, он и в произвольной памяти. Малыш знает, что мама его умерла. Но и образ доброй женщины, появившейся в семье, запечатлевается прочно. Он называет эту женщину мамой легко, как

бы само собой, и любит ее. И только в возрасте после пяти лет ребенок воспринимает женщину, ставшую женой его отца, безоговорочно как мачеху. И тут мачехе долгое время будет трудно, но если опасения ребенка окажутся рассеянными, он на заботу, на доброту и понимание ответит добротой, признанием и даже любовью. А с ребенком в возрасте после десяти — уже только сосуществование, сосуществование доброе, уважительное или непримиримое, если есть фальшь, несправедливость и тем более разделение на «своего» и «не своего», если мачеха руководствуется пословицей «сколько волка ни корми, он все в лес смотрит». Но ребенок «смотрит в лес» только в том случае, если ему плохо в отчем доме.

Приспособительные возможности ребенка огромны. Он естественно эгоистичен, но ласковую руку не укусит, ибо он человек, а не волчонок. У мальчика огромная жажда безусловной любви, когда его просто любят, ничего не требуя. И мачехе надо только хорошо к нему относиться. Ведь требовательная любовь к нему — у отца, а отец-то — родной! А просто любить — легче, и с мальчиком мачехе — легче.

Девочка, казалось бы, должна легче перенести появление мачехи, поскольку безусловная любовь к ней отца удовлетворяет ее потребность в родительской любви. Но она и сильнее ревнует отца к мачехе — ревнует за уделяемое мачехе внимание, ревнует к месту, которое она занимает в его жизни. Девочка тоньше ощущает сложность ситуации, тоньше улавливает и возникающую при этом фальшь, возможную угрозу ее благополучию. Главная же сложность отношений мачехи с девочкой заключается в том, что женщина должна быть требовательной к девочке! А как тут потребуешь, не обидев, не ущемив, если — не родная? Вот об этом и идет речь, когда я как будто назидательно, как бы «лозунгово» призываю быть мудрыми, воспитывая ребенка. Можно,

оказывается, воспитывать девочку требовательно, не вызывая ее протеста. Для этого мачеха сама должна быть такой, какой хочет видеть девочку. Мачеха требовательна к себе — и девочка видит это. Мачеха аккуратна, трудолюбива, все горит в ее руках, она все умеет — и девочка видит это. В таком случае ей стыдно бездельничать, стыдно быть неаккуратной, неумелой. Поведение мачехи — укор ей, если она ведет себя по-другому. Вот мачеха накрывает стол, хлопочет у плиты. Усталый отец, пришедший с работы, ждет обеда, сидит молча. Сидит и дочь. Сидит, но ей неловко, она понимает, о чем сейчас думает отец. И она, вздохнув, встает и начинает помогать мачехе. А потом, уже без вздохов, примет правильное поведение мачехи как естественное для себя. И мачеха, ободряя и одобряя, по-доброму, благодарно взглянет на нее. Искра понимания промелькнет между ними, согрев обеих. Улыбнется и отец.

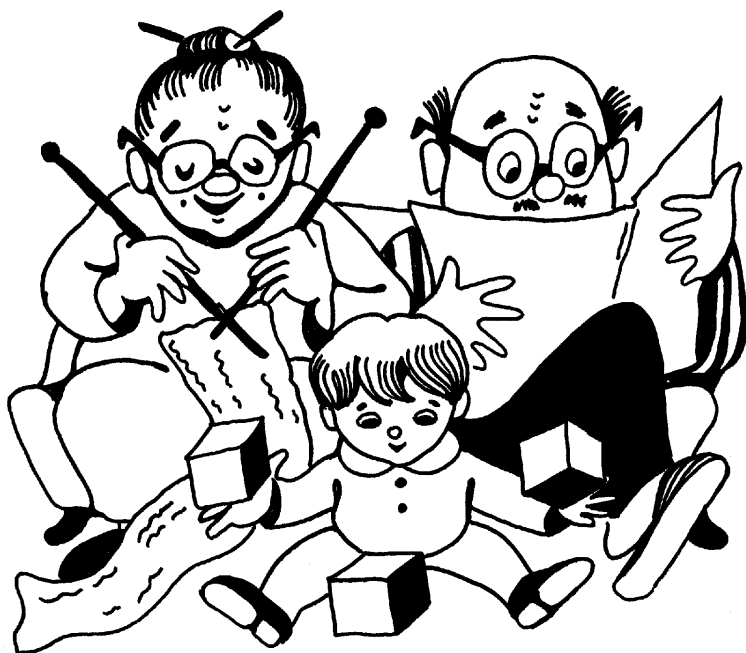
Девочка нуждается в примере для формирования ее женственности. И мачехе просто необходимо стать для девочки таким примером. В данном аспекте мачеха нужна девочке больше, чем мальчику! И если мачеха женственна, обладает чувством вкуса, причесана, ухожена, одета как надо, насколько это возможно, следит за модой, хотя бы немного шьет и вяжет, она не только служит образцом для девочки, но и сближается с ней. И вот уже обе они склонились над платьем, которое надо примерить, доброжелательно сказав отцу: «А ты, папа, отойди пока, ведь все равно ты ничегошеньки в этом не понимаешь». И вот уже за вечерним чаем они оживленно рассказывают новости, перебивая друг друга, и вот уже им хорошо и интересно вместе. Говорят, что в душу можно влезть. Души матери и дочери соединены природной связью, естественной любовью. Мачехе же придется скромно, ненавязчиво, терпеливо, шаг за шагом, день за днем с доброй улыбкой, словом

и делом завоевывать душу падчерицы. И если девочка примет мачеху, семья станет действительно крепкой.

Я, психолог и психотерапевт, знаю, что главу о мачехе неприятно читать родным матерям своих детей. По прочтении этой главы у них может тревожно сжаться сердце: ведь все мы ходим под Богом. Однако Бог милостив, и большинство матерей сами растят своих детей. Мачеха — это, к счастью, редко. Тем не менее встречается и такое. Некая страдалница умерла в родах, дав жизнь ребенку. Пришла другая женщина, которая не носила его под сердцем. Пришла — и стала мамой. А родную мать дитя так и не узнало. Особенно тяжело переживают такую ситуацию родственники родной матери... А пишу я эти строки, чтобы сказать: не злое это слово — мачеха, если женщина, именуемая так, сумела согреть и выпестовать рожденное не ею дитя. Ведь родная мама родила ребенка для счастья. И если бы она могла увидеть свое дитя счастливым, счастливым благодаря этой женщине, она благословила бы ее.

Глава 7

БАБУШКА И ДЕДУШКА

*Была б моя бабуся, никого не боюся.
У кого есть дед, у того и обед.*

Русские пословицы

Большую роль в воспитании детей играют прародители — бабушка и дедушка. В молодости, за делами женщине не всегда удается насладиться детством ребенка, испытать в полной мере неизъяснимое чувство материнства. Мать сама была молода, и дитя не умиляло так, как оно умиляет пожилых, много испытавших людей. Молодая женщина могла еще не созреть как мать, была занята больше собой, своими переживаниями, ее интересы больше фиксировались на муже. И ребенка то она родила скорее для мужа, чем для себя. Она работала, и молодое тщеславие, интерес к работе отвлекали ее от ребенка. Она была молода, и друзья, жизнь остро занимали ее. Одним словом, женщина вырастила ребенка, искренне любила его, воспитывала, но детством его по многим причинам в полной мере не наслаждалась. То же самое, но с еще большим основанием можно сказать и о мужчине.

Но вот родились внуки, и бабушка, дедушка поворачиваются к ним всем сердцем. Любовь к внукам часто становится для них самым важным, самым теплым переживанием, а то и вовсе смыслом жизни. Теперь беспомощность ребенка не пугает: ведь накоплен жизненный опыт. Его шалости не раздражают: ведь пришло

время терпеливой мудрости. Его наивность, безгрешность согревают душу, а молочный запах, исходящий от него, щемит сердце памятью о молодости и навевает мысли о преемственности поколений, связи времен, когда, как поется в песне, «будут внуки потом, жизнь опять повторится сначала...». Внуки нуждаются в доброте бабушки и дедушки, и они, хотя и не всегда здоровы, особенно добры к внукам, забывая в общении с ними о своих возрастных проблемах, тем более что внуки возрождают их силы, придают их жизни особый смысл. Ведь один смысл жизни в молодости и совсем другой — на склоне лет. Бабушка и дедушка особенно нуждаются в любви. Внуки как раз и одаривают их бескорыстной любовью, искренне тянутся к ним. В результате, как говорит народная мудрость, «дочернины дети милее своих».

Роль бабушки и дедушки в воспитании, если они действительно мудры, огромна. От них исходит покой, они — сама неторопливость и надежность. Они и завтра, и через месяц повторяют то, что сказали сегодня. У них нет семи пятниц на неделе, как нередко бывает у родителей ребенка. От них веет умиротворенностью, и возле них успокаивается даже беспокойный ребенок.

Дети задумываются о своих корнях именно в комнате бабушки и дедушки. Там старинная мебель, там старинные фотографии и гравюры, там покой, там не гремит магнитофон. Там хорошо слушать сказки и предания старины. Важно и то, что комната бабушки и дедушки заповедна. В ней детей никогда не наказывают, в ней можно переждать грозу родительского гнева.

Бабушка и дедушка дополняют родительское воспитание и дополняют его по-своему, специфично. Они — другое, старшее поколение, и не случайно у ряда европейских народов бабушку зовут «большая мама», а дедушку — «большой папа», ставя смысловое ударение на слове «большой».

Как «большие», бабушка и дедушка играют в семье роль добрых и мудрых арбитров, третейских судей при недоразумениях между внуками и их родителями. И здесь не следует оглядываться на рекомендацию не вмешиваться, не умалять авторитета родителей. Роль третейского судьи, которую в данном случае выполняют бабушка и дедушка, естественна, традиционна. Дети тоже имеют право поиска справедливости в некоем высшем суде. Ведь и родители не всегда правы, и тогда доброе и твердое вмешательство родоначальников необходимо и не зазорно. Оттого, что у азиатских народов есть непререкаемый авторитет аксакалов, дети воспитываются там много лучше, чем в тех семьях, где не уважают бабушек и дедушек!

Нет ничего более пагубного в воспитании детей, чем неуважение родителей к прародителям. Такое неуважение разрушительно, безнравственно, жестоко наказуемо бессердечием детей. О растлении малолетних говорят только в определенном аспекте, но неуважение родителей к прародителям — тоже растление детей. В этом мире все взаимосвязано, добро и зло имеют тенденцию к генерализации, и не уважающий патриархов не уважает никого, в том числе и себя, ни во что не верует и, естественно, не верит самому себе и в самого себя.

Бабушка и дедушка — естественный источник мудрости в умственном и социальном воспитании детей. Это они в беседах с внуками уместно используют мудрую притчу, вовремя вспомнят пословицу и поговорку, сошлутся на мудрость веков и на старую сказку, вспомнят аналогичный случай и извлекут мораль из него. Бабушка и дедушка для внуков такой же кладезь мудрости, каким являются для меня Сенека, Плутарх, Сократ, Спиноза, Кант, Ксенофонт, Монтень, Ларошфуко, Честерфилд и другие, когда вечерами я листаю их книги. Потребность в мудрости — генетическая, но она

пробуждается в детстве, чтобы потом всю жизнь удовлетворяться из разных источников. И я испытываю наслаждение, читая сегодня книги мудрых, потому что когда-то сидел рядом с бабушкой по отцу, слушая ее размышления, ее пересказы библейских притч. И человек становится мудрым, если возрос на мудрости собственных бабушки и дедушки.

Дедушка, как уже подчеркивалось, может быть образцом мужественности, истинного мужчины для внука. Бабушка и дедушка вносят свои коррективы в климат, царящий в семье. Так, если оба родителя суровы, если они только требовательны к собственным детям, бабушка и дедушка согревают детство внуков безусловной любовью, всем сердцем принимая их такими, какие они есть. Если же мать и отец нетребовательны, любят детей взмахом, по существу уже и не являясь их воспитателями, требовательными становятся бабушка и дедушка, соответственно бабушка — к внучке, дедушка — к внуку. Если родители нервозны, если у них все только на крике, стабильны и спокойны, рассудительны и немногословны бабушка и дедушка.

Не следует забывать, что самой надежной опорой при несчастном случае с родителями опять-таки остаются бабушка и дедушка. Ведь если есть бабушка и дедушка, дети, потерявшие родителей, не сироты. Я нередко сталкиваюсь с этим, когда ко мне обращаются за профессиональным советом по воспитанию внуков, родители которых погибли, бабушки и дедушки. И всегда в таких случаях передо мной оказываются, при всем трагизме происшедшего, ухоженные, защищенные и, главное, любимые дети. И эти строки к тому, что бабушка и дедушка действительно оправдывают поговорку: «Была б моя бабуся, никого не боюсь».

Однако при всей верности вышесказанного бабушка и дедушка ни на минуту не должны забывать, что за воспитание детей полную ответственность несут все-таки

родители и никто больше. Бабушка и дедушка, повторяю, выполняют в семье свою специфическую роль мудрых патриархов, когда в их лице перед детьми как бы предстает весь род, предки, корни — все прошлое, которым следует гордиться, черпая мудрость у истоков великой реки жизни. Они лишь дополняют недостающее детям в воспитании, компенсируя его недостатки, подправляют ошибки. Они страхуют, замещают, когда надо, и беззаветно любят.

Родители молоды. Они — хозяева настоящего, они ответственны за будущее. Они будут стоять на вершине жизни, будут горды и удовлетворены, когда их дети достигнут возраста Христа, или будут наказаны несчастьем и бесчестьем своих детей.

Вот они, молодые родители, идут на лыжах, идут мощно, красиво и ловко, идут вместе с детьми. В этом празднике силы, молодости и здоровья они — пример для детей, источник их гордости. Мальчик идентифицирует себя с мужчиной, и лучше, если этот мужчина молодой, а не пожилой. Девочка же и вовсе идентифицирует себя с женщиной только по молодой маме. Родители ближе к детям по времени, в котором выросли, по вкусам. И подрастающая дочь вместе с мамой, как две подружки, рассматривают журнал современных причесок, модной одежды и обуви. Отец и мать сами учились по учебникам, схожим с теми, по которым учатся их дети. Бабушка и дедушка же, заглянув в учебники внуков, могут попросту не узнать предмет, который когда-то изучали.

Велика разница между воспоминаниями о том, как «были когда-то и мы рысаками», и мужественными поступками отца, красотой и женственностью матери сегодня. И не распространяясь о том, что и без того ясно, скажу лишь одно, абсолютно бесспорное: дети любят бабушку и дедушку, уважают их, но идентифицируют себя как будущий мужчина, как будущая жен-

щина с родителями и абсолютно равноценно заменить родителей бабушке и дедушке невозможно.

Между тем бабушка и дедушка нередко склонны полностью отстранять своих «несерьезных, безответственных, еще зеленых» детей от воспитания внуков. При этом и молодые родители зачастую охотно идут на то, чтобы передоверить воспитание детей бабушке и дедушке. А когда спохватываются, убеждаются, что время упущено: нет близости, понимания с собственными детьми или они уже до того эгоистичны, избалованы, что их и не перевоспитать.

Классический пример того, как бабушка, узурпировав права матери, оторвав от нее ребенка, весьма неблагоприятно повлияла на формирование его личности, мы находим в русской истории. Елизавета, дочь Петра I, буквально отняла у Екатерины II ее сына Павла сразу после родов. Мальчик не встречался с матерью, за этим следили строго. Он рос в окружении пожилых женщин и воспитывался ими. Только с шести лет к его воспитанию были привлечены мужчины.

В четыре года он уже успешно обучается грамоте, к шести годам умеет с достоинством носить парадный мундир и общаться на официальном уровне. Но отсутствие естественной воспитательницы — матери, как, впрочем, и отца, Петра III, исказило характер, да и всю личность в целом, сформировало в характере Павла подозрительность, недоверчивость, аффективную взрывчатость, неустойчивость, контрастность, при которой необычайно самолюбивый человек страдал от глубокого ощущения неполноценности. Не буду рассматривать его историческую роль, а ограничусь лишь констатацией факта: он не имел друзей, ибо был непереносим в общении, внушал ужас и ненависть своим собственным детям и жене, сам испытывая страх перед всеми.

Совсем плохо, если пожилой человек взрывает семью изнутри. Нередко на врачебном приеме я вижу одино-

кую мать с ребенком, а руку к разводу с отцом ребенка приложили ее или его родители. Однажды ко мне на консультативный прием приехала иногородняя женщина с дочерью. У них была счастливая семья: она, ее дочь от первого брака, муж и общий ребенок. Умер отец женщины. Осталась одинокой ее мать, 73 лет. Дочь переселила мать к себе. А закончилось все тем, что через полгода ушел муж, девочка и женщина впали в невроз. Пожилая женщина внушила старшей внучке, что ее не любят, ею тяготятся, живут ради «их сына». С мужем дочери она вступила в открытую яростную войну, дочь обвинила в тысяче смертных грехов...

И все-таки закончу главу очевидным: без мудрых дедушки и бабушки детство столь же неполно, как без сказки, без доброты, без правды.

Глава 8

СТАРШИЕ, СРЕДНИЕ
И МЛАДШИЕ ДЕТИ

*Передний заднему мост.
От хорошего братца ума набратъ-
ся; от худого братца рад отвязаться.*

Русские пословицы

Счастливы дети, имеющие братьев и сестер, но и в многодетной семье есть свои проблемы. Их следует знать, учитывать, чтобы избежать ошибок в воспитании старшего, среднего и младшего.

Лев Семенович Выготский описал случай, когда в семье без отца при больной матери старший мальчик был вынужден проявить особую самостоятельность и решительность, взяв на себя ответственность за семью. Он стал энергичным, лидером, но зато выросший возле него младший брат оказался внушаемым, чрезмерно застенчивым и пассивным.

С другой стороны, как показывает практика, в многодетных семьях третьи, четвертые дети вынуждены рано приобретать необходимый опыт общения, умеют постоять за себя, легко адаптируются в детских коллективах, а в последующем и в жизни. Они общительны, энергичны, гибки в отношениях с людьми, способны к компромиссу. Более того, средние и младшие дети, стремясь не отстать от старшего, общаясь с ним постоянно, быстро взрослеют. Дети из такой семьи умеют, не унижаясь, подчиняться старшему, руководить младшими без заносчивости, легко, как с равными, общаться со сверстниками. У них естественно форми-

руется «чутье иерархии», когда люди знают, как, когда и с кем себя вести.

Однако своеобразно развивается в многодетной семье младший. Он нередко честолюбив, эгоистичен, хитер, ибо, занимая исключительное положение, вынужден вместе с тем постоянно балансировать на тонкой грани между особым к нему отношением родителей и необходимостью поддерживать нормальные отношения с братьями и сестрами, стремлением не оторваться от них, не вызвать их гнева, единодушного осуждения, не противопоставить себя им. Великолепно описывает такую ситуацию в многодетной семье Томас Манн в известном романе «Иосиф и его братья».

Итак, старшие, средние и младшие дети. Старший брат, старшая сестра навсегда остаются в памяти о детстве рядом с отцом и матерью. Они воспитывают, они оберегают, защищают, и ими гордишься в детстве. Бывает и так, что старший брат или сестра занимают вообще особое место в жизни младшего. Выдающегося математика Иоганна Кеплера не любили ни отец, ни мать, ни братья. Он был некрасив, неловок, выглядел заморышем. Но его любила старшая сестра, и благодаря ее любви, как полагал он сам, он и выжил.

Но зачастую старшим достается меньше и благ, и внимания, и любви. Как правило, родители лучше воспитывают последующих детей, ибо на первом приобретают известный опыт, а к рождению младших созревает их отцовское и материнское чувство. Старший всегда вынужден уступать. Старшему постоянно твердят: «Ты должен, ты старший...» На самом же деле он ничего не должен младшим: ведь он тоже ребенок, как и они. И старшие нередко испытывают ревность, иногда неистовую, к младшим. Сын Чарльза Дарвина проявлял выраженное чувство ревности к сестренке, когда ему было всего пятнадцать с поло-

виной месяцев. А такая ревность для ребенка — горькое чувство!

Основная опасность воспитания старшего ребенка заключается в том, что вначале его воспитывают эгоцентрически, как единственного, а потом, когда ему уже лет пять, когда он уже привык к роли «пупа земли», «кумиру» вдруг приносят «дорогую сестричку»!

Потрясение в связи с резким изменением положения в семье, ревность, ненависть, злоба, отчаяние — вот какие плоды собирают в этом случае неразумные родители. Ребенок впадает в невроз, чаще всего истерический. Родители бегают вокруг ненавистной для него сестрички с теплыми пеленками, она в центре их внимания, а свергнутый вчерашний «кумир» начинает мочиться в штаны, не удерживает кал и бессознательно добивается того, что мать с отцом оставляют младшую на попечение бабушки, а сами вынуждены еще больше времени, чем раньше, уделять «больному» старшему. Я спрашиваю такого мальчика: «Ты любишь сестричку?». Рядом мама — и он отвечает: «Люблю». «А когда ты вырастешь, — спрашиваю я, — сколько ты будешь иметь детей?» — «Одного!» — «Кого?» — «Сына!» Все ясно. Он хитрит. Он отвергает сестру. Уж у его-то сына не будет никаких сестричек! Здесь идет речь об очень серьезной ошибке воспитания. Если родители планируют иметь больше чем одного ребенка, то следует своевременно психологически подготовить себя и первенца к этому.

Первенца в таком случае просят не ломать игрушки, беречь их для «братика или сестрички». Ему говорят: «Хорошо бы тебе уметь то-то и то-то, много знать (ни в коем случае — «ты должен!»), ведь ты тогда сможешь научить этому братика или сестричку». Он подрастает, и ему говорят, готовя к ответственности за другого: «Ты мало ешь, слабенький, как же ты будешь защищать братика или сестричку?» Или: «Ты молодец! С тебя

сможет брать пример братик или сестричка». Читая ему сказки, подчеркивают голосом и повтором те места, в которых рассказывается о сильных, добрых и умных старших братьях и сестрах, выручающих младших из беды, как выручила, например, сестричка Аленушка своего братика Иванушку.

Те же рекомендации относятся ко второму и последующим детям, если предполагается, что они не останутся младшими, если семья планирует рождение «еще одного».

Но вот родился младший. Его, неприметно контролируя этот процесс, передоверяют старшим детям, чтобы они пообвыкли с ним, полюбили его и приняли. Так же, впрочем, ведет себя с отцом новорожденного умная жена, передоверяя ему крошку, чтобы он подержал крошечное тельце, испытал нежность к младенцу, полюбил его. Однако впоследствии какой бы то ни было фаворитизм исключается! Младший и младший, ну и что? И если младший проявил эгоизм и наглость, старший ставит его на место! И младший впредь не будет полагать, что старший в услужении у него, не будет надеяться на родителей как на судей в его отношениях со старшими. Ну а если в отношении младшего несправедливы старшие, то родители наставляют их: «Что же это вы, ребята, младшего обижаете? У кого же ему теперь искать защиту?» В результате младший не будет эгоистом, хитрованом, иждивенцем, истерической личностью.

В любой семье, но в той, где растут несколько детей, особенно, справедливость — главное условие доброго воспитания. Малейшее разделение детей по возрасту, а тем более по месту в сердце родителей, когда мама тает, глядя на Костю, папа — на Наташу, а Коля — «ничей», «с боку припеку», способно взорвать семью, разобщить детей навсегда. И следует помнить, что нет ненависти ожесточеннее той, которая разделяет родных братьев и

сестер. О подобном шла речь много раз при описании семей феодалов, королей.

Выдающийся русский врач и педагог Петр Францевич Лесгафт писал в конце XIX века: «Одного ребенка мать ласкает... другого... оставляет совершенно без внимания... в третьем... видит только дурные качества... При таких условиях могут явиться три типа, резко отличающиеся друг от друга. Первый ребенок может быть честолюбивым или мягким, забитым типом, второй — честолюбивым, третий — злостно-забитым» (1884, с. 25). Ужасная перспектива! И все это совершается руками отца и матери!

Жан-Жак Руссо с грустью и неизгладимым чувством вины вспоминал о судьбе своего старшего брата. Его не любили, им пренебрегали, отдавая всю родительскую любовь и нежность младшему. Это не прошло даром для обоих. Старший в конце концов сбился с пути: исчез, убежав из дома, и о судьбе его так никто никогда ничего и не узнал. Младшего, Жан-Жака, всю жизнь мучило воспоминание о несправедливости к старшему его брату.

Софья Ковалевская полагала, что ее своеволие, упрямство в детстве были в известной степени протестом против несправедливого отношения матери, открыто отдавшей все свои симпатии старшей дочери Анюте в ущерб младшей, Софе.

И еще. Да, старший заботится о младшем. Но не следует приносить в жертву младшему его, старшего, детство. Дети играют в футбол, а старший уныло сидит у коляски сестры или брата. Он привязан к ней, как сторожевой пес к будке, он в свои детские годы «нянька», «дядька». А о том, как трудно, еще не став взрослым, быть «нянькой», хорошо написано в известном письме несчастного мальчика «на деревню дедушке».

Бывает, что старший буквально растит всех младших, он им всем «нянька», он отвечает за них. От детства в

таком случае остается только чувство горечи. Младшие при таком развитии событий оказываются и оптимистичнее старшего, и удачливее, обходя его в социально-статусном росте. Их благодарность, часто мимолетная, — не компенсация за отсутствие детства у старшего. Детские плечи слишком хрупки, чтобы принять груз отцовства и материнства. Пусть помогает, пусть, выходя с братьями и сестрами на улицу, поглядывает за младшими, но в меру, оставаясь и сам ребенком.

И вот они стоят плечом к плечу — три брата, три сестры. Крепко стоят. Ничто им не страшно. Добрым и мудрым воспитанием родители не разобщили их, не создали противоестественную ситуацию, при которой «брат брату хуже супостата». Втроем они смело входят в жизнь. Им неведомы эгоизм, тревожная мнительность, пессимизм.

Да и родители горды и удовлетворены. Трое детей — это во всех случаях не напрасно прожитая жизнь, это гарантия того, что дети не будут одинокими в беде, род сохранится и уйдет дальше, в века. Ведь, как гласит народная мудрость, «один сын — не сын, два сына — пол сына, три сына — сын!». И даже если одному из них Бог не даст детей, продолжатель фамилии родится у кого-то из братьев.

И самое последнее к этой главе. На мой взгляд, самая оптимальная разница в возрасте между детьми — три года. Ребенок осознал себя как личность и спокойно, естественно встретит появление брата или сестры. Ему пять лет, ей два года. Он психологически и физически созрел для того, чтобы стать примером для нее. Ему восемь лет, ей пять, и он учит ее читать, считать, рисовать и правильно вести себя. Ему пятнадцать, ей — двенадцать. Он вступает в юность, она — в подростковый возраст. Он для нее — защитник, как и тогда, когда ему исполнится двадцать, а ей семнадцать. И уж совсем матерым он будет двадцатипятилетним, а

она, сестра, как раз начнет знакомить его со своими друзьями, которые, оглядываясь на него, не обидят ее. Ну а если вторым также родился мальчик, то, когда его призовут в армию, старший уже вернется из нее в утешение родителям.

Глава 9

ЕДИНСТВЕННЫЙ РЕБЕНОК

Природа желает, чтобы дети были детьми, прежде чем они станут взрослыми.

Жан-Жак Руссо

О единственном ребенке часто говорят: эгоистичен, избалован и несамостоятелен. Е. А. Аркин в работе «Ребенок в дошкольные годы» полагал, что эмоциональная насыщенность окружающей единственного атмосферы, потворство всяким его прихотям, сосредоточение на нем всеобщего внимания — издержки воспитания, которые более всего грозят ему и создают условия для развития в нем беспомощности, повышенного представления о своей ценности, оторванности от реальности.

Академики Г. А. Архангельский и Г. Н. Сперанский в работе «Мать и дитя» подчеркивали: ребенок, которого воспитывают в одиночестве, часто становится требовательным, жадным, завистливым и считает, что все существуют только для него.

Однако американский исследователь Норман Фентон, обследовавший в 1928 году 107 единственных детей и контрольную группу детей из многодетных семей (598 человек), не испытавших «гнета единственности», не нашел каких-либо особенностей в характере и поведении у единственных по сравнению с детьми из контрольной группы. Вместе с тем Фентон отметил высокое интеллектуальное развитие единственных де-

тей. Единственные, по его мнению, не худшие дети, но их воспитание требует внимательного учета тех исключительных условий, в которых они развиваются в семье.

Действительно, детство единственного ребенка, как правило, согрето нежной любовью и заботой родителей. Внимание к нему, разнообразные игрушки, тесный контакт со многими взрослыми, когда вокруг единственного пять-шесть любящих взрослых и все уделяют ему время, ощущение своей самооценности, необходимости имеется у него в достатке. Его психическое развитие поэтому стимулируется в избытке, у него богатый словарный запас, он эрудирован, все его задатки своевременно раскрываются. Если он проявил способности в рисовании, его непременно отведут в кружок рисования; если у него выявили хороший музыкальный слух, он, конечно же, занимается музыкой. Ведь если мама отправилась с ним куда-то, дома не брошен другой ребенок, сердце не разрывается заботой о двоих или троих. И она отдает единственному все свое свободное от работы время, отдает ему и только ему!

Единственного любят все члены семьи, и он не ведает о зле, о дурных людях. Взрослые предупредительны, ласковы, добры с ним. Он и сам ласков, добр, доверчив, открыт. Он естественно тянется к детям. И если родители не препятствуют его контактам со сверстниками, не запугивают его «плохими мальчиками», у него появляются друзья. Среди них он не ощущает себя исключительным. Он чувствует себя равным, бессознательно сравнивая себя с другими. При таком развитии событий у него нет пагубного самомнения. Дома его захваливают, но среди равных, когда один более начитан, но другой более опытен в реальной жизни, один больше знает, но другой больше умеет, он не ощущает себя вундеркиндом. И все тогда хорошо, он развивается нормально.

Однако опасности воспитания единственного реального, и родителям следует помнить о них. Так, для стиля его воспитания нередко характерна недооценка способности единственного к самостоятельности, и его тревожно ограничивают в попытках выйти из узкого мира семьи. Взрослых умиляет его детскость, и они как-то само собой инфантилизируют его, когда, например, уже студента зовут «Гуленька», когда пытаются выполнять вместе с ним домашние задания, встречают его на крыльце института, чтобы с ним не стряслось беды по дороге домой. С другой стороны, близкие часто переоценивают интеллектуальные возможности единственного, радуясь тому, что он знает больше, чем его сверстники, лучше их читает, пишет, считает, не замечая, что он беспомощен в реальной жизни, не способен за себя постоять, неумел в детских играх и потому отвергаем сверстниками. И радоваться тут нечему! Один мой знакомый, веселый и опытный в жизни человек, часто грубовато приговаривал: «Зачем попу гармонь, а рыбе зонтик?» Так вот, многие единственные дети живо напоминают мне «попа с гармонью», не знающего службы в церкви, и «рыбу с зонтиком», не умеющую плавать!

Естественно, родители единственного тревожно относятся к его здоровью и к опасностям, угрожающим его жизни. У меня единственная дочь. Я знал об опасности внушения ей своей тревоги за нее, но ничего не мог с собой поделать и страховал ее, когда она мчалась на санях с горки, а если она входила в воду, я шел рядом. И единственным грозит развитие тревожного характера. Их надо страховать — единственные ведь, но делать это неприметно для них.

Единственный ребенок рано осознает, что он во многом смысл жизни своих родителей, что он в центре своей семьи. Он понимает, что любое несчастье с ним — трагедия для его родителей. И он, подрастая, уже не

столько думает о собственной безопасности и судьбе, сколько о переживаниях родных. Это обстоятельство вяжет его по рукам и ногам. Он отовсюду звонит: «Со мной все в порядке...» Он стремглав мчится домой, чтобы не опоздать, не встревожить родителей, но парадокс состоит в том, что как раз в чрезмерной спешке таится зачастую угроза его жизни. И я по семь раз на дню говорил дочери: «Опоздай, но не торопись!»

Однако дело не только в этом. Единственный в связи с такой повышенной ответственностью превращается в раба любви к нему. Он отказывается от многого желаемого и крайне необходимого для полноценной жизни, для развития самостоятельности, не может позволить себе быть отважным, так как его всю жизнь преследует страх огорчить, испугать родителей. Дети побежали в парк, а он с грустью смотрит им вслед. Они беззаботны и веселы, они дети и живут как дети, а он — ребенок, но со взрослыми переживаниями и обязательствами. В итоге единственные теряют в мужестве, склонны к страху, к депрессии и неврозу, ибо все это непосильно для ребенка.

Я провел анкетный опрос группы шестнадцатилетних подростков с просьбой оценить свое положение в семье, исходя из их единственности, и один из опрошенных мною написал: «Лучше бы мне быть детдомовским! По натуре я смел, меня тянет туда, где интересно, хотя и опасно. Я вообще чувствую себя человеком, мужчиной, только когда опасно, и поэтому тайком занимаюсь мотоспортом. Но когда я хочу совершить решительный поступок, рискнуть, испытать себя, во мне возникает страх за родителей... Что будет, если мне придется выполнить свой мужской долг, сопряженный с риском для жизни?» Об этом следует помнить родителям, как-то умерять свой страх за жизнь единственного, вернее — скрывать от него этот естественный страх. Как хорошо

я знаю эти минуты! Вот дочь, возвращаясь откуда-то, опаздывает. Стоишь у окна, с трудом удерживаешься от панических звонков по телефону всем, где она может быть. Хочется бежать на остановку автобуса. Но это мои переживания, а дочь не должна о них знать. Она пришла, а я «спокойно» читаю газету, иногда, правда, перевернутую названием вниз. А ведь многие матери с побелевшим от переживаний лицом набрасываются на только что вошедшего в квартиру единственного: «Где ты был, отец уже в пятый раз принимает валидол!..»

Поскольку единственный ребенок, не имея брата или сестры, поневоле проводит все свободное время со взрослыми, возникает феномен чрезмерной фиксации ребенка на проблемах взрослых членов семьи. И он, например, слишком много знает о состоянии здоровья близких, а в результате начинает искать болезни взрослых, пожилых у себя. А тут еще и взрослые слишком тревожатся в отношении его здоровья. И чаще всего мнительные в отношении своего здоровья люди — единственные дети!

Совместное проживание единственного ребенка и его родителей с прабабушкой, бабушкой, дедушкой, бездетными или одинокими дядями и тетями приводит нередко к неуправляемости воспитательного процесса, когда «у семи нянек дитя без глазу». Поскольку единственный ребенок чрезвычайно значим для каждого из членов семьи, трудно избежать искушения постоянно использовать его как основной фактор воздействия друг на друга. Более того, понимая, что, скажем, отец смутится и у него дрогнет сердце только тогда, когда единственный выскажет ему недовольство, его попросту учат, что и как сказать отцу.

Бабушки и дедушки особенно активны в своих попытках вмешаться в воспитание, когда ребенок в се-

мье — единственный. Будучи вовлеченным в проблемы взрослых, непосильные для детской психики, единственный надламывается, но надламывается специфически. Он становится взрослоподобным, он судит о том, о чем ему еще и думать рано, о том, что еще недоступно его пониманию или — и того хуже — несвоевременно становится доступным.

Родители единственного ребенка, понимая исключительность его положения, грозящее ему в будущем одиночество из-за отсутствия у него братьев, сестер и просто из-за повышенного внимания к его судьбе, стремясь максимально защитить единственного, дать ему всевозможные преимущества, как правило, очень рано до предела загружают его изучением иностранных языков, тащат его во всевозможные кружки. В результате он опять-таки живет не как ребенок, а как «маленький доцент»: он мало играет с детьми, излишне серьезен, не по-детски ответствен, и жизнь его лишена детских радостей. Он, как писал в 1909 году детский врач Черни, «перескакивает через детство!». Таким образом, вольно или невольно в нем пестуют честолюбие, ему внушают завышенные притязания, у него формируется пагубная завышенная самооценка. Результатом же постоянно звучащего в его адрес: «Учись, учись, а то не поступишь в институт, пропадешь, не пробьешься, тебя ждет борьба не на жизнь, а на смерть!» — становится формирование у единственного комплекса страха перед будущим, склонности к депрессии, замкнутости, недоверчивости, подозрительности, формирование второй, уже заниженной самооценки. Он невротизируется.

Обо всем этом хорошо сказал доктор Арнольд Гезелл: «Возьмем, например, ту форму самодовольной интеллектуальной скороспелости, которую мы иногда наблюдаем в единственном ребенке, являющемся жерт-

вой чрезмерного честолюбия родителей. Впоследствии мы увидим перед собой неловкого, самолюбивого, упрямого, непокорного, неуживчивого мальчика. Обыкновенный мальчишка его возраста катается по траве, с увлечением играет в футбол... Единственный сын находит длинную прогулку скучной, футбол — грубым; кроме того, он чрезмерно старателен в своих школьных занятиях и уроках музыки, поэтому у него остается мало свободного времени. Сверстники чуждаются и недолюбливают его» (1930, с. 269). И Гезелл полагает, что, несмотря на аккуратность и хорошее интеллектуальное развитие, такие дети впоследствии не станут очень способными людьми, не достигнут высот в профессии и в жизни, так как слабости характера не позволят проявиться в полной мере их интеллектуальным возможностям.

Единственный ребенок нередко сверхсоциален. Обычное замечание учителя в таком случае повергает его в глубокое уныние, вызывает у него опять-таки тревожность и страх. «Не та отметка» — и у него слезы, тяжкие переживания. Ощущая свою несхожесть со сверстниками, несхожесть, зачастую граничащую с ущербностью, он страдает от ощущения неполноценности.

В семье единственного ребенка, как правило, наблюдается тенденция «игры в поддавки». Любя его, все невольно уступают ему. Если с ним соревнуются, то «понарошке». Отец борется с ним, и единственный всегда «побеждает» в этой борьбе. Вот отец учит его приемам бокса. Единственный налетает на отца, колотит его, отец отвечает «ударами», но со стороны отца все это «понарошке». В результате единственный не усваивает, что в драке бьют больно, что в ней не жалеют, что в жизни все много сложнее и суровее, но этого не следует бояться, а надо быть готовым к трудностям.

В многодетной семье, если брат ударил брата, он тут же получает в ответ полноценный тумака и само собой усваивает, что в жизни на удар отвечают ударом и отвечают больно. Он усваивает, что следует взвешивать свои поступки, знать меру, решать дела миром, а в случае «войны» быть готовым к ней и знать о всех ее последствиях.

Родители единственного склонны смягчать оценку его проступков. Они щадят его во всем и всегда. В многодетной семье дети говорят друг другу правду, говорят что думают, до хрипоты отстаивая свои интересы, права, справедливость в отношениях друг с другом. Единственный лишен этой естественной школы жизни. Во дворах моего детства дети проводили все свое свободное время и там, в компании себе подобных, росли как в многодетной семье, осваивая азы справедливости, отстаивания своих прав. Теперь этого нет. И единственным угрожает потрясение встречи с реальностью, когда они все-таки выйдут из узких рамок семьи. В результате такой встречи они нередко теряются, ощущают себя неполноценными. В установках, заложенных в семье, у них звучит: я силен, я умен, я хороший! Реальность же формирует установки типа «у меня не получается, все — злые, жестокие, ко мне относятся несправедливо, мне завидуют и поэтому недоброжелательны ко мне!». В таком случае единственный конфликтен, не гибок, ему грозит развитие пессимизма. Он замыкается в себе.

Единственный ребенок часто умеет носить красивые вещи, выразительно читать стихи, играть на пианино, он вежлив, но все это ничего не стоит в компании сверстников. И для сверстников он «маменькин сынок». Такое бывает с отличниками в учебе, когда у них нет личностных качеств, за которые их уважали бы дети. И тогда слово «отличник» по отношению к

такому ребенку звучит с насмешкой. В компании сверстников требуется совсем другое. Надо быть смелым, решительным, уметь постоять за себя, уметь понимать интересы других, всей компании, «быть своим», быть «равным среди равных», уметь командовать и подчиняться, не отставать ни в чем, бегать, прыгать, играть в те игры, в которые играют другие. Если всего этого нет, кумир взрослых, наш единственный отвергается сверстниками, а это самое горькое на свете для ребенка! И тогда единственный, если он совсем не отгородился от детей, если, уйдя в мир взрослых, окончательно не перестал быть ребенком, соглашается на роль шута, соглашается во имя того, чтобы не быть отвергаемым, не быть непринятым в компанию. Более того, он способен начать воровать у мамы деньги, чтобы расположить к себе детей, раздавая им жвачку и конфеты. Это как бы взятка за то, на что он имеет право как человек.

Нередко единственные просто не вступают в игру детей, не подходят к ним, а стоят в сторонке, в том числе и в школе, на перемене. Они либо боятся грубости, боятся, что их собьют с ног в толчее, либо опасаются неудачи, боятся осрамиться, поскольку самолюбивы, и тогда им грозит чрезмерная застенчивость. Во всех случаях единственному более всего угрожает перспектива не понимать сверстников и быть непонятым ими, а с этим — одиночество.

Однако и в отношениях со взрослыми у единственного могут быть проблемы, и притом серьезные! Ведь взрослые для него — «свои». Они для него лишены тайны. Они для него не авторитетны, ибо в его представлениях о жизни все сместилось: бабушка, тетя для него подруги, он чуть ли не называет их просто по имени; отец и мать, замещающие отсутствующих рядом с ним сверстников, становятся его «приятелями»,

не говоря уже о том, что в борьбе за его любовь они нередко девальвируют авторитет друг друга. И это панибратство единственный распространяет на всех взрослых. Он теряет в отношениях с ними чувство дистанции и меры. Вначале бесцеремонность единственного потешает взрослых, но потом вызывает естественную досаду и недоумение. А он пытается на равных вести себя и с врачом, и с воспитателем, учителем, конфликтует с ними, требуя и от них «игры в поддавки»! Получив отпор или встретив холодное отношение к себе со стороны взрослых, единственный впадает в другую крайность и начинает бояться чужих людей, «чужих взрослых». Теперь он и вовсе замыкается в рамках своей семьи. Кроме того, детский опыт взаимоотношений со взрослыми ничего не дает единственному и в будущем, поскольку он у него односторонний. Держась как равный среди взрослых в детстве, он, став взрослым, теряется среди равных.

До сих пор я говорил о возможных опасностях при неправильном воспитании единственного ребенка. Они, эти опасности, не фатальны. Их можно и должно избежать. Как же воспитывать единственного ребенка так, чтобы их избежать? Рекомендации типа «предоставьте ему полную самостоятельность, бросайте его в воду — пусть тонет, тогда он научится плавать; спокойно относитесь к его проблемам, и он сам приобретет опыт» бесперспективны, нереальны и могут исходить от человека, не имевшего детей или, напротив, от воспитавшего по крайней мере троих. Никто не убедит родителей единственного ребенка подвергнуть его риску, пусть даже разумному, равно как и ослабить контроль над ним. Да это вредно и для ребенка, поскольку при столь решительном поведении родителей он будет полагать, что его попросту не любят, что равнодушны к нему. И единственного не бросают в воду, но не лишают его

воды и вовремя учат плавать. Не следует быть равнодушным к его проблемам, как и решать их за него. Надо научить его решать их верно.

Единственный не должен общаться преимущественно со взрослыми, не должен стать взрослоподобным, а должен жить полнокровной жизнью в полном соответствии со своим возрастом и обязательно среди своих сверстников. И если нет двора, в котором дети проводят весь день, то единственного не позднее трехлетнего возраста направляют в детский сад, в детскую группу, к детям, где бы они ни были! Если в семью пришли взрослые гости, ему нечего делать среди них. И бабушка отводит его не к скамейке, где сидят старушки, а к хоккейной площадке, где сражаются его сверстники, или, если он мал, к песочнице, где они строят замки из песка. Его, таким образом, не оберегают от детей, а оберегают прежде всего от чрезмерного общения со взрослыми. Дитя живет полнокровно только среди детей. Ведь, как писал еще Лев Толстой, дети не маленькие человечки, которые только готовятся жить; дети — люди, которые живут своей, полной радости, смысла, иногда неудач и разочарований, но такой счастливой жизнью. И живут дети своей полной смысла жизнью только среди своих сверстников.

Единственного решительно выводят из узкого круга семьи и, не задерживая его социализации, в то же время не «засиживают», как яйцо, поскольку, согласно поговорке, «засиженное яйцо — всегда болтун». Это относится и к изнеживанию, к избалованности, к потаканию прихотям, к «сюсюканию».

Говоря о том, что главная обязанность родителей — обеспечить ребенку счастливое и деятельное детство, а не тревожно готовить его к будущему, во имя которого он сначала занимается английским, потом бегом отправляется в шахматный клуб, потом, опять бегом, еще в

какой-нибудь кружок, подчеркну, что все это хорошо, все это нужно, но не вместо детства! И тысячу раз был прав Януш Корчак, когда, негодуя, писал: «Ради завтра пренебрегают тем, что радует, печалит, удивляет, сердит, занимает ребенка сегодня. Ради завтра, которого ребенок не понимает и не испытывает потребности понять, расхищаются годы и годы жизни» (1966, с. 21). А ведь для единственного чрезвычайная забота родителей о его будущем становится как раз чрезвычайной бедой.

Воспитывать одного следует так, как если бы в семье их было трое. Это верно для первого, которого начинают воспитывать как единственного, а затем он вдруг становится старшим и отходит на второй план. Это верно и для тех детей, которым суждено остаться без братьев и сестер, но при этом быть хорошими товарищами и друзьями.

Воспитывая единственного, следует помнить, что он не должен стать эгоистом! Единственный чего-то захотел, захотел правомерно, нуждаясь в этом. Но у родителей сейчас другие дела, другие заботы, и ему спокойно говорят: «Подожди, вот освободимся, придет время, появятся возможности, и ты получишь желаемое». Однако он ждать не желает, он — в крик, он — в истерике. Тогда говорят: «А вот теперь ты ничего не получишь! Криком и истерикой ты никогда ничего не добьешься!» И тут надо стоять насмерть! Если же сердобольная бабушка или уставший от крика отец не выдержат, удовлетворят желание скандалиста, он может стать истеричным.

В многодетной семье дети естественно привыкают к тому, что надо ждать своей очереди, надо быть терпеливыми, терпимыми, не эгоистами! Но каждая семья состоит из многих членов. И первая тарелка дается пришедшему с работы отцу или дедушке. И лишь

вторая — единственному. Апельсин — бабушке, апельсин — ему, а не только ему. Кто-то из членов семьи смотрит телепередачу, и ее не переключают по первому требованию единственного, пожелавшего смотреть свое, а спокойно говорят: «Сегодня посмотрю свое я, а завтра уступлю время у телевизора тебе. Сегодня очень интересная передача для меня». Если он болен и все встревожены, это естественно, иначе и быть не может. Однако при его болезни все встревожены, во всяком случае во внешних проявлениях, не более, чем когда больна бабушка. И все в отношениях с единственным должно быть взвешено, все должно быть в меру.

Не следует позволить единственному ребенку оседлать семью или кого-либо из ее членов. Не следует и дозировать любовь к нему, скрывать ее. Малыш должен знать, что он любим. Но если он провинился, нужно строго сказать ему: «Мы любим тебя, но сегодня ты заслужил наказание и будешь наказан!» Ради самих себя, ради него твердо установите его место в семье: «Да, мы тебя очень любим, но вот твои права, вот твои обязанности».

Понимая, что единственному угрожает несамостоятельность, родители как раз единственного учат самостоятельности особенно усердно. Оберегая, контролируя его, ему тем не менее поручают все посильное для него, поручают серьезно, побуждая к ответственности. Так, он должен уметь купить в магазине расфасованный и штучный товар; он и дома побудет один, не балуясь с огнем, не открывая посторонним дверь, а лучше и вовсе не подходя к ней, поскольку у родителей есть ключи. Он и по дому делает все, что может, например готовит сам себе бутерброды, даже если мама дома. А уж на даче он и вовсе рачительный хозяин. У него своя грядка, где он выращивает овощи от посева до сбора. Он и на улице побудет

один, хотя только под окном. Его оставляют у товарища и не сидят рядом, а приходят за ним в урочный час.

У единственного особо пестуют мужество. Это касается и девочки. Упал, упала, ну и что? Встань. Поцарапался, поцарапалась, ну и что? Знаешь, где ватка, где йод и где полоска пластыря... Отец уделяет единственному особое внимание. Отец по природе более сдержан в проявлениях чувств: он не заохает, не запричитает, если единственный ушибся, он не потакает в баловстве и побуждает единственного к сдержанности, к мужскому стилю поведения. Именно от отца единственный и переймет те качества, которые открывают двери в мир сверстников.

Исключительно важно воспитать у единственного ребенка физические умения и практические навыки. Он должен быть ловким, сильным. Он плавает, ездит на велосипеде, катается на коньках, ходит на лыжах, владеет мячом и клюшкой. Он способен защитить себя. Физическое здоровье и спортивность обеспечат ему уверенность в себе, равноправие среди сверстников и, главное, их приятие и уважение. Кто-то заметит: «Да тут все о мальчике». Да, проблемы единственного — более всего проблемы мальчиков. Девочка, будучи единственной, мягче переносит все сложности этого положения. Для нее в таком случае актуально одно — не стать эгоистичной или, тем более, истеричной. И об этом сказано выше.

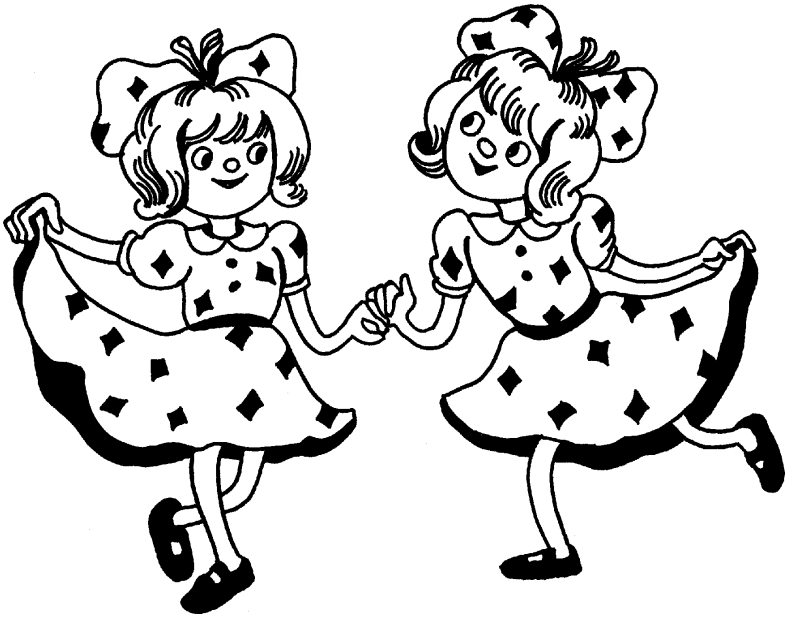
Не следует единственному ребенку дарить животных, в том числе собаку. Сторонники таких подарков считают, что он научится ухаживать за животным, приблизится к природе, приобретет преданного друга. На деле же ребенок становится полновластным господином живого существа. Усугубляются эгоцентрические тенденции, ибо «друг» не способен возражать, рабски предан, не жалуется. Легче возникают садистские тенденции — ведь

животное в полном подчинении ребенка. Единственный ребенок, владевший животным, перенеся опыт общения с ним на детскую площадку, очень скоро почувствует разницу между четвероногим другом и сверстниками. В уходе за животным ребенок может помогать взрослому, но не более.

Закончу же главу кратким замечанием: известна опасность — известно и что делать, чтобы предотвратить ее. А самое радикальное решение проблемы единственного — иметь двух-трех детей!

Глава 10

БЛИЗНЕЦЫ

Брат с братом на медведя ходят.

Русская пословица

Никто не остается равнодушным при виде широкой коляски, в которой спят на прогулке близнецы. С рождением близнецов родителей поздравляют особенно горячо, если они — первые. Надо же — сразу двое! И как тут не сказать: «Не было ни гроша, да вдруг алтын». Сразу — многодетная семья, сразу не ребенок — а дети! Сразу изначально нет проблемы единственного ребенка, сразу хочешь не хочешь, а пришла зрелость к еще совсем молодым родителям.

Близнецы — символ сродства, единства, нерасторжимого братства и верности. Для них изначально естественно то, что яблоко делится пополам, что думать следует не только о себе, а и о братике, сестричке. У них повышено чувство защищенности, они еще до рождения приобрели чувство локтя. Каждый из них надеется, что, если он оплошает, подстрахует, поправит дело другой. Обидчик должен считаться с тем, что перед ним — двое! Для них поговорка «одна голова хорошо, а две — лучше» — каждодневная реальность. Им не страшно оставаться одним в квартире — их двое. И в конце концов, можно посоветоваться. Им не страшно в темной спальне: ведь один слышит дыхание другого.

Появление близнецов мобилизует родителей, тут поневоле приходится уделять львиное внимание детям, забывая во многом о себе. Отцу не сбежать на футбольный матч, он понимает: жене трудно, надо детей-близнецов поставить на ноги, вот тогда будет полегче. И от близнецов не отходят. Много с ними и проблем. Ведь две пары глаз, две пары ушей, два бойких языка и две пытливые головки да еще две пары шаловливых рук и неумных ног требуют повышенного внимания, больших усилий. Только успевай отвечать на вопросы, только успевай следить за ними. Но в результате, если их воспитывали правильно, они вырастают менее избалованными, более серьезными и ответственными, им не свойственна истеричность. Разве кто-нибудь видел катающихся по полу и вопящих в два горла близнецов, требующих запретного?

Рождение близнецов относительно редко, не более одной пары на сто одиночнорожденных. Одна четверть или треть близнецов — однайцовые, они всегда одного пола, отличаются особой схожестью — как внешней, так и по натуре. Двуйайцовые могут быть разнополыми, различными по внешности и по натуре. Двуйайцовые в сущности близнецы только по факту рождения в один день и по тому, что выношены одновременно. Но во всем остальном двуйайцовые — как и брат, сестра, родившиеся в разные годы.

Вместе с тем существует ряд очень важных проблем, общих для тех и других близнецов. Тем и другим не было так вольготно в матке, как одиночнорожденному. Им чаще не хватает кислорода, уже в матке они стеснены. При беременности близнецами чаще и тяжелее протекает токсикоз беременности, чаще наблюдается такое грозное осложнение, как склонность к выкидышу, чаще и эклампсия — повышенное артериальное давление у матери, осложнения со стороны почек. И все это не может не сказаться на новорожденных. При беременности

близнецами чаще наблюдается преждевременность родов, а с этим — недоношенность (в каждом третьем случае). Чаще имеют место и трудные роды, поскольку предлежание хотя бы одного из близнецов может быть неправильным. И все близнецы, даже при удачном стечении обстоятельств, рождаются с относительно малым ростом и весом, более слабыми, чем одиночнорожденные. Случается, что один близнец доминирует уже в период беременности, берет себе львиную долю сил матери и рождается с большим весом, более крепким. А за этим — возможность интеллектуальной и физической разницы между ними.

И хотя отставание в весе и росте по сравнению с одиночнорожденными преодолевается к полутора годам, физически близнецы в полную меру догоняют сверстников только к четырем–шести годам. А ведь эти годы наиважнейшие в психическом развитии ребенка. Поэтому у близнецов чаще, чем у одиночнорожденных, наблюдается задержка психического развития. Это отставание, чаще наблюдаемое у однойцовых близнецов, не только не компенсируется в младших классах школы, но и проявляется еще резче в старших классах. Как отмечают специалисты, в таких случаях характерно отставание в общей осведомленности, в способности к аналогиям и обобщениям, к классификации, а также в словарном запасе. У учителей создается впечатление, что с близнецами мало занимались, беседовали в семье, что они мало читали, что они плохо развиты.

Но дело тут в другом. Близнецам действительно грозит недостаточность развитости, но главным образом не потому, что с ними мало занимались, а из-за слишком сильной фиксированности их на общении друг с другом. Они задерживаются и в социализации — в знании норм общественной жизни, т. е. инфантильны. Об этом я скажу позднее. Однако сказываются и те неблагоприятные стороны внутриутробного развития, тяжелых родов,

о которых говорилось выше и к которым я возвращаюсь вновь.

У близнецов, чаще у однояйцовых, достоверно в большем проценте, чем у одиночнорожденных, наблюдается отставание в развитии зрительно-моторной координации, физическая диспластичность. Чаще встречается у них и общее недоразвитие речи, косноязычие. Для них более, чем для одиночнорожденных, характерен и синдром сверхподвижности с повышенной отвлекаемостью, суетливостью, раздражительностью, вспыльчивостью, неравномерностью умственного развития. Чаще у них и «синдром малоподвижности» с вялостью, склонностью к апатичности, с медлительностью и высокой истощаемостью. Тогда они производят впечатление унылых, бесчувственных, равнодушных ко всему, в том числе и к неудачам. И все это очевидные последствия внутриутробной гипоксии и микрородовой травматизации.

Последствия сложного сочетания внутриутробных вредностей с тяжелыми родами прослеживаются и во врожденной вегетопатии: близнецы часто потливы, у них нередко повышенное слюноотделение или, напротив, «сухой рот» — недостаточное слюноотделение. Часты у них нарушения со стороны желудочно-кишечного тракта: несварения, нарушения стула. Предрасположены они и к простудным заболеваниям. У них нередко нарушен сон, часты пробуждения ночью, ночные страхи, просто беспокойный сон. Часты у них и головные боли. Ко всему вышесказанному добавлю еще одно: «великих близнецов» — писателей, поэтов, ученых и государственных деятелей человечество, к сожалению, не знает. И все вышесказанное о проблемах близнецов достаточно серьезно.

Исследователи феномена близнецов отмечают, что они чаще, чем одиночнорожденные, застенчивы, робки, ранимы, обидчивы, тревожны и мнительны, замкнуты,

склонны чрезмерно переживать обиды, неудачи, и при этом — в себе! И, следовательно, в жизни близнецов достаточно часто имеют место обстоятельства, способствующие нарушениям в их психофизическом развитии, которых можно избежать. Что же это за обстоятельства?

Во-первых, родители близнецов особенно устают от ухода сразу за двумя беспомощными младенцами. Характерная для многих близнецов повышенная нервность, как и присущая им ослабленность организма, как и их более частые, чем у одиночнорожденных, болезни, усугубляют эту усталость. В результате родители их нередко и сами становятся повышенно раздражительными, что не способствует устранению нервности близнецов и формирует порочный круг: нервны близнецы — нервны их родители — еще более нервны близнецы — еще более нервны родители...

Во-вторых, близнецы требуют от родителей повышенного внимания в уходе за ними. Соответственно у родителей остается меньше времени на их воспитание, их психическое развитие.

В-третьих, если близнецы — первые дети у родителей, а родители еще молоды, трудности ухода за близнецами для неподготовленных к этому буквально становятся психологическим шоком. Родители еще сами полны страсти к жизни. Они только начали активную взрослую жизнь. У них друзья, работа, разносторонние интересы — и вдруг от всего этого надо отказаться! В результате возможно возникновение неосознаваемого протеста, неосознаваемой агрессивности к этим двум требовательным существам. Ведь одно дело — радостный интерес родителей к ребенку и совсем другое — унылая волевая установка: надо, ничего не поделаешь, придется вычеркнуть три-пять лет из жизни. В такой ситуации одновременно звучащие вопросы двух детей «почему?», на которые следует отвечать заинтересован-

но, мудро, если хочешь, чтобы дети полноценно развивались умственно, нередко раздражают. И ответы родителей оказываются формальными, неполными, непродуманными, а дети не получают того, без чего умным не стать.

В-четвертых, есть и важная специфика психического развития близнецов. Л. Каплан в книге «Малыш учится говорить» пишет: «Нередко отстают в развитии близнецы. В результате того, что они много времени проводят вместе, у них формируется так называемая автономная речь: предметы и действия они обозначают только им понятными звуко сочетаниями. Это мешает им общаться с остальными членами семьи и в конечном итоге может привести к задержке речевого, а с ним и общего развития» (с. 53).

Близнецы способны самоизолироваться, став автономной, замкнутой системой даже в собственной семье. Самоизоляция близнецов, когда им интересно только друг с другом, — путь в регрессию, в задержку умственного развития. Они обучены одному и тому же, знают одно и то же, и их общение мало развивает каждого из них. Это примерно та ситуация, которая выражена словами «вариться в собственном соку».

По мнению Г. К. Ушакова, пара близнецов — своеобразная микросоциальная группа. Г. К. Ушаков пишет: «Изоляция партнеров в ней способствует задержке развития монозиготных (однойяйцовых. — В. Г.) близнецов, что обуславливает два явления: зеркальное сходство их и изолирующую монозиготных близнецов от общества микросреду» (1973, с. 183).

И наконец, в-пятых, одному из близнецов при их чрезмерной фиксации друг на друге угрожает психическая забитость, вызванная другим близнецом. В психологической литературе описан эксперимент, когда одну из девочек в идентичной по всем параметрам близнецовой паре (однойяйцовые) ориентировали с самого ран-

него возраста как «старшую» сестру, а другую — как «младшую». «Старшей» навязали ответственность за «младшую». Только ей давались указания относительно их двоих, доверялись ключи от квартиры, выдавались конфеты со словами: «Раздели их на двоих и не обидь младшую!», а позднее и деньги на общие расходы. И «старшая» действительно стала старшей, а «младшая» — инфантильной, пассивной, боязливой, мучительно неуверенной в себе, а по сути — психологически забитой.

Такой «эксперимент» часто ставит и сама жизнь. Один из близнецов рождается на несколько минут раньше другого, и он — «старший». Один из близнецов может быть лидером по натуре, и тогда он само собой захватывает власть над другим. В итоге один из близнецов всегда оказывается ведущим, а второй — ведомым. Это может не иметь неблагоприятных последствий для младшего брата (сестры), разделенных годами рождения, но это же обстоятельство может сокрушительно сказаться на формировании «младшего» близнеца в связи с их чрезмерной фиксацией друг на друге. Особенно сокрушительно сказывается это обстоятельство на мальчике.

У меня на приеме оказался близнец, которого брат подавил до потери им своего Я. Он был настолько зависим, несамостоятелен, пассивен, безволен, робок, что без брата перестал выходить на улицу, во двор, перестал без брата общаться с другими детьми. У него развился элективный мутизм: он не отвечал на вопросы чужих людей, учительницы, беспомощно оглядываясь на брата.

В то же время я наблюдал близнецовую пару девочек. Ведущая в паре, защищавшая сестру и словом и делом, а если надо и в стычках с соучениками, уверенная, активная, говорившая вначале «от имени» двоих, затем «от имени» группы, а после и класса, имеет выс-

шее образование, быстро продвигается по службе, но одинока. Вторая — женственна, компромиссна, скромна, ненавязчива, несколько застенчива, но также получила высшее образование, работает, адаптирована среди сослуживцев, пользуется их симпатией. Она замужем, имеет двоих детей, счастлива. Следовательно, у мальчиков лидерство одного из близнецов, как правило, приводит к катастрофе для другого, а у девочек — как получится, по-разному. Однако в лидерстве одного и подчиненности другого в паре близнецов всегда кроется большая опасность.

Так что же? Близнецы — это хорошо или плохо? Хорошо. Очень хорошо. Счастье — один, счастье — двое и даже трое новорожденных. Проблема — только в воспитании, проблема — в знании положительных и отрицательных сторон близнецовости.

Правила воспитания близнецов вытекают из всего вышеизложенного. Разумеется, нет и не может быть однозначных рецептов, но очевидно, что важнейшая задача полноценного воспитания близнецов состоит в преодолении с самого раннего детства их фиксации только друг на друге. Кстати, в семье, где есть близнецы, рождение третьего ребенка, и притом как можно раньше, еще более необходимо, чем рождение второго при наличии одного. Третий естественно разрывает связывающую близнецов психологическую пуповину, выводит их из самоизоляции, из фиксации друг на друге.

Родители ориентируют близнецов вовне, на расширенную группу сверстников, выводя их из узкого близнецового микромира в безграничное разнообразие сложного мира людей.

Родители не сближают близнецов еще более, а скорее разобщают их. На практике это означает, что родители обращаются не к ним обоим сразу, а к каждому в отдельности. Тем самым они подчеркивают, что каждый из близнецов — личность! Таким отдельным об-

ращением к каждому родители подчеркивают, что перед ними не единое двухголовое существо — Тяни-Толкай из сказки, не единая система Петя—Коля, а Петя — это Петя и Коля — это Коля! Они воспитывают в близнецах равенство в ответственности, не позволяя одному узурпировать права и обязанности другого, с тем чтобы они шли и вместе и порознь рука об руку, но каждый своим путем. Поэтому, например, им не дают одного поручения на двоих, а каждому — индивидуальное: «Ты, Петя, пойдешь туда-то и сделаешь то-то, а ты, Коля, пойдешь в другую сторону и сделаешь другое!»

Как только родители заметят, что один из близнецов несколько отстает в умственном развитии, в самостоятельности, решительности, тут же принимаются чрезвычайные меры, чтобы преодолеть в зародыше неблагоприятную тенденцию. Близнецов в таком случае решительно разобщают, направляя в разные группы детского сада, в разные классы школы. Кстати, в вышеописанном случае с мальчиком-близнецом, подавленным своим братом до потери им своего Я, пришлось разобщить их, направив этого мальчика к бабушке и бабушке, живущим в другом городе!

Естественно, родители близнецов с особым тщанием относятся к их умственному развитию.

Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы один близнец отвечал на вопросы за другого, чтобы один списывал у другого, решал задачи за другого. Они даже рисовать должны в разных комнатах или в разных углах, не заглядывая под руку друг друга. Даже модель пусть строят не вместе, а каждый свою и по-своему. На практике же часто один из близнецов строит, а другой только смотрит, подает детали. А лучше пусть один рисует, а другой строит.

Если у одного проявились способности, отсутствующие у другого, — прекрасно. Эти способности развивают, а у другого ищут иные способности и тоже развивают их.

И тогда один идет со скрипкой в музыкальную школу, а другой спешит в кружок моделестроения, природоведения или в спортивную секцию. Но творческое начало, несущее печать индивидуальности каждого из близнецов, рожденное неповторимостью каждого, пестуют у того и другого. Это еще один важный стимул к тому, чтобы они решительно двинулись каждый своей дорогой.

Родители уделяют большое внимание физическому развитию близнецов, особенно тонкой моторике, ловкости рук, точным движениям. Это так же важно, как и интенсивное умственное развитие. Дело в том, что и это для близнецов имеет особое значение. Нельзя допустить, особенно у мальчиков, чтобы один физически подавлял другого. Он тогда лишь снисходительно будет защищать слабого, и старая тема возникнет вновь: один был умнее и сильнее и стал еще умнее и сильнее, а другой... Физически развивать каждого из близнецов важно еще и потому, что, учитывая их отставание от одиночнорожденных и в этом, нельзя допустить возникновения у них «комплекса неполноценности». Физически развитые, они легче войдут в мир сверстников как равноправные с ними.

Родители обращают особое внимание и на борьбу с эгоизмом близнецов. Ведь они склонны, любя друг друга, противопоставлять себя другим людям и, считаясь лишь со своими интересами, игнорировать интересы других. Поэтому не подчеркивается их исключительность, поэтому их с особым тщанием учат учитывать интересы других, с особым рвением включают в детские игры и опять-таки по-доброму разобщают, включая в огромный мир людей не как обособленную пару, а каждого как индивидуальность.

О том, что они близнецы, следует вспоминать только в день их рождения! Думается, что и одевать их следует по-разному, не подчеркивая их идентичность,

не умиляясь ею. Подчеркивать же следует индивидуальность, подвигая того и другого, каждого по-своему, на путь всестороннего развития своего Я.

Родители близнецов с особым вниманием читают книги, посвященные развитию интеллекта, эмоциональной сферы, детской игре, воспитанию, и проявляют терпение и даже долготерпение на многотрудном пути воспитания близнецов. Наградой будет счастье выполненного родительского долга и гордость за их успехи.

Глава 11

НАТУРА И ВОСПИТАНИЕ

Натура — природа, все созданное... создание, творенье, сотворенное... ..естество... принадлежность, способность... ..природное, прирожденное.

В. И. Даль

Психологи утверждают, что ребенок рождается как личность в возрасте трех лет, когда начинает осознавать свое Я, а основы личности складываются к восьми годам. Это верно. Однако я полагаю, что все задатки личности, которые потом разовьются, образуя сложнейшую гамму качеств личности, индивидуальности, рождаются вместе с ребенком, уже заложены в его врожденной натуре.

Воспитание должно быть индивидуальным именно потому, что этот уже родился «генералом», а тот — «пахарем», этот — воинственным, а тот — миролюбивым, этот — общительным, а тот — замкнутым. Я уже не говорю о том, что Пушкин и Шекспир стали гениями не по желанию их родителей, а оттого, что родились с задатками гениев и пошли своей природно предназначенной дорогой, не свернув в сторону, ибо, конечно, задатки развиваются или гаснут.

Я, автор этой книги, предложил и разработал концепцию инстинктов человека. Согласно этой концепции, у человека семь инстинктов: самосохранения, продолжения рода, альтруизма, исследования, доминирования, свободы и сохранения достоинства. Человек, таким образом, рождается с генетической программой приспособ-

собления и притом — индивидуального приспособления, со своим призванием, которое и есть судьба!

Я убежден, что психические возможности человека даны ему свыше. Уже первый «разумный» человек имел психические потенции Сократа, и через миллион лет после нас он будет иметь те же потенции. Между человеком и обезьяной — непроходимая пропасть. Соответственно инстинкты человека и обезьяны — не одно и то же. Они настолько же сложнее у человека, насколько сложнее психика человека по сравнению с психикой обезьяны. Именно в инстинктах человека — генетическая, высшая заданность восприятия мира, в который он приходит, заданность его реагирования на все, что встретит его в этом мире, — на добро и зло, на трудности и преграды, на угрозы и агрессию. Однако генетически предусмотрена и передача от поколения к поколению опыта, чаяний, символов, законов предков — того, что Карл Юнг назвал «коллективным бессознательным».

Врожденная (базирующаяся на инстинктах) программа приспособления есть и у животных, и у насекомых, но у них она общая для всех. Индивидуальная же программа приспособления к жизни как врожденное призвание дана только человеку. Жизнь человека неотрывна от судьбы сообщества людей, от его рода, племени. Для выживания сообщества было необходимо, чтобы люди были разными — «специализированными», дополняя таким образом возможности друг друга. Так, например, сообществу людей были необходимы мощные, широкоплечие, чтобы передвигать камни, и юркие, ловкие, узкоплечие, чтобы пролезать между ними. Точно так же было необходимо, чтобы у одного все потенции организма — психические и физические — способствовали воспитанию в нем качеств воина, охотника, а у других — качеств пахаря, исследователя, открывателя новых земель, новой среды для обитания,

качеств лекаря, воспитателя детей, организатора, мастерового, вождя. Необходимо было и взвешенное равновесие между воинственными и миролюбивыми, эмоциональными и здравомыслящими, решающими проблемы стремительно и решающими их неспешно, т. е. между разрубающими узлы мечом и между терпеливо распутывающими, развязывающими их. Если бы было возможно существование рода, состоящего из одинаковых, «стандартных» людей, такой род не имел бы будущего. Ведь люди «рода воинов» истребили бы не только «род пахарей», но и друг друга. И агрессивные викинги, гунны, монголы смешались с миролюбивыми народами, чтобы не исчезнуть с лица земли тем и другим.

Не может быть правильного воспитания без учета природы ребенка. И ее следует знать! Воспитание человека вопреки его натуре, его врожденной индивидуальности, вопреки его природному призванию безоговорочно ломает судьбу. Нельзя воспитывать Васю как Петю, ибо уже от рождения это две разные натуры, два разных призвания, две разные судьбы! Поэтому я остановлюсь на характеристике природы человека, врожденного в нем.

Врожденная индивидуальность человека обеспечивается прежде всего тем, что сила выраженности каждого из инстинктов у разных людей различна. Один из семи инстинктов по силе своей выраженности стоит на первом месте. И от того, какой именно инстинкт занимает у конкретного человека первое место, зависит его типология по доминирующему инстинкту. Она и решает все. Есть семь типов людей уже от рождения. И это изначально разные люди! Но и остальные шесть инстинктов у человека выражены по-разному. И если один из инстинктов занимает первое место, то другой — второе, третий — третье и так далее, до последнего, седьмого, места. У кого-то, например, инстинкт доминирования — «инстинкт лидерства, властности» — стоит на

первом месте, у кого-то — на третьем, а у кого-то — на последнем. И первый родился, чтобы стать лидером, организатором, «генералом». Именно это ему суждено, именно для этого у него есть все потенции.

Природа гармонична, в ней все закономерно и взвешенно. Инстинкт, доминирующий у данного человека, т. е. занимающий по степени выраженности первое место, определяет место всех остальных инстинктов, а с этим цельный, гармоничный профиль личности по инстинктам. Профиль личности по инстинктам, в свою очередь, определяет, каков должен быть у данного человека темперамент и какова должна быть его конституция (телосложение), ибо, как уже сказано, в человеке одно должно гармонично соответствовать другому. Более того, профилю личности по инстинктам соответствует врожденный стиль мышления — логический («физики») или образный («лирики»), склонность к замкнутости или общительности, а также способности человека. Итак, в человеке все врожденно, все соответствует его профилю личности по инстинктам, а в основе всей этой гармонии — доминирующий инстинкт.

И в рассматриваемом выше варианте, когда у человека на первом месте инстинкт доминирования, его профиль личности — «доминантный», все его психофизические качества соответствуют этому его призванию, призванию быть лидером. И такой человек — харизматический лидер! А тот, у кого инстинкт доминирования, например, на третьем месте, т. е. выражен сильно, но не главенствует, может быть организатором, но организатором под руководством «доминантного». У этого человека на первом месте стоит другой инстинкт, а стало быть, у него и другой профиль личности по инстинктам, у него другое призвание. Третьему же, у кого инстинкт доминирования на шестом, а то и на седьмом, последнем, месте, согласно его природе руководство людьми и вовсе чуждо. Если этот третий по

протекции тем не менее станет «генералом», то такой «генерал» будет как руководитель вызывать презрение окружающих, а главное — он потеряет здоровье, ибо сидит не в своих санях, а поэтому ощущает свою ущербность как руководитель и страдает от постоянного ущемления инстинкта сохранения достоинства. В итоге он или будет вынужден капитулировать, или хитростью и интригами будет продолжать цепляться за власть, теряя при этом здоровье.

Таким образом, воспитывая ребенка, следует учитывать его профиль личности по инстинктам. Тогда воспитание не только соответствует врожденной натуре человека, а следовательно, и его призванию, но — что очень важно — оно естественно и ребенок «принимает» такое воспитание, он «согласен» с ним, он не протестует против него, и у него не будет неосознаваемого чувства насилия над ним. У него, напротив, неосознаваемое чувство того, что родители понимают его, что они с ним, а не против него, что они родные ему, а не «чужие»! Ребенок расцветает при таком воспитании. Он реализует свое врожденное призвание и будет удовлетворен и счастлив.

В моей концепции инстинктов человека первый профиль личности по инстинктам — «эгофильный» (от лат. ego — я и греч. *phileō* — люблю). Он имеет место у тех людей, у которых на первом месте стоит инстинкт самосохранения. Человек этого профиля «женствен», какого бы пола он не был. Но об этом позднее, после ознакомления со всеми семью профилями. У человека «эгофильного» профиля чаще флегматический темперамент и по конституции он чаще «округл», а не «сухощав». И это врожденно осторожные люди.

Инстинкт самосохранения — инстинкт самооценности, любви и внимания прежде всего к себе самому, к своему Я. «Эгофильный» избегает риска, ему генетически чужд авантюризм, он консервативен, он семь раз отме-

рит, прежде чем отрезать, тщательно взвешивает свои решения, он крайне редко допускает ошибки, а допустив ошибку, не повторит ее.

Человек этого профиля всегда «застегнут на все пуговицы», он скрытен и умеет держать язык за зубами, больше слушать, чем говорить. Он проникателен и интуитивен, улавливает угрозу, опасность. Он практичен, рассудочен, эмоционально сдержан, по-своему хитер, великолепно улавливает правила поведения, равнодушной вежливости, приличен, дисциплинирован, аккуратен, точен во всем до педантичности. Все вышеперечисленные качества способствуют безопасности, сохранению благополучия, исключению неприятностей и неудач. Страхуя себя от неудач, неблагополучия, краха, нужды, такой человек бережлив, стремится иметь накопления на черный день, всю жизнь вооружается знаниями, ибо знания, информация обеспечивают все более высокий уровень безопасности. Он безусловно профессионален, терпеливо стремится к достижению высокого положения в обществе, как правило, трудолюбив. Он стремится не иметь врагов и во имя безопасности и благополучия готов поступиться свободой и достоинством, льстит, уступает, подчиняется сильному.

Вместе с тем он самолюбив, ревнив, мнителен в отношении того, как его воспринимают значимые для него люди, затаенно обидчив и раним, склонен к «закомплексованности», и это — «гремучая смесь» самолюбия и готовности поступиться им во имя безопасности и благополучия. Он не забывает обид и через много лет вспоминает их с горечью, льстит и ненавидит того, кому льстит, уступает сильному и ненавидит его, готов к вероломству, интриге, полагает всех эгоистами и ни о ком не думает хорошо.

Очевидно, что речь идет о «генетическом эгоизме», когда все помыслы человека — только о себе, только о своих проблемах, о своем благополучии, когда инфор-

мация воспринимается только в одном ключе: что это даст мне, не угрожает ли это мне? Он ценит семью, своих родителей и своих детей как неотъемлемую часть своего Я, как опять же источник безопасности, благополучия, бессмертия, а поэтому в семье деспотичен и ревнив. В отношении «эгофильных» к семье есть интересная закономерность: они по-своему любят родителей и своих детей, но отчужденно, ревниво; воспринимают своих братьев и сестер как соперников.

Такие люди однозначно равнодушны к другим, хотя, если благополучны, то помогают им, но не от доброты, а из понимания угрозы своему благополучию, из стремления потешить собственное самолюбие, из стремления как бы откупиться от судьбы и, не веря никому и ничему, тем не менее застраховать себя такой помощью от всего мыслимого и немислимого.

Доминирование чуждо «эгофильным», поскольку за этим ответственность, а они ее избегают, ибо она таит в себе потенциальную опасность. И цель «эгофильного» — не стать министром, ибо это чревато большой ответственностью, но работать непременно в министерстве. Слабое место «эгофильных» — низкие творческие потенциалы. Инстинкт исследования у них выражен слабо, поскольку он требует мужественности, свободолюбия, интереса ко всему за пределами своего Я и часто вопреки интересам благополучия и самосохранения. И «эгофильные» не творцы, а прекрасные исполнители. Творчество требует неконформности, а они как раз конформны; оно требует отваги, а они не отважны.

Естественно, таким людям не следует выбирать профессии, чреватые опасностью для жизни, или, другими словами, безусловно мужественные, как, например, профессии военного, полицейского, пожарника, летчика, моряка. Не следует им выбирать и профессии, связанные с работой с людьми, а именно профессии врача, педагога, чиновника. Слова: «Он был морским врачом,

более всего на свете не любившим море и больных» — относятся в основном к людям «эгофильного» профиля. «Эгофильные» преуспевают в профессиях, где отвечают только за себя, где ограничены контакты с людьми, т. е. однозначно не в сфере обслуживания. Они преуспевают в профессиях, где нет элемента опасности, риска, а требуется рассудочность, прилежание, аккуратность, точность, исполнительность, осторожность, стабильность, проницательность. Это банковские служащие, программисты, телевизионные мастера, как и мастера ремонта бытовой и иной техники, клерки, не работающие с людьми, архивариусы.

Зачатки вышеописанных качеств этого профиля личности отчетливо видны уже у ребенка. Ребенок «эгофильного» профиля чрезвычайно боязлив, робок, осторожен. Для него характерны страхи темноты, одиночества, высоты, огня, непереносимость боли. Посещение с ним кабинета зубного врача и вообще медицинских учреждений — большая проблема. Тревожно вникает он во все, касающееся его благополучия и здоровья. Для него характерны вопросы: «А это не больно?», «А со мной ничего не случится?», «А я не заболею?». Он всегда насторожен, бдителен, и о нем можно сказать, что это генетически осторожный человек. Ввиду его склонности к «закомплексованности» с ним следует быть особенно тактичным, щепетильным, деликатным. «Эгофильный» ребенок бурно протестует против грубости по отношению к себе. Однако его послушание, трудолюбие, аккуратность обеспечивают ему успехи в школе и ровную, благополучную карьеру в будущем.

Воспитывая ребенка этого профиля, если речь идет о мальчике, не говорят ему: «Как тебе не стыдно быть трусом, ты ведь мужчина!» Его принимают таким, какой он есть. «Эгофильные», как правило, доживают до старости, умирают в своей постели, и их родителям незачем опасаться одиночества в старости.

Однако, воспитывая «эгофильного», следует учесть, что генетическая осторожность не должна стать обычной трусостью, гибкость в отношениях с людьми, компромиссность — перерасти в угодничество, бесхребетность, а склонность не верить никому и ни во что не должна обернуться пессимизмом или цинизмом, эгоизм — эгоцентричностью, а врожденная склонность к обеспечению собственного благополучия любой ценой — иждивенчеством, безмерной требовательностью к близким и истеричностью. Если все же такое развитие имеет место, «эгофильные» приобретают многие отрицательные комплексы, в частности «комплекс неполноценности», озлобляются, не удовлетворены и им угрожает психосоматическая патология. Но о том, как избежать такого развития событий, — позже.

«Эгофильные» были необходимы роду, племени тем, что, сохраняя себя физически и давая потомство, они сохраняли генофонд рода, племени, в то время как отважные гибли, не оставляя потомства.

Второй профиль личности по инстинктам — «генофильный» (от лат. *genus* — род и греч. *phileō* — люблю). Он имеет место у людей, у которых на первом месте инстинкт продолжения рода. Человек этого профиля «женствен». Чаще у него флегматический темперамент, и по конституции он обычно «округл», а не «сухощав».

«Генофильные» — «сверхотцы», «сверхматери». У них многое, как и у «эгофильных», но место Я занимает семья. Тревожатся они в первую очередь не о себе, а о семье. Ради ее безопасности и благополучия они готовы на любые жертвы.

«Генофильные» ответственные, надежны, бережливы, дисциплинированы, законопослушны — и все это ради семьи. Естественно, они консервативны. Революции, войны не для них, ибо в социальных катаклизмах, в смуте и анархии страдает прежде всего семья, страдают

дети. Ради семьи «генофильные» готовы поступиться своей свободой и своим достоинством. Они интересуются всем происходящим вокруг, они с волнением воспринимают сведения об экологических бедствиях, природных катаклизмах, они — за сохранение природы. Но если «эгофильных» все это интересует с позиций их собственного благополучия и здоровья, то «генофильных» — с позиций тревоги за будущее их семьи, их детей. С этих позиций «генофильные» воспринимают и любую информацию.

«Генофильные» трудолюбивы, они хорошо учатся. Ведь ответственность, серьезность отношения к жизни — в их натуре. Они и к учительнице-то относятся как к маме. Они не стремятся к лидерству, по-женски отдавая семье все силы и весь свой талант. Именно из этого инстинкта вытекает готовность к беззаветной любви, как и сама способность к самопожертвованию! У «генофильных», как и у «эгофильных», слаба склонность к творчеству.

Очевидно, что «генофильные» не должны быть ориентированы на профессии, в которых имеет место элемент опасности для семьи (прокурор, судья, бизнесмен), а также требующие длительного отрыва от нее (журналист, геолог, моряк). Зато «генофильные» — прекрасные врачи, особенно детские, учителя, работники сферы обслуживания. Они — средний слой, «синие воротнички» — служащие, ведущие мирную, стабильную, размеренную профессиональную жизнь. «Генофильные» полагают, что у них прекрасное место работы, если на их рабочем столе стоит телефон и члены семьи в любой момент могут позвонить им. Своеобразный тест на «генофильный» профиль — человек этого профиля личности всегда поднимает трубку телефона: а вдруг это позвонила моя дочь и я ей нужен именно в этот момент!

Ребенок этого профиля фиксирован на семье, чрезвычайно чувствителен к тому, что в ней происходит,

внимателен к членам семьи. Ему плохо в детском садике, он хочет домой, он ощущает комфорт и жизнерадостен только в кругу семьи, когда вся она в сборе. Он — домосед. Характерные для ребенка этого типа вопросы: «Мама, а ты не заболеешь?», «Когда же наконец придет папа?», «Бабушка, а ты не умрешь?». Если мама попадает в больницу — они в панике. Если их отправляют в больницу, они, научившись звонить по телефону, звонят поминутно, узнавая, все ли в порядке дома.

Важно воспитать ребенка «генофильного» профиля так, чтобы, когда он вырастет, «ради семьи» он не шагнул в трусость, не потерял своего Я, не стал однобоким, ограниченным, слишком конформным, блеклым как личность. И без того слабая склонность к творчеству не должна быть и вовсе подавлена опять-таки «ради семьи».

И «генофильные» были необходимы роду как «пахари», как труженики, как миролюбивые. Но главная причина их необходимости в том, что они, как и «эгофильные», хранители потомства — генофонда рода.

Третий профиль личности по инстинктам — «альтруистический». Он имеет место у людей, у которых на первом месте — инстинкт альтруизма. Человек этого профиля и «женствен», и «мужествен». И чаще у него сангвинический темперамент и усредненная конституция — не «округлая», но и не «сухощавая», а переходные ее формы. И это — врожденно гармоничные и оптимистичные люди, добрые, отзывчивые, талантливые сердцем. Они интуитивно ощущают состояние и боль другого человека. У них много друзей. К ним инстинктивно стремятся, они как бы подпитывают других оптимизмом и энергией. Они — доноры для души. И, повторяю, во всем этом они талантливы.

У них богатейшая интуиция, и они мгновенно оценивают, где правда, а где ложь, где добро, а где зло. И это у них также с детства. И в этом также их талантли-

вость. Они миролюбивы, склонны прощать других. Но они же и отважны, выступая против зла, в защиту добра и справедливости. Свободой и достоинством они не поступаются и в то же время ради свободы и достоинства других готовы идти на компромисс и в этом. Это у них как у очень щедрых и сильных людей. «Альтруистичные» генетически тактичны, деликатны, интеллигентны.

Они ценят семью, но как неотъемлемую часть интереса к людям, к жизни, как неотъемлемую сторону полноты бытия. Доминирование как властность чуждо им. Они — духовные лидеры. Однако, если это необходимо для других, в экстремальных условиях они прекрасные организаторы. И нет нужды говорить о том, что они талантливые исследователи, ибо им, как особо творческим личностям, дано все, им дано и это.

Вся суть «альтруистического» профиля в том, что он наиболее гармоничен. Доброта и альтруизм людей этого профиля — не доброта и альтруизм «блаженных». Они добры по отношению к другим, безмерно отзывчивы, но и сами они жизнелюбы. Им не чуждо самоутверждение, им не чужды радости жизни — и все это светло, нравственно, оптимистично и благородно. Их интересует все происходящее вокруг них, особенно в духовном: в искусстве, в прекрасном, в познании, в отношении к людям. Они однозначно мужественны перед лицом трудностей, неудач, бедствий, особенно массовых, и готовы взять на себя ответственность за все и всех. Но они же и женственны, женственны своей душевной чуткостью, отзывчивостью, тонкостью, деликатностью, эмоциональностью, чувством прекрасного.

Люди «альтруистического» профиля богаты душевно, смысл их жизни многолик. Они мудры и нравственны генетически. Их мудрость — мудрость сердца, и живут

они сердцем. У них природно обострено чувство справедливости и совести. Их не надо учить быть благодарными, ибо они рождаются с этим чувством.

Их врожденная одаренность и в особой близости к природе. У них дар понимания животных, а животные понимают их. Они обостренно воспринимают угрозу природе, и важнейший аспект смысла их жизни — защита ее. Они рождаются с чувством гармонии, гармоничны сами и страдают при дисгармонии мира, в котором живут. Поэтому они способны ощутить, например, и приближение стихийного бедствия.

Люди «альтруистического» профиля особенно близки к мирозданию, «космосу», высшему началу и высшему смыслу. У них врожденная способность к ясновидению. Ахиллесова пята людей этого профиля личности — доверчивость, открытость, искренность, а также то обстоятельство, что, если правильным воспитанием не придать их широким интересам еще и организованность, определенную направленность, стремление к безусловному завершению начатого, они могут не определиться профессионально и тогда, имея два высших образования, не закрепятся ни в одной профессии, не станут «однолюбам» в ней.

Уже в детстве ребенок «альтруистического» профиля — «солнышко» в семье. Если его обижает сверстник и ему рекомендуют ответить на обиду, он обычно говорит: «Как же я ударю его, ведь ему будет больно!» Он не пугается, если у него рана, выступила кровь, но безмерно огорчен, видя страдания других, кровь у других! И он, в отличие от «эгофильных», сразу видит, что бабушка недомогает, а мама устала.

Из детей этого профиля, врожденно талантливых, вырастают поэты, писатели, журналисты, историки, философы, священнослужители, врачи, педагоги, ботаники, зоологи, ветеринары и зоотехники; социальные работники и психологи.

Инстинкт альтруизма есть у всех. Именно в нем заложены предпосылки врожденной нравственности, совести, стыда, любви к человеку и природе. Но у разных людей он выражен по-разному: у одних сильно — и это «альтруистический» тип, у других — средне, у третьих — слабо. И если он выражен средне, а тем более слабо, задача воспитания — стимуляция, укрепление инстинкта альтруизма!

Четвертый профиль личности по инстинктам — «исследовательский». Он имеет место у тех людей, у которых на первом месте инстинкт исследования. Человек этого профиля «мужествен», какого бы пола он не был. У него может быть любой темперамент, любая конституция, но чаще холерический темперамент и «сухощавая» конституция. И это — творческие люди!

Итак, главное, что характеризует этот профиль, — страсть к творчеству. Я применяю такое сильное определение, как страсть, потому что доминирующий инстинкт определяет, что врожденно у человека, что стоит на первом месте в смысле его жизни как его призвание. А то, что стоит на первом месте, выражено мощно! Речь идет о творческой одаренности вообще и о ее конкретной направленности в соответствии со специальными способностями индивида. Так, Ландау был творчески одарен и в музыке, и в литературе, страстно любил искусство, но выразил себя в физике, к чему имел особые способности. И это очень важно для понимания моего основополагающего тезиса в концепции природы: в ней врожденное призвание человека! И один из «исследователей» — мастер в автоделе, другой изучает насекомых или ботаник, третий творит в живописи или в музыке, архитектуре, физике и химии, кто-то удовлетворяет свою страсть в исследовании, открывая неизведанное на земле, в глубинах океана, в космосе, а кто-то равным образом творчески находит себя в моде, парфюмерии или в кулинарии.

Когда я предлагаю моим студентам добавить некий новый инстинкт к семи, описанным мною, чаще всего они предполагают, что есть еще инстинкты стремления к знанию, любознательности, ориентировочный. Однако это не инстинкты, а врожденные тенденции, заложенные во всех семи инстинктах, особенно в инстинктах самосохранения, исследования и альтруизма, и раскрывающиеся в них различными гранями. И стремление к знанию, любознательность и ориентированность необходимы «эгофильному» для самосохранения, «альтруисту» — из характерного для лиц этого профиля интереса ко всему существу на земле, а человеку «исследовательского» профиля — в рамках его творческого призвания. Эти тенденции у «исследователя» во всем: в его отношении к себе и к жизни, в частности — к работе. Так, один из «исследователей» сказал мне, что работа — удовлетворение его любознательности за государственный счет.

В «исследовательском» профиле заложены такие необходимые предпосылки творчества, как дар соединения рассудка, логики, анализа и расчета с интуитивностью, что так великолепно было продемонстрировано исследователем по натуре Гарри Каспаровым в шахматном поединке с суперкомпьютером.

В «исследовательском» профиле заложена особая страсть к свободе, ибо без свободы нет творчества. Люди «исследовательского» профиля — люди риска, азарта, они мужественны и решительны, созидательно агрессивны, отважны в своем творчестве, в исследовании. У них высокое чувство достоинства, и они знают себе цену. Однако ради творчества они готовы поступиться в чем-то своим достоинством и даже своей свободой, подобно тому, как ящерица поступает хвостом ради сохранения жизни. Они непоколебимы в одном — в свободе творчества, в своем достоинстве как достоинстве творца. И если ущемляется свобода творчества, достоинства

в творчестве, они становятся диссидентами, революционерами или эмигрируют. Все остальное, в частности материальные затруднения, жилищные и бытовые неудобства, они стерпят.

Люди «исследовательского» профиля ценят семью, нуждаются в ней, но уделяют ей мало времени, приносят в жертву своим творческим планам, своей творческой деятельности ее материальные интересы. Доминирование им чуждо. Они творческие люди и руководство оставляют другим. Главное их требование к лидерам, руководителям — организационное и материальное обеспечение их творчества при невмешательстве в творческий процесс! Более же всего «исследователи» нуждаются в понимании и признании. В этом они беспредельно ранимы.

Итак, «исследователи» — путешественники, ученые, изобретатели, все люди творческих профессий. Им угрожает односторонность интересов, отсутствие или потеря семьи. Встречая сопротивление, будучи отлученными от творчества, потерпев в нем крах, они могут впасть в озлобленность или в депрессию, и тогда им угрожает психосоматическая патология.

Дети этого профиля отличаются глубокой любознательностью, страстью к исследованию, поиску. Они разбирают часы, будильники, радиоприемники, стремятся заглянуть в телевизор. Они забираются в подвалы, на чердаки, строят, комбинируют, и карманы их всегда полны болтиками, гайками и гвоздиками.

С раннего детства они ищут и находят приключения, от которых нередко раньше времени седеет их мать, а сами «исследователи» попадают в беду. Это они находят детали пулемета и восстанавливают его, из любознательности пытаются разрядить гранату, замыкают электросеть. Они обожают химические реактивы и устраивают пожары, взрывы, сливая все вместе, чтобы посмотреть, что из этого получится. Очевидно, что у

детей «исследовательского» профиля своя судьба и воспитание не должно препятствовать ей. Если исследовательский зуд направлен в верное русло, то они в кружке, в походе, в библиотеке, в лаборатории, за верстаком.

Посягать на свободу «ребенка-исследователя» — значит сломать его или потерять с ним духовный контакт: в таком случае он сам отчуждается от родителей и уходит от них, как только отрастут его крылья.

Пятый профиль личности по инстинктам — «доминантный». Он имеет место у тех людей, у которых на первом месте — инстинкт доминирования. Человек этого профиля, безусловно, мужествен. Чаще у него холерический темперамент, по конституции он чаще всего «сухощав».

Это генетические лидеры. Людей этого профиля отличает сильная воля, упорство, решительность и настойчивость в достижении цели. Они предрасположены к логичности, деловитости, эмоциональной сдержанности. Им свойственна лаконичность речи. У них властный взгляд и плотно сомкнутые губы. Как правило, у людей «доминантного» профиля хорошая память: они помнят имена, отчества, фамилии всех нужных людей, все необходимые для дела цифры, данные, законы, равно как и номера телефонов, т. е. помнят все, что считают необходимым помнить. И. Сталин поражал всех такой памятью. «Доминантный» никогда не забывает, кто был «за» и кто был «против» него. «Доминантные» прагматичны от природы, не терпят «лирику» в деловых отношениях. Они обязательны и созидательно агрессивны в делах.

Они весьма чутки к новому, в частности к новым идеям, мгновенно оценивают значимость нового и используют новое энергично и целеустремленно. Симбиоз десяти «исследователей» и одного «доминантного» чрезвычайно эффективен, и «исследователи» как бы само

собой группируются вокруг «доминантного», который ищет и находит их.

«Доминантные» с детства знают, чего хотят, готовы к тщательно просчитанному риску, но отвергают авантюризм. Они великолепно разбираются в людях, но опираясь не на интуицию, а на свой холодный высокий интеллект. В людях они ценят прежде всего деловые качества и в этом не ошибаются. Они признают «правила игры». Их слово верно, и если они деловые люди, а не политики, их слово — вексель. Того же требуют они и от других, лжи и необязательности не прощают, как и пустословия, ошибок из-за безответственности или глупости.

«Доминантные» могут быть снисходительны к тем, кто слаб, если это не деловые люди. Они даже склонны опекать слабых, по их мнению, людей, но людей, чем-то интересных им, как правило, людей искусства — актеров, поэтов, художников, музыкантов.

«Доминантные» полны достоинства, но ради дела готовы им поступиться, хотя и редко. Такие случаи они помнят и не прощают тех, кто их вынудил на это, т. е. рано или поздно «отыгрываются», берут реванш. Свобода для них прежде всего — свобода для дела, и они, подобно «исследователям», революционеры, если ущемляется свобода их деятельности. Они по-своему альтруистичны и патриотичны. Так, пастырь глубоко интересуется жизнью своей паствы, но у «доминантных» это не забота о судьбе одного человека, а интерес к судьбе целого коллектива или даже своего региона. И они мыслят такими категориями, как массы, нация, государственные интересы. Это они без колебаний оставляют на истребление батальон, выводя из-под удара дивизию.

Они обеспокоены, когда заболевают, но только потому, что болезнь «мешает делу», отрывает от него. О своем здоровье они не заботятся, к опасности в от-

ношении собственной жизни относятся серьезно, но опять-таки деловито, без страха.

Семья им нужна для отдыха души и как гарантия наследования их дела и плодов их деятельности. И семья на периферии их интересов, ибо тотально, во всем у них «дело прежде всего!».

Детей этого профиля надо воспитывать, исходя из их призвания. Естественно, «доминантный» ребенок мало внушаем. Его надо убедить, и убедить аргументированно, ибо на веру он ничего не приемлет. Им нельзя командовать, если сам не «доминантный». Он интуитивно улавливает, кто лидер, а кто нет, и подчиняется только лидеру, притом более сильному. С ним лучше договориться как с равным. Подавление ломает его натуру, и это — «сломленный позвоночник», уже не способный к самооживлению. Воспитывая «доминантного», всеми силами придадут этому «княжескому» профилю альтруистические черты, чтобы доминантность реализовалась во имя добра.

«Доминантным» угрожает черствость души, однобокость интересов, перехлест в агрессивности с креном в подозрительность, жестокость, мстительность. Им угрожает эгоцентризм с презрением к интересам других, т. е. с креном в эпилептоидность. Их призвание — карьера, они — президенты, губернаторы, мэры, директора, командиры, капитаны и везде, всегда — председатели.

Шестой профиль личности по инстинктам — «либертофильный» (от лат. *libertas* — свобода и греч. *phileō* — люблю). Он имеет место у тех людей, у которых доминирует инстинкт свободы. Человек этого профиля личности «мужествен». Чаще у него сангвинический темперамент и смешанная конституция — «усредненная» между «округлой» и «сухощаво-жилистой». И это врожденно «вольные люди» — вольница!

Эти люди схожи с «альтруистами» своим неистребимым оптимизмом, интересом ко всему вокруг, любят

природу и животных, как свободолюбивые цыгане — степь и коня. Они легко сходятся с другими, общительны, но всегда автономны. У них много приятелей, но мало настоящих друзей, ибо их основная черта — непостоянство, поиск нового. Они близки к «исследователям» в этом неустанном поиске новых интересов, мест, горизонтов. Они неконформны: не внушаемы, склонны не признавать законы, стесняющие их свободу. Будучи сангвиничными, они активны, быстры, остроумны и находчивы, надеются только на себя и полагают, что они никому ничего не должны и им никто ничего не должен. «Либертофильные» — космополиты, они без колебаний уезжают туда, где свобода и пусть чужие, но свободолюбивые люди, которые им ближе поступающего своей свободой родного брата. Они чрезвычайно склонны к риску, авантюризму, и это их ахиллесова пята: здесь они чаще всего и попадают в беду. Они не терпят «правил приличия», рутины, обыденности и будничности. Они стремятся к свободе и в сексуальных отношениях. Но более всего они не терпят бюрократизма.

«Либертофильные» — революционеры или анархисты по натуре. И им не чуждо доминирование, но только в одном — если это необходимо для борьбы за свободу. В организации такой борьбы они талантливы, но, не признавая законов и не являясь альтруистичными по отношению к другим, будучи в сущности равнодушными к семье и к своей жизни, они тем более равнодушны и к чужой жизни, беспощадны в такой борьбе, готовы к террору, смыкаясь в этом с фанатиками.

«Либертофильные» обычно выбирают профессии моряков, геологов, нефтяников, когда работают вахтовым методом, охотников, водителей грузовиков дальнего следования, проводников поездов дальних маршрутов. Их профессиональное призвание — свободные профессии и сфера обслуживания.

«Либертофильного» ребенка уже в раннем детстве сначала не спеленать, не удержать ни в кроватке, ни в манежике, а потом и в квартире. Он, как птица, только и ждет, чтобы приоткрылась дверца клетки и форточка, и улетает, даже если за окном тьма и холод.

В детстве эти несносные искатели приключений — головная боль родителей, воспитателей и учителей. Они не терпят жесткого режима, дисциплины. Есть разные причины бродяжничества детей, побегов из дома, но одна из них, и не последняя, — врожденное, инстинктивное свободолюбие, не облагороженное умелым воспитанием. Удержать «либертофильных» в рамках режима детского сада или школы можно, только пробудив интерес к тому, чем их побуждают заниматься, и признавая право этих детей на свободу. Удержать «либертофильного» дома можно также только интересом к делам, которые его более всего занимают, когда идут навстречу его увлечениям, когда ему не досаждают мелочной опекой. Но более всего чрезмерность свободолюбия «либертофильных» обуздывает любовь к матери, духовная близость с отцом. И тогда они отказываются от многого в своей неумемности и авантюристичности, чтобы не огорчить мать или духовно близкого отца. И слезы матери, как и презрение отца, страх причинить им боль — единственные пути для «либертофильных».

«Либертофильные» извечно были необходимы людям не только тем, что, следуя за «исследователями», открывали новые земли (моряки каравелл Колумба и Магеллана, конечно же, были свободолюбивыми людьми), но главным образом тем, что всегда служили противовесом диктаторским тенденциям «доминантных».

Седьмой, последний, природный профиль личности — «дигнилофильный» (от лат. *dignitas* — достоинство и греч. *phileō* — люблю). Он имеет место у тех людей, у которых доминирует инстинкт сохранения достоинства.

Люди этого профиля безоговорочно мужественны. Чаще всего у них холерический темперамент и «сухощаво-жилистая» конституция. И это — гордые люди!

Речь идет о «столбовых дворянах», о людях чести, гордости и благородства по натуре, когда во имя всего этого без колебаний идут на любые лишения, «в Сибирь», вплоть до готовности сложить свою голову. Такие люди первыми гибнут в войнах, ибо способны идти на пулеметы в полный рост, как на параде, и, конечно, в периоды массового террора по политическим мотивам. Естественно, они неконформны и черное для них всегда черное! Они малословны, эмоционально сдержанны. У них гордый взгляд, гордая осанка, подобно тому как у «доминантных» — властный взгляд, властная осанка. И у них генетическая брезгливость к непорядочности, трусости, к рабам и рабству. Поэтому они чрезвычайно избирательны в общении, в выборе друзей.

Их слово — вексель, как и у «доминантных», но не столько в делах, сколько в вопросах чести. Так, д'Артаньян мог слукавить, когда дело шло о луидорах, но был непоколебим и несгибаем, когда дело шло о чести и достоинстве.

Таким людям дорога свобода как неотъемлемая часть достоинства, но в их крови табу на все безнравственное. Они альтруистичны по отношению к другим, понимая, что и у других есть достоинство. Более того, они нетерпимы к унижению достоинства других, к ущемлению прав других. «Дигнитофильные» склонны к творчеству, исследованию, и это очень важно! Ведь сохранение достоинства — не смысл жизни для такого человека, а ведущее качество его натуры: смысл жизни он ищет в другом и часто — в альтруистических ценностях, но так же часто — в творчестве, в исследовании. И «дигнитофильные» нередко ученые, писатели и журналисты. Однако в отличие от лиц «исследовательского» профиля они никогда не жертвуют ради творчества

своим достоинством. Так, Коперник мог формально отречься от своих взглядов, сохранив жизнь и возможность продолжать свои исследования, однако пошел на костер, твердо заявив: «А все-таки она вертится!»

Будучи генетическим противовесом «доминантному», когда он становится тираном, «дигнигофильный» сам способен стать лидером в борьбе за права других, но опять-таки благородно, открыто, с гордым «иду на Вы!», отвергая в такой борьбе интриги, коварство и террор. Его путь всегда тернист, но это путь благородного человека. И «дигнигофильными» в борьбе с тиранами я вижу Кромвеля и Шарля де Голля.

«Дигнигофильный» стремится к знаниям, поскольку невежество унижительно для его достоинства. Семья для него важна, как важно происхождение, как важна фамильная честь. В таком аспекте, в аспекте родовой, национальной чести, он патриотичен. Однако семья не остановит его, если его честь и достоинство потребуют самопожертвования.

Одно из профессиональных призваний «дигнигофильных» — юриспруденция. Они становятся непреклонными прокурорами, судьями, офицерами полиции, частными детективами. Из их числа те бесстрашные журналисты, которые ради правды идут в огонь. Они летчики, капитаны судов или те великолепные мастера, которые ставят на свои изделия личный знак качества. Они хороши во всех профессиях, где человек мало зависим от других. Так, они великолепные шоферы громадных грузовиков на международных трассах, спасатели, и их можно встретить среди исследователей в трудных и далеких экспедициях.

Дети этого профиля личности отличаются особой щепетильностью в вопросах сохранения своего достоинства, не позволяя унижить себя никому и никогда, в том числе и в играх. При попытках унижить их они дают отчаянный отпор, не склоняются, не уступают, чем бы

им ни угрожали. Отстаивая свое достоинство, они могут вступить в драку и с более старшими по возрасту, и более сильными детьми. Ну и достается же им в детстве за подобную непоколебимость! Их пытаются согнуть в дугу воспитатели, уязвленные таким чувством достоинства у «молокососа». Но они и страдают, не сгибаясь. С ними можно договориться, но договориться уважительно.

Не учитывать всего этого — значит не воспитать их правильно, значит потерять то, что должно быть несомненным: любовь и понимание своего ребенка.

При неправильном воспитании им грозит чрезмерная замкнутость, одиночество, односторонность, склонность к чрезмерной прямолинейности, эмоциональная блеклость и социальная неприспособленность.

Для того чтобы сформулировать основные положения воспитания ребенка в семье с учетом индивидуальности, врожденного призвания, т. е. в соответствии с моей концепцией инстинктов человека, необходимо кратко остановиться и на проблеме женственности и мужественности, имея в виду не различия по полу, а то духовное — женственное и мужественное, — что имеет место в каждом человеке вне зависимости от его пола.

В таком понимании женственность включает в себя: пассивность, консерватизм, созерцательность, осторожность и упорядоченность; миролюбие и склонность к компромиссу; сокрытость; «мудрость сердца», интуитивизм, отзывчивость, способность ощущать состояние другого человека и сопереживать; богатую эмоциональность, чувство вкуса, восприимчивость к прекрасному и обостренную любовь к природе; тактичность и деликатность; красочность, образность и богатство речи; терпеливость, устойчивость к будничности и монотонности; трудолюбие; благодарность, предрасположенность к доверию, верности и приоритету ценностей семьи; переменчивость, дух свободы; склонность питать надежду

и ожидание счастья, жажду любви в широком смысле этого слова — любви как любви к жизни в целом; врожденное чувство стыда.

Соответственно мужественность включает в себя: отвагу, активность и динамизм; стремление к полноте жизни, интерес ко всему сущему на свете, жажду знания, всеобъемлющей и глубокой информации обо всем и за пределами личных интересов, исследование и жажду творчества; созидательную агрессивность и твердую волю; открытость, искренность; рассудочность — «разум головы»; лаконичность речи; логичность, плановость, приоритет глобальных, долговременных целей над сиюминутными; упорство в достижении цели; коллективизм, социальность, патриотизм, родоплеменные ценности; врожденность чувства меры; устойчивость к лишениям, трудностям, к боли; доминантность и в то же время готовность к подчинению, организованности, дисциплине; приоритет дружбы, верность в ней; стабильность; оптимизм; жажду свободы, приоритет сохранения достоинства, чести; великодушие, врожденность чувства вины, готовности к раскаянию и прощению; врожденность тенденций «надо» и «нельзя», ответственность, врожденность чувства долга, справедливости, совести; тенденцию мудрости.

Очевидно, что данное описание женственности и мужественности в их духовном аспекте — обобщенное, в известной степени идеализированное и в максимальной степени выражено только у лиц «альтруистического» профиля, да и то при соответствующем воспитании, поскольку в представленном выше описании врождены лишь задатки, а в полной мере черты женственности и мужественности в их духовном аспекте развиваются при жизни. И скажем, имеющий соответствующие задатки становится истинно мужественным только при условии, если воспитание и жизнь способствовали этому. У князя родился ребенок мужественного, «доминантно-

го» профиля, воин по призванию, но великим воином он становился только в том случае, если князь сажал его на коня в трехлетнем возрасте, а в тринадцатилетнем уже брал с собой в военный поход. С другой стороны, если у князя рождался не «доминантный» сын, не воин, князь видел это, и такой сын — «тишайший» — занимался науками или уходил в религиозность.

И «эгоцентричные» — «женственные», но «женственные» консерватизмом, осторожностью, упорядоченностью, склонностью к компромиссу, скрытностью, проницательностью, склонностью к трудолюбию, а вот лучшие черты духовной женственности: «мудрость сердца», отзывчивость, благодарность, чувство стыда — в них надо воспитывать, воспитывать без устали. Эта женственность в них так глубоко спрятана, что до нее очень трудно докопаться!

А «доминантные» — мужественны, но мужественны отвагой, активностью и динамизмом, созидательной агрессивностью и твердой волей, «разумом головы» и т. п., а вот великодушные, способность испытывать чувство вины, раскаяния, готовность простить, чувства справедливости, совести, равно как и тенденцию мудрости у них надо воспитывать, воспитывать без устали.

Что же касается лиц «альтруистического» профиля, то у них выраженность духовных аспектов женственности и мужественности наиболее полна и гармонична. У «альтруистов», таким образом, ярко выражены лучшие черты мужественности и женственности. Естественно, у женщин этого профиля личности все-таки мягко доминирует женственность, а у мужчин — мужественность.

Главное же заключается в том, что высоко развитые духовные аспекты женственности и мужественности более всего характеризуют альтруистическое отношение к жизни, приспособительно наиболее эффективны. И в воспитании детей путь максимальной стимуляции ду-

ховных аспектов женственности и мужественности — главное, решающее, всеобъемлющее!

Таким образом, речь идет о тенденциях, которые в различных пропорциях имеют место в каждом человеке вне зависимости от его пола. И хотя в мальчике, мужчине, как правило, больше мужественности, а в девочке, женщине — женственности, то и другое должно присутствовать и гармонично сочетаться и у мужчин, и у женщин.

И мальчик «эгофильного» или «генофильного» профиля личности по инстинктам природно более «женствен», чем «мужествен»; женщина «исследовательского», «доминантного», «либертофильного» или «дигнитофильного» профиля природно более «мужественна», чем «женственна». Однако мальчикам «женственных» профилей следует неустанно прививать лучшие черты мужественности, а девочкам «мужественных» профилей — лучшие черты женственности.

Добавлю еще очень важное. Инстинкт самосохранения имеет две стороны. Одна — биологическая, от животного начала в человеке, ориентированная на физическое выживание, на удовлетворение биологических потребностей — в пище, воде, физиологическом комфорте, сексуальности.

Вторая — сугубо человеческая, личностная, направленная на сохранение Я как духовной ипостаси, на удовлетворение социальных, интеллектуальных и духовных потребностей в самоутверждении, в самовыражении, в завоевании достойного положения среди других, в жизни, в исследовании, в знании, в сохранении свободы и достоинства.

Важно, что обе стороны инстинкта самосохранения пронизаны эгоизмом. И инстинкт самосохранения — «инстинкт эгоистичности», когда все — от Я, от личных интересов, когда Я — всегда в центре! И еще более важно, что все инстинкты, кроме инстинкта альтруиз-

ма, вытекают из инстинкта самосохранения и соответственно все они также пронизаны эгоизмом. Таким образом, в основе личности лежат две сверхтенденции: сверхтенденция эгоистичности и сверхтенденция альтруистичности! Замечу, что, скажем, «обычные» стороны женственности более близки к первой, биологической стороне инстинкта самосохранения, а «обычные» стороны мужественности — ко второй, сугубо духовной, хотя также эгоистичной его стороне. Добавлю также, что высшие духовные стороны женственности и мужественности более всего выражены в инстинкте альтруизма и представлены в нем наиболее взвешенно. И в этой взвешенности — высшая гармония!

Итак, мы рассмотрели фундамент природы человека — его инстинкты. Сочетаясь, они формируют профиль личности по инстинктам. Однако профиль личности по инстинктам определяет, кто данный человек по натуре и куда он идет. Но есть еще и темперамент, гармонично связанный с профилем, вытекающий из него, подчиненный ему. И темперамент определяет, как именно идет данный человек к цели. Темпераменты, в согласии с законами природы, имеют три варианта: два крайних и один усредненный. Речь идет о двух полярных вариантах темперамента — холерическом и флегматическом, а также об усредненном — сангвиническом.

У читателя может возникнуть вопрос: «А где же меланхолический темперамент?» Но сообществу людей для приспособления и преодоления экстремальных ситуаций не нужны были качества, характеризующие меланхоличность: слабость, тормозимость без приспособительного смысла, апатичность, замкнутость на себе, пессимистичность, как не нужны были и носители этих качеств. И с моей точки зрения, меланхолического темперамента нет. Есть лишь меланхолический характер.

Рассматривая темпераменты, следует указать на одно важное обстоятельство. Между ними нет жесткой гра-

ницы, нет той строгой специфичности, которая определяет, например, отличие некоего одного физического неодушевленного элемента от другого, когда золото — это золото, серебро — так серебро и медь так медь. И я описываю, скажем, холерический темперамент в его самом крайнем варианте, хотя в жизни все это смягчено. И то, что у человека, например, холерический темперамент, определяется по основному в нем. Для того чтобы определить это основное, наблюдая за ребенком, я даю общую, обостренную характеристику темпераментов.

Человек холерического темперамента изначально неутомим. Природа, отдавая ему роль первооткрывателя, борца, грудью встречающего опасность и стойко переносящего лишения, наделила его могучим энергетическим потенциалом. Он упорен, настойчив и непреклонно целеустремлен. Натиск его неудержим. Если он чего-то добивается, его не отвлечь, ибо воля его непоколебима. Он идет прямо, тараня преграды, не сворачивая с пути и не отступая. Холерик лезет в гору, невзирая на раны, рвет жилы, ломая костяк. И он добивается до вершины любой ценой. Узлы он не развязывает, а разрушает. Все у него мощно. Если он сердится, то гневно, и его трудно утихомирить. Это человек одной страсти, одной идеи, одной любви. Холерик верит в свою силу и потому не ведает страха. Породив его борцом, воином, природа мудро притушила в нем инстинкт самосохранения. Холерик побеждал силой, натиском и безудержной смелостью. Таким он извечно был нужен роду, племени, таким он и сегодня нужен людям. Если попытаться охарактеризовать холерика одним емким словом, то он — человек-танк. Да, с ним нелегко, но без такого не победить, не взойти в связке на вершины Гималаев. Уже в раннем возрасте холерик проявляет свой темперамент, и отец уважительно говорит о малыше: «Характер!» И если родители не хотят видеть своего ребенка нерв-

ным или трудным, они, воспитывая, учитывают его темперамент, не ломая его, а мудро направляя врожденные особенности, чтобы при холерическом темпераменте он все-таки не стал бы «танком», был бы и в меру гибким, компромиссным, достаточно сдержанным, безусловно гуманным.

Человек флегматического темперамента медлителен, тугодум, молчун. В нем есть сила, но она рассчитана на неспешность. Он еще более неутомим, чем холерик, но только если его не торопят. Узел он развязывает долго, но развяжет обязательно. И он волевой, но его воля — воля трудолюбивого, та, с которой при неудачах без лишних слов, эмоций вновь и вновь действуют. Если флегматик пойдет в гору, то обязательно дойдет до вершины, но не надрываясь, опять же неспешно, рассчитывая свои силы. Преграды трудяга-флегматик точит как капля камень. От борьбы, если возможно, он уходит, уступая право на нее холерикам и сангвиникам. Но, вынужденный к борьбе, он не отступает и способен измотать не только сангвиника, но и холерика. Тут коса находит на камень. Флегматик однозначно миролюбив. Чтобы вывести его из терпения, нужно приложить большие усилия. Если он взрывается, то гнев дотоле тихого, невозмутимого флегматика страшен. Однако такое — редкость. Чаще, если его допекают, он молча и навсегда уходит. Раз решенное он никогда не меняет. Радость и горе флегматик переживает долго, затаенно, опять-таки без лишних слов или вовсе молча. И он однолюб. Естественно, флегматик замкнут. Он, как и холерик, также знает себе цену, уверен, что сделает, преодолет, устоит. Природа предназначила его для оседлой, будничной жизни. Это пахарь. Он тысячелетиями обеспечивал благополучие потомства, своего и погибших холериков, а также детей, оставленных жизнелюбом-сангвиником. После пожара он строил новый дом себе и другим. Флегматик выживал, служа опорой для других. В своей

роли неспешного пахаря он оказывался уязвимее при угрозе, но его спасал природно обостренный инстинкт самосохранения. Осторожный, рассудочный, он никогда не рисковал и семь раз отмерял, чтобы разрезать. С ним надежно, хотя тоже нелегко, ибо его молчаливость может восприниматься как бесчувственность. Ребенок-флегматик — тихоня, соня, «тюфяк». Его именуют медведем, очень рано уважительно начинают называть по имени и отчеству. Родителей, если они сами не флегматики, безмерно раздражает его медлительность.

Человек сангвинического темперамента быстр, мгновенно ориентируется. Его стихия там, где требуется скорость, темп, где стремительны и круты повороты, где идет счет на секунды. Работа горит у него в руках. Препраду сангвиник перепрыгнет или обойдет, ибо гибок и компромиссен, не лезет на рожон. Узел мигом развяжет. На гору взберется играючи. Сангвиник думает и говорит быстро, он острослов и не лезет за словом в карман, глазаст. Эмоционально он также гибок: легко переключается со смеха на слезы, одна эмоция у него сменяет другую, и долго он не печалится. Сангвиник увлекается многим, находит, теряет и снова находит, любит и забывает, вспыхивает как солома, но быстро гаснет. Он общителен и находит общий язык с любим, в том числе с холериком и флегматиком. Природа и предназначила ему быть между ними, делать то, на что неспособны они. С ним крайнее становится цельным и гармоничным, а с этим целесообразным. Он знает себе цену, верит в себя. В суровом отборе природа дала ему столь выигрышные данные, чтобы он выполнял роль первого, замечающего опасность, первого, до подхода холериков и флегматиков вступающего в борьбу, все успевающего и поворотливого. Инстинкт самосохранения в нем притушен, ограничен, как и у холерика. Но если холерик малочувствителен к ранам и пренебрегает опасностью, то сангвиник полагает, что успеет вывер-

нуться, ускользнуть. Он и выжил благодаря быстроте и ловкости. Таким, оптимистом, общительным и быстрым, он и был нужен сообществу людей в прошлом, таким он и сегодня нужен людям. С ним легко, но и трудно, ибо за ним не поспеть, не уследить: одновременно он здесь и он там. Ему не сидится на месте. Но он таков, в нем все гармонично. В детстве это заводила, живчик. Именно о нем говорят, что он «на ходу подметки рвет».

И мы отчетливо видим: есть сущность человека, его природное призвание, выраженное в профиле личности по инстинктам, и есть стиль, способ реализации этой сущности, этого призвания — темперамент. Реализацию тенденций, вытекающих из «женственных» профилей — «эгофильного» и «генофильного» — обеспечивает скорее флегматический темперамент; из «мужественных» профилей — «доминантного» и «дигнигофильного» — холерический, «либертофильного» — сангвинический, «исследовательского», как и «женственно-мужественного» — «альтруистического», может обеспечить любой из трех темпераментов.

Все более или менее ясно с теми случаями, когда реализация тенденций, вытекающих из профиля личности по инстинктам, обеспечивается одним темпераментом. Как будто сложнее с теми двумя профилями, реализация тенденций которых обеспечивается любым из трех темпераментов. Однако и тут все достаточно ясно. Человек «исследовательского» профиля в сочетании с холерическим темпераментом — воинственный исследователь, путешественник, геолог, экспериментатор без страха, настойчивый, упорный, яростный в своем поиске; в сочетании с сангвиническим темпераментом — генератор идей, быстрый, подвижный, не застревающий на одной идее, неунывающий при неудачах; в сочетании с флегматическим — кабинетный ученый, дотошный и пунктуальный экспериментатор, терпеливый, усидчивый «пахарь» поиска и исследования.

Человек «альтруистического» профиля в сочетании с холерическим темпераментом — воинственный борец за права слабых, за сохранение природы, за мир и социальную направленность реформ; с сангвиническим — динамичный, быстрый, сверхобщительный, находчивый, неиссякаемый в оптимизме, когда окружающим его трудно, когда ситуация экстремальна. И нет лучшей сиделки у постели тяжелобольного, чем он. Человек «альтруистического» профиля в сочетании с флегматическим темпераментом — сверхтерпеливый, надежный и упорный в добре, источник спокойствия и надежды для других.

Конституция, в свою очередь, обусловлена темпераментом. Индивиду холерического темперамента — «воину» и индивиду флегматического темперамента — «пахарю» требуется и соответствующий «мундир». Я выделяю два полярных типа конституции: «сухощаво-жилистую» (высокие, худощавые, среднего, но крепкого телосложения, с квадратным или вытянутым сверху вниз лицом и выраженным волевым подбородком) и «мышечно-округлую» (чаще среднего или малого роста, широкоплечие, широкогрудые, с округлым лицом). И первый тип конституции обеспечивает тенденции, вытекающие из холерического темперамента, второй — из флегматического. При сангвиническом темпераменте возможны все переходные типы конституции, например «гранильные» (тонкие, изящные, гибкие люди, чаще среднего или малого роста, с тонким, интеллигентным, нервным лицом), «висцеротоники» (люди с выраженным брюшком при относительно узких плечах, округлые, с круглым лицом), «церебротоники» (лица с выраженным лбом и узким подбородком, чаще малого роста, узкоплечие, тонкие — подросткового телосложения).

До сих пор я говорил о «чистых» профилях личности по инстинктам и о гармонично соответствующих им «чистых» темпераментах и конституциях. Однако «ге-

нетическая игра» приводит к тому, что достаточно часто встречаются «смешанные» профили личности по инстинктам, когда у одного и того же человека прослеживаются тенденции двух различных профилей, когда, например, трудно определить, что сильнее выражено у данного человека — любовь к семье или исследовательская жилка. У такого человека «смешанный» профиль. Соответственно и темперамент, и конституция у него «смешанные». В зависимости от того, какова ситуация, и проявится тот темперамент, который больше соответствует ей. В итоге в одной ситуации такой человек флегматичен, в другой — холеричен. Естественно, люди «чистого» профиля и соответственно «чистого» темперамента, «чистой» конституции, когда «воин» так «воин», а «пахарь» так «пахарь», более гармоничны, ибо у них доминирует одно призвание, их путь прям, в них нет конфликта двух природных тенденций приспособления. Но ведь и «смешанные» профили также природны, «смешанность» профилей обеспечивает еще большее разнообразие индивидуальностей, вариантов приспособления, самовыражения. И родители не сетуют на сложность природы своего ребенка, а с еще большим тщанием подходят к воспитанию с учетом этой осложненности.

Врожденно и разделение людей на «физиков» и «лириков», т. е. на мыслительный и художественный типы (по И. П. Павлову), что базируется у первых на доминировании левополушарных, а у вторых — правополушарных функций головного мозга. Уже с раннего возраста левополушарные рассудочны, менее эмоциональны, более прямолинейны, в вопросах въедливы, доискиваясь сути. Они нередко чрезмерно серьезны, любознательны, тяготеют к «взрослым» разговорам, к одиночеству; они не жалуют шумные, но охотно осваивают конструктивные игры, шахматы, увлекаются электронными игрушками, любят их разбирать и собирать, склонны к

физике, математике. В них уже изначально меньше детскости, сильнее выражен мужской стиль мышления, у них и логика мужская. И если это девочки, то они думают, как мальчики, и соответственно ведут себя скорее по-мальчишески. Из левополушарных вырастают хорошие организаторы, точные и дотошные исследователи и классификаторы в науке. В жизни они деловые, практичные люди.

Правополушарные рано обнаруживают интерес к красоте во всех ее проявлениях, к многообразию живой природы. Они дети природы, ближе к ней, предпочитают книге наблюдение за полетом стрекозы, птиц или мальками в ручье. Правополушарные более впечатлительны, тоньше воспринимают интонацию, подтекст, настроение, мгновенно улавливая, например, состояние матери, бабушки. Такие дети радуют неожиданностью и меткостью оценок, неординарностью суждений — и все это за счет образности мышления. Они по-детски наивны, трогательно непосредственны, то веселы, шумны, то задумчивы, уединяются. Их мимика чрезвычайно выразительна, эмоциональность тонка и богата. Нередко они живут сердцем и поступают «по сердцу». Правополушарные преуспевают в гуманитарных науках, из их числа подавляющее большинство деятелей искусства. Рисунки правополушарных поражают свежестью видения, эмоциональностью, экспрессией, динамикой. Левополушарные скорее тянутся к отцу, правополушарные — к матери. Левополушарные тенденции характерны для лиц с доминированием «мужественной» группы инстинктов, соответственно с холерическим темпераментом и с «сухощаво-жилистым» типом конституции. Правополушарные — для лиц с «женственной» группой и соответственно с «мышечно-округлым» типом конституции. Правополушарные ближе к природе, к земле, а левополушарные далеки от природы, они люди политики, военного дела, бизнеса, науки.

Однако и этим не заканчивается гармоничная «специализация» индивидуальности в строгом соответствии с врожденным призванием человека, с ролью, которую ему необходимо сыграть в этой жизни. Так, например, у «воинов» врожденно бóльшие потенции одних качеств интеллекта, а у «пахарей» — других. У «воинов» выше потенции конкретно-логического мышления, анализа, социальной эрудиции, способности к техническому конструированию, к физике и математике. Иными словами, их следует направлять в физико-математические гимназии. У «пахарей» выше гуманитарные потенции, образное мышление, ориентация в эмоциональном состоянии людей, в искусстве. Иными словами, их следует направлять в гимназии гуманитарного профиля. У первых — «умнее» голова, у вторых — «умнее» сердце.

Казалось бы, преобладающее влияние того или иного отдела вегетативной нервной системы, обеспечивающей автоматизм функционирования внутренних органов, вовсе не должно иметь отношения к индивидуальности. Однако все непросто и тут. И этот фактор также следует учитывать при воспитании ребенка.

Родились две девочки. Одна — с преобладанием тонуса симпатического отдела вегетативной нервной системы. Это ребенок так называемого симпатикотонического типа: с яркими большими глазами (расширены зрачки), как бы удивленно вззирающими на мир. Одни эти глаза делают девочку заметной, красивой. У нее бледная, нежная, сухая и прохладная кожа. Она стройная, подвижна, грациозна. Она легко увлекается, общительна, активна, деятельна, подолгу не устает и может пройти без жалоб несколько километров. Спит она немного и просыпается рано, что не мешает ей чувствовать себя хорошо отдохнувшей. Естественно, что такая девочка легко налаживает контакт со сверстниками и вызывает симпатию взрослых.

Другая девочка появилась на свет с преобладающим тонусом парасимпатического отдела вегетативной нервной системы. Она неяркая, неприметная, у нее небольшие блеклые глаза. И руки у нее не такие тонкие, нежные, как у симпатикотоничной «аристократки», а красные и даже синюшные, влажные. Она потлива, может быть «малоежкой», но тем не менее полна, предрасположена к ожирению. Эта девочка малоподвижна, пассивна, эмоционально тускла. Она склонна к замкнутости, тревожности, мнительности. И отношение к ней как сверстников, так и взрослых неизбежно будет иным.

Очевидно, что две такие девочки очень быстро осознают свои психофизические особенности. Очевидно, что они берут старт в жизни в неравнозначных условиях. И требуется искусство воспитания, чтобы обе они не стали нервными или трудными. С самого начала родители должны воспитывать в первой осмотрительность, повышенную скромность, трудолюбие, во второй — общительность, подвижность, веру в себя, решительность.

Все, о чем говорилось выше, формирует врожденную сторону индивидуальности. Врожденная индивидуальность ярко проявляется в специальных способностях, дарованиях, талантах, в цвете глаз и волос, в том, красив или нет человек по природе, высок или мал ростом, строен или диспластичен. И все это архиважно и должно учитываться родителями, корректироваться, если неблагоприятно, если способно «комплексовать» ребенка.

Коснусь такого тонкого вопроса, как красота. Красивый изначально уверен в себе, его согревает восхищение окружающих, его и встречают с улыбкой. Некрасивый очень рано осознает эту свою обделенность. Он страдает, он склонен стыдиться самого себя, склонен к протесту против природы, родителей, «обделивших» его красотой, склонен полагать судьбу изначально несправедливой, поскольку одному от рождения дано много, а

другому — мало. Это горькие переживания. В подростковом возрасте они выходят на первый план, формируя депрессивное или протестное отношение к себе, к друзьям и к жизни.

Однако есть очень важное понятие — компенсация. Известны слова, что, если Бог закрыл перед каким-то человеком дверь, он где-то обязательно открывает ему форточку. Если у человека от природы что-то «не так», у него чаще всего что-то — «так!», что-то талантливо. Это талантливое, тем более если что-то «не так», следует максимально развить!

Есть и приобретаемая при жизни сторона индивидуальности. Она важна сама по себе, поскольку чем больше приобрел человек в знаниях, культуре, образовании, чем мудрее и нравственнее он живет и осмысливает свою жизнь, себя в этой жизни, тем ярче и интереснее его индивидуальность.

Возможно, что у кого-то многое, что от природы, — «не так». Тогда еще важнее то, что приобретается как черта индивидуальности при жизни. Возьмем, к примеру, светильник. Он может быть очень скромным, но оживает, становится ярким, теплым, когда внутри него зажигается свет. Это оживление скромного, этот внутренний свет, если говорить о человеке, — его душевность, живой ум и интерес в его глазах. Ведь глаза без мысли и эмоций — стеклянные! И красивая, но без ума, без эмоциональной живости, без развитой душевности — кукла. Индивидуальность проявляется более всего в некоей «изюминке», в некоем шарме. Эта «изюминка» — оригинальность суждений, развитый ум, нестандартность поступков, интересов. Она — в некой пикантности, в «перце», когда человек вызывает удивление и восхищение своей блистательной неординарностью. А «шарм» — это обаяние, вытекающее из культуры человека, наличия вкуса. Оно в улыбке, во взгляде, оно в прическе, в одежде, в осанке, в движениях, в походке.

Доброе интеллектуальное воспитание необходимо каждому ребенку, одухотворить высокой культурой необходимо каждого ребенка и максимально развить природное следует в каждом. Однако в чем-то обделенного природой должны наделить чем-то выигрышным родители, наделить вдвойне, воспитывая и обучая такого ребенка с еще большим тщанием, настойчивостью и целеустремленностью. И если кто-то, к примеру, «безрукий», то вдвойне умнее должна быть его голова. А если у «безрукого» есть некое компенсирующее дарование, то его следует развить до высшего предела. Так, не один физически обделенный человек, получив в семье блестящее образование, восходил на Олимп в той или иной области деятельности. Примеров тому много. Вспомним хотя бы Тулуз-Лотрека, Иммануила Канта, Сирано де Бержерака, Михаила Таля.

Один человек с горечью сказал о своей взрослой дочери: «Она у меня некрасивая, но зато неряха и лентяйка». Горькое признание отца. Подобного не должно случиться ни с кем. Насколько естественнее и оптимистичнее такие, например, слова: «Она у меня не очень красивая, но зато умница, добрая, порядочная, нравственная, трудолюбивая, аккуратная»; «Зато я люблю ее, когда она садится за пианино»; «Зато она рисует, знает три языка, отлично учится, спортивна, я люблю ее осанкой, походкой, она у меня женственна, она у меня обладает удивительным чувством вкуса, она вся светится умом и обаянием, она — душа всех компаний, ее уважают и любят!».

И только теперь, после всего вышесказанного, пришло время изложить основы воспитания ребенка в семье, вытекающие из моей концепции инстинктов человека, памятуя, что в человеке генетически заложены все основные задатки личности. Так, например, из инстинкта самосохранения вытекают тенденции трудолюбия, стремления к максимальной самооценности и самореа-

лизации, но и из него же могут развиваться такие черты, как эгоизм, трусость, алчность, ипохондричность, зависть. Человек, таким образом, от рождения имеет готовность ко всему доброму и ко всему плохому, а воспитание и жизнь реализуют эти тенденции.

Еще раз обращаю внимание и на то, что из семи профилей личности по инстинктам в шести доминирует эгоизм. Он естествен и природен. Однако он должен быть обуздан и трансформирован воспитанием. Ведь он был особенно актуален в древнем, первобытном мире, когда перед человеком стояла задача выжить физически и его интересы были сосредоточены преимущественно на этом.

В наше время, в цивилизованном обществе, человеку следует приспособиться более всего к жизни среди людей, когда приспособление — это социальное самоутверждение и минимализация конфликтов, когда духовное решительно превалирует над физическим и человек жив не хлебом единым, когда мужественность — скорее духовная категория, а духовная женственность — важнейшее приспособительное качество, и грубый мужлан стоит в растерянности перед сложным и тонким миром отношений среди людей.

Напоминаю, что альтернатива эгоизму заложена в инстинкте альтруизма. И согласно моему видению воспитания, оно имеет целью максимальное приближение ребенка к тем качествам личности, которыми характеризуется «альтруистический» профиль!

При этом родители не только не подавляют основную, судьбоносную сторону профиля личности по инстинктам, которая формирует индивидуальность, призвание, но и пестуют ее. Так, например, ребенок «исследовательского» профиля должен поощряться в своей жажде исследования, должен и воспитываться как творческая личность, как человек, у которого в профиле инстинкт свободы на втором месте, т. е. очень силен!

Вернемся, однако, к «альтруистическому» профилю личности по инстинктам. Итак, инстинкты в нем расположены в следующем порядке по степени их выраженности у человека этого профиля:

- инстинкт альтруизма,
- инстинкт исследования,
- инстинкт свободы,
- инстинкт самосохранения,
- инстинкт сохранения достоинства,
- инстинкт продолжения рода,
- инстинкт доминирования.

В этой иерархии интересов, ценностей, потребностей и ориентации человека «альтруистического» профиля — образец идеальной программы воспитания ребенка любого профиля, поскольку этот профиль наиболее гармоничен, человечен, лишен чрезмерного эгоизма, а вытекающие из него тенденции смысла жизни наиболее полны, многокрасочны и гармоничны в своем сочетании.

Воспитывая же ребенка «альтруистического» профиля, максимально развивая светлые задатки его природного альтруизма и характерный для данного профиля огромный творческий потенциал, с особым старанием направляют в нужное русло его свободолюбие, разнообразие его интересов. Без такого руководства со стороны родителей ребенок, интересуясь многим, может упустить учебу, совершенствование в чем-то одном, главном для его судьбы, соответствующем его природному призванию. Без такого руководства он будет эрудированным и интересным человеком, но может не освоить глубоко что-то одно, в чем было суждено реализоваться. У меня был товарищ студенческих лет — яркий, интересный человек. Увлекаясь многим, разбрасываясь, он посредственно закончил медицинский институт, был актером на любительской сцене, поэтом, что-то писал в прозе, занимался спортом, бродил по стране с археоло-

гами и в результате не стал актером, не стал поэтом, писателем, спортсменом, археологом. Не стал он и врачом. Будучи рядовым ассистентом, он зарабатывал на жизнь преподаванием истории медицины и слыл среди нас неудачником. Важнее же, что и сам он к сорока годам считал себя неудачником...

В природных «альтруистах» следует воспитывать интерес к семье, поскольку инстинкт продолжения рода у них только на шестом месте! И мой товарищ, о котором я говорил чуть выше, был женат то ли три, то ли пять раз, а к концу жизни пришел одиноким. Ведь добрый, внимательный ко всем «альтруист» может каким-то непостижимым образом не находить времени только для своих близких. Делая непостижимо много для других, он способен забыть о дне рождения матери, способен купить дорогие книги или одолжить кому-то некую сумму, когда в семье нет денег на хлеб.

У «альтруистов» по натуре инстинкт доминирования на последнем, седьмом, месте, а ведь в этом инстинкте заложены природные предпосылки соблюдения субординации, порядка, дисциплины, задатки лидерства, но и подчинения лидеру. В то же время инстинкт свободы у «альтруиста» на высоком — третьем — месте! И дети «альтруистического» профиля личности по инстинктам, не получающие должного воспитания, не вполне соответствуют требованиям порядка и дисциплины в детском садике и в школе, что порождает многочисленные конфликты, провоцирует санкции и в конце концов может неблагоприятно сказаться на формировании личности.

И все же «альтруистический» профиль — образец, по которому «подравнивают» все другие профили. Ориентируясь именно на его врожденные тенденции, следует «причесывать» детей всех остальных профилей личности по инстинктам, не искажая при этом основное в них, особенно тенденцию природного призвания. По-

смотрим, как это должно выглядеть, на примере воспитания ребенка «эгофильного» профиля. Напомню о расположении инстинктов в нем:

- инстинкт самосохранения,
- инстинкт продолжения рода,
- инстинкт сохранения достоинства,
- инстинкт свободы,
- инстинкт альтруизма,
- инстинкт исследования,
- инстинкт доминирования.

Если сравнить порядок расположения инстинктов в «эгофильном» профиле и в «альтруистическом», очевидно полное совпадение позиций инстинкта доминирования и почти совпадение позиций инстинкта свободы. В то же время очевидно, что инстинкт исследования в «альтруистическом» профиле на втором месте, а в «эгофильном» — на шестом, предпоследнем, т. е. выражен слабо. Отсюда следует, что дети «эгофильного» профиля, если они предоставлены самим себе, если с любовью и тщанием не развивать в них творческое начало, вырастают как бы лишенными творческого потенциала.

С другой стороны, у «эгофильных» инстинкт продолжения рода на высоком втором месте, в то время как у «альтруистов» он на шестом. Это очень важное обстоятельство. Ведь тенденции, вытекающие из инстинкта, занимающего шестое место, важны для человека, но не доминируют у него. И они должны быть всемерно развиты воспитанием, но не за счет других интересов и ценностей. Ведь во всех профилях личности по инстинктам, кроме «генофильного» и «эгофильного», инстинкт продолжения рода не занимает места выше пятого! И в «альтруистическом» профиле, самом гармоничном, самом идеальном из всех, этот инстинкт как раз на таком месте, на котором ему и следует быть в соответствии с его значимостью для человека. Следовательно, при

воспитании ребенка «эгофильного» профиля не допускают чрезмерного, а тем более искаженного развития инстинкта продолжения рода. Ведь у «эгофильного» при отсутствии правильного воспитания этот инстинкт трансформируется в эгоистическую фиксацию на семье, в тенденцию иждивенчества, несамостоятельности, зависимости от семьи, от родителей до седых волос.

Речь при этом не идет о каком-то механистическом, волюнтаристском «перемещении» инстинктов в профилях, а о том, чтобы мудро направлять развитие вытекающих из инстинктов тенденций. Речь идет о том, чтобы те тенденции, которые были естественны и необходимы для приспособления в древние времена, приобрели новое звучание в новых соотношениях, в новом смысле. И если позволить себе сравнить инстинкты с музыкальными инструментами, то оркестр, составленный из них и исполнявший когда-то, скажем, классические произведения, теперь может и должен исполнять другую, современную музыку. Очевидно, что воспитатель, в таком понимании, играет роль дирижера. Или другой образ. Есть табунок из семи молодых, еще не знавших узды лошадей. Они вольно пасутся в степи. Но табунщик, не досаждая им, тем не менее мягко направляет их, не дает разбежаться, умеряет агрессивность вожака, чуть подстегивает отстающего, и они, все семь, голова к голове или стройным клином горделиво и свободно скачут по степи. И каждому из них есть место, и каждому из них вольготно, а все вместе они составляют единое целое. Умеряют же, направляют и стимулируют инстинкты установки неосознаваемого психического, и об этом в следующей главе. А над всем этим — над инстинктами, над установками — разум!

Главное же в воспитании «эгофильного» заключается в том, чтобы он максимально воспринял альтруистические ценности. Он эгоист, он любит себя — и пусть любит. Это нормально. Однако, воспитывая его, делают

все, внушая, убеждая примером своей жизни, чтобы он знал, помнил, учитывал интересы других, чтобы интересовался не только непосредственно касающимся его, но и всем сущим вокруг, всей многокрасочностью жизни, чтобы широк и многогранен был смысл его жизни. Главное заключается и в том, чтобы и у мальчика, и у девочки были максимально развиты, гармонично сочетаясь, качества духовной мужественности и женственности, как это имеет место в «альтруистическом» профиле личности по инстинктам!

То же самое и с «мужественными» профилями личности, например с «доминантным». Вспомним его:

- инстинкт доминирования,
- инстинкт исследования,
- инстинкт сохранения достоинства,
- инстинкт свободы,
- инстинкт альтруизма,
- инстинкт продолжения рода,
- инстинкт самосохранения.

Сравним его с «альтруистическим» профилем личности по инстинктам. Очевидно, что места инстинктов исследования и продолжения рода в них совпадают полностью, а инстинкта свободы — почти совпадают. В то же время значительно различается в этих профилях место инстинкта сохранения достоинства. В «альтруистическом» профиле он не выпячен, занимая пятое место, а в «доминантном» — он на очень высоком, третьем месте! С учетом того, что речь идет о природных лидерах, об одаренных «инстинктом власти» людях, такое высокое место инстинкта сохранения достоинства чревато развитием гордыни, худших сторон суперменства с принижением Я других. Вот и следует умерить воспитанием звучание у «доминантного» инстинкта сохранения достоинства до той разумной степени, когда человек не знает гордыни, как не знает ее «альтруист».

С другой стороны, у «доминантного» инстинкт самосохранения на последнем, седьмом, месте, а у «альтруистов» — на значимом четвертом. И «альтруистичный» интересуется всем на свете, живет взахлеб, но не забывает и своевременно позаботиться о своем здоровье. В нем все гармонично. И в этом «доминантного» следует подвигать к альтруизму, когда время — делу и время — заботе о своем здоровье!

«Доминантному» присуща еще одна особенность, требующая благотворного воздействия «альтруистического воспитания». Лицам этого, безусловно «мужественного», профиля грозит недоразвитие лучших черт духовной женственности, а с этим огрубление, упрощенность, однобокость в эмоциональности, в формировании личности в целом. При естественном для них высоком уровне рассудочности им грозит недоразвитие «разума сердца», интуиции, эмпатии — понимания чувств, переживаемых другими, понимания чужой боли, состояния другого человека. И понятно, как с позиций альтруизма следует воспитывать «доминантного» ребенка.

Родители, как и в случае с «эгофильными», способствуя развитию у своего «доминантного» ребенка его природного призвания, его индивидуальности, тем не менее максимально прививают ему альтруистические черты, духовную женственность. В результате «доминантный» не замкнется только на деловых и политических интересах, смысл его жизни приобретет многокрасочность, а сам он станет разностороннее. И в нем не произрастет гордыня, он обогатится эмоционально, приобретет способность откликаться и на зов «разума сердца», т. е. будет живым, а не холодным деловым человеком или политиком.

Таким образом, в соответствии с моей концепцией инстинктов ребенка следует воспитывать, сообразуясь с его натурой, с его природным предназначением — с его призванием. В то же время родители максимально спо-

собствуют развитию в нем инстинкта альтруизма, имеющегося у каждого человека и притом занимающего у всех детей без исключения место не ниже пятого! Всем своим поведением, со всей силой убежденности они как бы говорят ребенку: оставайся самим собой, но возьми лучшее у «альтруиста»!

Закончу же я эту главу двумя замечаниями. Суть ориентации на альтруизм заключается в том, что все остальные инстинкты подвигают человека к эгоизму — к эгоизму как к естественной, природной сущности человека, чреватому, однако, великой опасностью сужения интересов до сферы интересов только собственного Я, интереса только к собственному Я. Ведь сущность всех инстинктов, кроме инстинкта альтруизма, выражается сочетаниями «я» и «хочу», «я и моя семья», «я и мои успехи в творчестве, исследовании», «я и мое место среди людей (мой социальный статус)», «я и моя свобода», «я и мое достоинство», т. е. сочетаниями, в которых «я» всегда на первом месте. Инстинкт же альтруизма уводит человека из узкой сферы Я в безграничный мир вокруг нас, в космос. На узком пути эгоизма любое препятствие может восприниматься как трагедия, что нередко приводит к неврозу или к психосоматической патологии. Так, на узкой тропинке любой камень кажется большим, а на широкой дороге — малым. И если ручей течет по одному руслу, то запруда превращает его в болото; если же он разбивается на семь рукавов, то запруда в одном из них не остановит его — ведь остается еще шесть русел. Точно так же у «генофильного» семья может стать единственной ценностью в его жизни, и тогда жизнь «генофильного» как бы течет по одному руслу. Неудача с семьей, в семье — и он рухнул, он болен.

У «альтруиста» же широкий спектр интересов, у него семь русел! И если у «альтруистичного» в чем-то неудача, если в чем-то его интересы блокированы, это

не крах для него, так как его поддерживают многие другие интересы, другие грани смысла жизни. Очевидно, что эгоизм — это обедненная жизнь, а альтруизм — полнокровная.

Второе замечание. Утверждая, что эгоизм естествен для человека, сошлюсь на существование принципов цивилизованного эгоизма. В цивилизованном обществе люди ради самих себя, т. е. из эгоистических позиций, соблюдают правила поведения, законы. И если я соблюдаю определенные правила, если соблюдают их все другие, то жизнь нормальна для всех, нормальна она и для меня. В цивилизованном обществе я не еду на красный свет светофора и так же поступают все. В результате безопасность обеспечена для всех, обеспечена она и для меня.

Если я обрываю трубку уличного телефона, зная, что мне в этом районе не бывать, то кто-то точно так же способен оборвать трубки телефонов около моего дома, а проходя мимо моего подъезда, разбить лампочку. В таких случаях плохо всем, а стало быть, плохо и мне. Если кто-то порезал сиденья в электричке, разбросал арбузные корки на тротуаре, усеял дно озер и ручьев осколками стекол, то плохо всем, плохо и мне. Короче, любому эгоисту выгодно жить в рамках цивилизованного эгоизма. Так живут люди в эгоистичном мире цивилизованных стран, и оказывается, что всем жить в нем удобно. И сама собой возникает беседа с детьми о том, что, если не хочешь, чтобы по отношению к тебе не делали чего-то, вызывающего у тебя досаду, горечь, причиняющего неудобство и даже горе, не делай этого по отношению к другим! И отец не раз скажет сыну: «Как аукнется, так и откликнется, сынок! Живи и давай жить другим. Ведь что будет, если ты вытопчешь поляну с ландышами, он вытопчет другую такую же и все мы будем вытаптывать, вытаптывать, вытаптывать, а в результате доживем до весны без

ландышей, без листиков, без единой травинки». Но все это, естественно, дополнительно к главному — светлому, альтруистичному, когда у ребенка и мысли нет оторвать телефонную трубку, разбить лампочку в подъезде, когда не вытаптывают ландыши, потому что любят природу!

Глава 12

УСТАНОВКИ, КОМПЛЕКСЫ И ВОСПИТАНИЕ

Не замечая того сами, мы приобретаем в известной мере чувства, суеверия, предрасположения, склонности, мысли и даже черты характера от окружающих нас лиц, с которыми мы чаще всего общаемся.

В. М. Бехтерев

Человек произвольно контролирует и осознает лишь малую часть происходящих в его мозгу психических процессов. Большая же их часть сокрыта, неосознаваема и в то же время протекает стремительно, интенсивно, эффективно до гениальности, круглосуточно. И мы бодрствуем, размышляем о чем-то, делаем что-то, а параллельно, неосознаваемо в мозгу идет напряженная работа по разрешению каких-то особо важных для нас задач. Так, Дмитрия Ивановича Менделеева неосознаваемо терзала проблема классификации химических элементов, некая женщина неосознаваемо разрешает особо важную для нее личную проблему, у бизнесмена в неосознаваемом дела, дела, возможные угрозы и все мыслимые и немыслимые варианты избежания их. Эта же работа идет в неосознаваемом и тогда, когда мы спим. Ночью на неосознаваемом уровне систематизируется вся поступившая за день информация. Она разделяется на важную для нас и второстепенную, она сличается с информацией, накопленной за всю жизнь, формируя личный жизненный опыт.

Именно из неосознаваемого — озарения творческих людей, периоды вдохновения, когда результаты непрерывной работы неосознаваемой сферы психики вдруг

проникают в сознание, т. е. осознаются. Именно из неосознаваемого — интуиция, сверхпроницательность, как и смутная тревожность, настороженность, предчувствия. Неосознаваемая сфера психики бездонна и безгранична, как материя.

Представим себе океан. Тонкий слой воды, который просматривается, — сознание, стайки рыб в нем — осознаваемые мысли. Далее видимое нами все менее различимо, и наконец, на тысячи метров вглубь — темнота, сокрытое, но в этом сокрытом кипит жизнь, в нем мириады живых существ — это неосознаваемое, наши неосознаваемые мысли. Представим себе засекреченный мощный командный пункт. На земле — невзрачный домик, а под ним десятки этажей огромного стратегического комплекса. Домик — сознание, под землей — неосознаваемое. Представим себе темную ночь, фонарь на столбе. Освещенный круг под фонарем — сознание, тьма без края — неосознаваемое, но все понимают, что в этой тьме дома, дороги, деревья — жизнь. Если фонарь перенести, освещается часть того, что было сокрыто, но уходит во тьму то, что было освещено ранее. Так и сознание вырывает из неосознаваемого часть его содержимого — часть, которая стала необходимой, важной для сознания, а то, что на данный момент потеряло актуальность, ушло во тьму, в неосознаваемое.

Однако процесс проникновения в неосознаваемое труден и ограничен. Неосознаваемое ревниво оберегает свои тайны и предоставляет сознанию лишь то, что необходимо для выживания или страстно желаемо человеком. Ученый бьется над проблемой, волнующей его более всего на свете, заполонившей его сознание, а получает ее решение в сновидении или бодрствуя, получает как озарение, из неосознаваемого психического. Роль неосознаваемого чрезвычайно важна для приспособления, особенно в экстремальных ситуациях. В таких случаях оно берет на себя управление наши-

ми действиями — и это «автоматические» действия в аварийных ситуациях, например за рулем автомашины.

Все, что мы когда-либо видели, слышали, ощущали, все, что мы говорили, все, что нам говорили, все наши действия и поступки — одним словом, вся наша жизнь фиксирована в неосознаваемом, как фиксирована запись некоего текста на кассете видеоманитофона. Фиксированное в неосознаваемом никогда не стирается, не исчезает, и при определенных условиях мы способны вспомнить дословно, в цвете, с запахами каждый миг происходившего с нами десятилетия назад, в том числе и в раннем детстве. Это свидетельство мощи и глубины неосознаваемого, и это чрезвычайно важное обстоятельство! Родители должны знать, что каждое слово, сказанное ими ребенку, все пережитое им, все, при чем он присутствовал, а следовательно, все его обиды, унижения, все, что он видел или подсмотрел, живя с родителями, — все навечно неизгладимо запечатлено в его неосознаваемом, откуда воздействует на него, на его поступки, пристрастия, переживания, выбор во всем — воздействует на его судьбу!

Неосознаваемые переживания ребенка отражаются в его творчестве. И например, рисуя семью, дитя отражает свое положение в ней, семейные отношения в целом. Я прошу ребенка нарисовать свою семью. Через несколько минут рисунок готов. Малыш, не задумываясь, сразу рисует, и в этой спонтанности, в том, что он рисует не вдумываясь, — присутствие его неосознаваемых оценок, отношений, переживаний! И если на рисунке ребенок рядом с матерью, а отец отдельно, это может означать, что он не принимает отца, воспринимает его отстраненно, равнодушно или даже враждебно.

У меня на приеме девочка. Она нарисовала себя, маму, бабушку и дедушку. Я спрашиваю: «А где же папа?!» Отвечает: «Не хватило места...» Даю ей большой лист ватмана: «Нарисуй семью...» Рисует. Отца на листе нет. И если листом бумаги ей будет служить само небо, отцу

все равно не найдется на нем места! Так получилось в этой семье, что отец есть, но его нет. Формально — он в семье, эмоционально — он чужой.

На листе бумаги семья. Наивный детский рисунок. Но я изучаю этот рисунок со всем тщанием. Ребенок поместил себя в центре, мать и отец по обе стороны от него, все держат друг друга за руки. Над ними солнце. Это крепкая, добрая семья. И все это — неосознаваемо!

Рисунок ребенка выявляет и неосознаваемое отношение к брату, сестре. На рисунке братик рядом или далеко, а то и вовсе отсутствует. На рисунке братик с отцом, а мой пациент с матерью. Ребенок таким образом проявил неосознаваемые симпатии и антипатии или отразил в рисунке истинные отношения в разобщенной семье. Малыш нарисовал себя старательно, большим, братика — небрежно и маленьким, хотя братик почти одного с ним роста. Это — уничтожение брата. А на одном из приемов девочка нарисовала мне всю семью и даже кошку, но «забыла» поместить на рисунке себя. Я указал ей на это, и она смущенно пририсовала себя, но опять-таки в сторонке и внизу. И мне ясно: для этой девочки в ее семье существуют весьма большие проблемы!

Прошу мальчика: «Нарисуй свой дом и в нем себя, а также всех, кто в нем живет». Понятие «дом» шире, чем понятие «семья». Получаю рисунок. Дом — и в нем ребенок и собака. «А где же мама, папа и братик?!» Ответ: «Они ушли гулять». Одиноким мальчик. Один у него друг — песик. В неосознаваемом у ребенка горькое: меня любит только песик...

Еще рисунок. На нем опять-таки семья. Мальчик и папа похожи друг на друга, только папа побольше. Мать не похожа на них. Следовательно, мальчик неосознаваемо ощущает свою генетическую, духовную связь с отцом, тянется к отцу, а мать обособлена.

На рисунке мама. Большие руки, большие глаза, большой рот. Крокодил, а не мать: все видит, ничего от нее

не утаить, громко кричит, больно бьет. А вот иной рисунок на ту же тему. Мама в красках, у нее пышная прическа, платье в цветах, алые губы, длинные ресницы. Красивая, любимая мать.

В рисунках высветляются и другие бессознательные переживания ребенка: отношение к себе самому, к другим, к действительности. Даю маленькому пациенту карандаш и бумагу: «Рисуй что хочешь». Рисует танки, взрывы снарядов, самолеты. Все охвачено пламенем, красные и желтые краски смешались и покрыли бумагу. Что же это?! Почему? Что символизирует этот всепоглощающий огонь? Скрытая агрессивность? Ощущение неполноценности? Страх? Неуверенность?

Один все время рисует горы, другой — море. Что за этим? Были летом в горах, видел летом море и потрясен мощью стихии? Или, быть может, рисуя высокие горы, ребенок выразил свое неосознаваемое стремление к свободе от чрезмерно властных, чрезмерно контролирующих его родителей? А море? Вода — символ. Она — противопоставление огню, страстям, она — поглощение. И что стоит за этим рисунком? Стремление к покою или желание уплыть далеко-далеко?.. А какими красками он рисует море? Ведь если море у него синее — это может означать стремление к покою, доверию, пониманию, а если зеленое — это знак напряженности, какой-то ущемленности, но и гордость в этом, самолюбие, упрямство, настойчивость и внутренняя сила. Если же море черное — это может быть неосознаваемым протестом, это когда в глубинных переживаниях все не так!.. И еще. Ребенок может рисовать море лишь потому, что оно нужно для изображения кораблика на нем. Но и кораблики изображаются по-разному: один просто любит рисовать кораблики с пушками, а у другого кораблик без пушек, он неосознаваемый символ — на нем можно уплыть далеко-далеко, неведомо куда, и за этим нередко желание уплыть подальше от своей сегодняшней жизни.

Важно и то, какого цвета небо над морем на детском рисунке: если оно синее, освещено ярким солнцем — это одно состояние души; если черное, без солнца — другое. Важно и то, много ли кораблей на море, большие ли они или среди морских волн на рисунке лишь одинокая маленькая лодочка.

Разумеется, сложно говорить об этом категорично, без знания всего остального о ребенке, но для родителей пытливого ума рисунки ребенка — важная информация о том, что творится в его душе!

Отложим, однако, рисунки в сторону и зададим ребенку простой вопрос: «С кем бы ты поехал на необитаемый остров?» Ответ: «С мамой!» — «Но у тебя есть еще папа, сестра...» — «А их тоже можно взять с собой?» — «Да» — «Ну что ж, возьму и их...» Маму, единственную, он берет с собой без раздумий и колебаний, а остальных членов семьи — «ну что ж, возьму и их...». Они ему не очень нужны! Так складываются отношения в этой семье...

Или другой вопрос: «Какие три своих желания ты попросил бы выполнить доброго волшебника?» И один хотел бы стать сильным, высоким, что может означать: он страдает от своей слабости, от своего малого роста, и это переживание в его неосознаваемом значимое, важное, будоражащее его. Другой просит собаку. Все дети хотят иметь собаку, но одинокий и беззащитный мечтает о ней как о друге. У него это не просто желание, а острое переживание. Третий хочет, чтобы никто не умирал. Для ребенка, выбирающего самое главное всего лишь из трех желаний, это странная просьба. Следовательно, он бессознательно тревожен, его преследуют страхи. Четвертый хотел бы, «чтобы никто не дрался». Этот добр, беззащитен перед злом, натерпелся. Пятый жаждет, «чтобы быстрее приехал папа...». Выясняется: отца у него нет, но мать говорит ему, что папа в далекой командировке, и ребенок тоскует. И в сознании и в

неосознаваемом у него гвоздем сидит одно: «Когда же, когда же, наконец...» Шестой хотел бы иметь шапку-невидимку, чтобы «всех видеть, а меня никто бы не увидел». Боязливый ребенок, у него, возможно, невроз. Седьмой хотел бы «улететь далеко-далеко...». Ему худо...

Спрашиваю ребенка: «Кем хочешь стать, когда вырастешь?» Один отвечает: «Хочу стать танкистом!» Это часто боязливый ребенок. Он объясняет свое желание так: «Танк большой, я буду в нем командиром». В неосознаваемом же у него другое: в танке он спрятан за непробиваемой броней и грозит всем обижающим его огромной пушкой! «Хочу быть военным» — это желание быть сильным, смелым, уверенным в себе, за которым скрывается фактическая слабость и беззащитность ребенка. Так же можно трактовать желание быть пожарником, шофером. Громадная машина, сто лошадиных сил, могущество сидящего за рулем, свобода! Конечно, многие из детей хотят стать военными, пожарниками, шоферами из-за детского восхищения перед людьми мужественных профессий. И все же выбор именно этих профессий — всегда информация к размышлению и вкупе со всеми остальными наблюдениями над ребенком позволяет лучше понять, что сокрыто в его душе, понять его переживания.

Родители анализируют все это. Без такого анализа ребенка не понять, не понять его сокровенных, чаще всего неосознаваемых переживаний, а следовательно, не помочь ему избавиться от тревоги и страха, не воспитать его уверенным в себе, отважным и добрым, открытым и оптимистичным. И родители задают себе вопросы, наблюдая за ребенком.

Почему, например, он агрессивен по отношению к пожилым людям? Для него они символ старости, неизбежности смерти родителей, его самого? А может быть, пожилой человек напугал, обидел его? Почему он боится мужчин? Такая боязнь вызвана разговорами о пре-

ступниках или за этим ревность к матери? Почему он колючий, озлобленный, протестный? Почему его интересуют только фильмы ужасов? Почему он рисует только чудовищ? Почему он так раним, так обидчив? Почему любая насмешка в его адрес вызывает чрезмерную реакцию? Он чего-то особенно боится. Почему? И все, что проявляется в ребенке постоянно, однотипно и интенсивно, все, что в его реагировании, в его переживаниях вызывает недоумение, все, что в нем непонятно, вероятнее всего, из неосознаваемого и должно подвергнуться анализу.

Многие родители вели и ведут дневник жизни ребенка. Лучшие из таких дневников опубликованы и вошли в сокровищницу литературы о воспитании. Какие-то записи о самом существенном в развитии ребенка, в его переживаниях следует вести каждой матери. И тогда, выбрав вот такое непонятное, тревожащее в ребенке, следует прийти к психологу или к психотерапевту, чтобы профессионал помог разобраться в этом.

Итак, повторяю, абсолютно все, что человек увидел, услышал, пережил, навсегда в его неосознаваемом. И это все разделяется на индифферентное, малозначимое, среднезначимое и весьма значимое, ибо в неосознаваемой памяти и свет фонарика или свечи в некий из дней прошлого, но и пожар, когда сгорел отчий дом. В неосознаваемой памяти боль от укуса слепня, но и боль от ожога. Слово, событие, запечатленные в неосознаваемом, могут быть не связанными с эмоцией, чувством, поскольку воспринимались равнодушно, а могут быть пронизаны сильной эмоцией, большим чувством, поскольку потрясли, несказанно огорчили, испугали до дрожи, как пожар в отчем доме. Так и фиксируется слово, событие — равнодушно или с сильной эмоцией, с глубоким чувством. И то, что переживалось равнодушно, воздействует слабо, не будоражит из неосознаваемого; пронизанное же сильной эмоцией, большим чувством воздействует сильно, стремится прорваться в сознание, а если проры-

вается, то с той же эмоцией, с тем же чувством, с которыми было вытеснено в неосознаваемое. И тот, кто пережил, даже в самом раннем детстве, пожар в родном доме, хранит в неосознаваемом память о нем до конца жизни. Он мог и не понимать до конца, что творилось в те мгновения, но запечатлелся страх матери, ее крик, то, как она схватила его, как необычно крепко прижала к себе, как бежала сквозь пламя, как метались люди, как опалило жаром, как витал над всем этим ужас смерти. Прошли годы, забыт тот пожар в отчем доме, но у человека, пережившего его, при виде любого пожара сжимается сердце и возникает чувство непреодолимого страха. Пожар в детстве мог видеть и другой человек. Однако, если пожар не коснулся его лично, воспоминание об этом событии, также сохранившись в неосознаваемом, не окрашено столь сильными эмоциями. И при виде любого пожара такой человек сочувствует тем, кого это коснулось, может помочь в тушении его, но не более.

Человек, в неосознаваемой памяти которого зафиксировано нечто экстраординарное, экстремальное, во многом другой, чем он был до переживания этого, экстраординарного. Так, тот, кого в детстве сурово и даже жестоко наказывали за любой проступок, даже самый малый, всю жизнь предрасположен к осторожности, осмотрительности, не будучи таковым по природе.

С первых дней жизни человек накапливает неосознаваемый жизненный опыт. Он что-то сделал удачно, а что-то — нет, он принимал как верные, так и неверные решения, за что-то его хвалили, а за что-то порицали. И, став взрослым, он неосознаваемо склоняется к поступкам, решениям, учитывающим такой опыт. С раннего возраста человек неосознаваемо оценивает людей, события с позиций добра и зла, «хорошо» и «плохо», «нельзя» и «можно», «стыдно» и «похвально», «надо» и «необязательно», воспринимает нормы и правила поведения.

Неосознаваемый жизненный опыт с раннего возраста формирует у человека систему отношений к себе, к другим людям и к жизни! И он может относиться к себе с уважением, с гордостью или с горечью, презрением, самоотрицанием, может быть уверен или не уверен в себе. Он может относиться к другим людям доброжелательно, с доверием, альтруистично или недоверчиво, подозрительно, отрицательно, презрительно, с гордыней. Он может относиться к жизни оптимистично или пессимистично. И речь в данном случае идет не о сознательном, а о бессознательном отношении.

Прижизненно сложившиеся в неосознаваемом представлении о чем-то или о ком-то, неосознаваемые пристрастия к чему-то или к кому-то, неосознаваемые оценки чего-то или кого-то — одним словом, неосознаваемая система отношений человека к чему-то или к кому-то, к жизни в целом — это установки! Они, исходя из вышесказанного, неизгладимы, они тем сильнее, чем большая эмоция, чем большее чувство связано с ними. И есть слабые, есть сильные и есть очень сильные установки. Они, установки, влияют, и часто мощно, нередко сильнее природы и разума, на принятие человеком того или иного решения, на его выбор, на его реагирование, особенно в экстремальных ситуациях, на его пристрастия, на психическое состояние и настроение — одним словом, на его поведение в целом, а в результате на его судьбу. Установки в основном формируются в детстве, они формируются под влиянием жизни, но в основном все же под влиянием родителей. Воспитание — во многом формирование добрых установок! Таким образом, мы подошли к сердцевине проблемы воспитания как воспитания установок.

Установки у ребенка формируются родителями прежде всего путем внушения. При этом, естественно, родители внушают детям собственную систему отношений к себе, к ним, к другим людям и к жизни в самом ран-

нем, в самом внушаемом возрасте. Поэтому родительское внушение — первое и наиболее сильное! Следовательно, бóльшая часть установок, и притом самых сильных, у человека от его родителей! И все мы дважды дети своих родителей — по факту рождения, генетически, и по установкам. Поэтому именно родители ответственны за дурное в своих детях даже в том случае, если позже их детям внушалось зло со стороны. Существует понятие нравственного иммунитета. Об одном говорят: «К нему грязь не пристанет», о другом же: «Свинья грязи везде найдет». И тот, кто своевременно получил прививку нравственного иммунитета, проходит через любые соблазны и отрицательные влияния незапятнанным. Именно к родительским установкам относятся слова «впитал с молоком матери».

До достижения ребенком возраста двух с половиной лет он и его родители нерасторжимы. Критика к словам и действиям родителей отсутствует. Их внушение в этом возрастном периоде непоколебимо. В широко раскрытые глаза, в «большие уши» ребенка вливаются потоки информации и занимают «первые места». Так, на первой остановке автобуса в него входят люди, свободно рассаживаются, а тем, кто войдет на последующих остановках, придется стоять на проходе. И дитя запечатлевает манеры, стиль поведения, речь и смысл произносимого родителями, становится их ребенком как бы второй раз, уже по духу.

В возрасте от двух с половиной до пяти лет, в так называемый период негативизма, внушающее воздействие родителей ослабевает. Ребенок этого возраста полагает, что он могуществен. И он уверенно заявляет: «Я сам, я могу!» Вместе с тем развивающаяся быстрыми темпами речь ребенка и его крепнущие интеллектуальные возможности обуславливают появление способности воспринимать доводы. И если до двух с половиной лет родители только «изрекают», внушая, то с двух с

половиной до пяти лет возникают и первые попытки убедить ребенка.

С пяти лет внушаемость вновь усиливается. Ребенок все больше понимает, насколько сложен окружающий мир, начинает осознавать как свою беспомощность, так и могущество родителей. И он вновь крепко держится за руку матери, он вновь максимально внушаем. Такая внушаемость характерна для детей до десяти лет. После десяти лет внушающее воздействие родителей стремительно свертывается.

Есть свои закономерности внушения и внушаемости. До десяти лет ребенок воспринимает внушаемое родителями вне зависимости от их личностного уровня, от их положения в обществе. С десяти лет он воспринимает внушаемое только от авторитетных для него людей. Это касается и родителей. И чем авторитетнее человек для ребенка, тем сильнее его внушающее воздействие! Если, например, отца глубоко уважают все члены семьи и все окружающие, если он многого добился, если он Личность и от него веет силой, уверенностью, интеллектуальной мощью, его уважает и ребенок. Следовательно, такой отец и убеждает и внушает с огромной силой. Таким человеком может быть и дедушка, могут быть и мать и бабушка, любой член семьи, если он авторитетен.

Огромной внушающей силой обладают лидеры. Ребенка воспитывают интеллектуальные и эмоциональные лидеры. Интеллектуальные лидеры более всего убеждают. Их роль как воспитателей возрастает с каждым годом, прожитым ребенком. Эмоциональные лидеры могут не занимать главенствующего положения в семье. Они общаются с детьми не столько с позиций разума, сколько сердцем. Их влияние сильно душевным теплом и интуитивным пониманием. Им поверяют самое сокровенное. И если интеллектуальный лидер подвигает к мудрости, то эмоциональный скорее внушает нравственные установки. Чаще всего это мама или бабушка.

К особенностям внушения относится не только тот, кто внушает, но и как, когда, где происходит чудо внушения установок. Так, внушается как установка только то, что говорится искренне и эмоционально — от всего сердца! Воспринимается, формируя установки, все, что делается искренне, эмоционально, также от души. Все, что исполнено страсти, воспринимается как истинное, полнокровное; все же неискреннее, формальное, назидательное, худосочное отвергается, воспринимается равнодушно. Можно обмануть в том, что от души и что неискренне, самого пронизательного взрослого. Однако невозможно обмануть в этом своего ребенка. Самой природой ему дарована интуитивная сверхпронизательность. Ребенок и ухом не поведет на равнодушно-назидательное, лживое, но удивительно восприимчив, когда родители выдадут эмоциональную, искреннюю реакцию на нечто, когда они восхищены или, напротив, во гневе, презирают, ненавидят, враждебны. И ребенок интуитивно улавливает, что это — «по правде!», что вот сейчас заговорили как чувствуют, как думают.

Есть одно важное обстоятельство. Когда человек что-то решает, обдумывает, то чем он умнее, тем в большей степени склонен к сомнениям, поскольку понимает, что ему недоступна вся информация об обсуждаемом, что он может ошибаться и его суждения могут оказаться спорными и даже ложными. Дети интуитивно улавливают эти сомнения и колебания взрослых. Поэтому то, что продумано, воспринимается детьми с сомнением и отнюдь не как непогрешимое. В то же время родители и сами во многом руководствуются установками. Установки же непоколебимы. И то, что в высказываниях родителей от их установок, звучит страстно, убежденно, как непогрешимое! Дети интуитивно улавливают эту страстную убежденность, и вот это-то и воспринимается ими как непогрешимое, формируя их установки. Таким образом, можно сказать, что установки детей — это

установки их родителей. Положительны установки родителей на себя, на других людей, на жизнь — стало быть, положительны установки на себя, на других людей, на жизнь и у их детей.

И если родители живут по установкам типа «честны, добры, трудолюбивы, живем по правде только мы, а все остальные — каналы, человек человеку — волк, в жизни все продается и покупается, в жизни — кто смел, тот и съел...», то эти же установки воспримут и их дети.

Установки бескомпромиссны, в них все — только белое или только черное, только — «хорошо» или только — «плохо», только — «наши» или «не наши». Сознание гибко, извортливо. По установкам, например, соседи — «не наши», «черные», «каналы», но в сознании мысль: они сильны, с ними лучше открыто не враждовать. И, руководствуясь принципами сознания, им улыбаются при встрече, с ними приветливы. Установочно же, неосознаваемо их ненавидят. Идущее от сознания, лживое дети отметают. Они воспринимают то, что от установок. Они ненавидят соседей — и баста. Они еще не способны к лицемерию — и они разбили окно соседей и избили их сына.

Позже, когда вырастут, эти дети также станут лицемерами. Ведь есть общественное мнение, есть общественная мораль, с которой приходится считаться. Завистливы многие, но общественное мнение порицает зависть, и завистливые скрывают это свое чувство. И так — во многом. Вот и дети, когда вырастут, будут скрывать многое из того, что в их установках. Зло наказуемо, на зло отвечают злом — и часто сокрушительно. А вот с родителями злым людям можно и не церемониться. В некоем фантастическом романе ученый создал чудовище — Франкенштейна. Он создал его, чтобы властвовать над людьми, но чудовище сожрало его самого. Так и с родителями тех детей, которым привиты злые установки. Именно об этом пословица: «Что посеешь, то и пожнешь».

Родители могут внушить ребенку отрицательную установку на интеллигентность. Ну и ладно, презируют эти люди интеллигентность и интеллигенцию — и все тут. Однако ребенку будет нанесен невосполнимый ущерб. Ведь установки генерализуются! Так, интеллигентность прямо ассоциируется со знаниями, с культурой, с нравственностью. И ребенок с отрицательной установкой на интеллигентность презирует все это, не стремится ко всему этому! Такой ребенок ничему не научится в школе, ибо у него отрицательная установка на то, чему учат, и на того, кто учит. Человека с такой установкой не излечить, если он заболевает, поскольку он не уважает врача. А лекарства, выписанные врачом, если врача не уважают, бесполезны, не действенны!

Когда что-то страстно проповедают самим детям, это прямое внушение установок. Если при детях что-то, прямо не адресованное им, страстно обсуждается, комментируется, оценивается как положительное или как отрицательное, как благородное или как подлое, как истинное или как ложное, — это косвенное внушение, еще более действенное, чем прямое. Так, Анатолий Кашпировский, как правило, внушал аудитории желаемые установки именно косвенно: к микрофону один за другим выходили его пациенты и рассказывали, как они излечились, как их седые волосы после контакта с Кашпировским приобретали свой естественный цвет. Почему так эффективно формирует установки сама жизнь родителей, их реагирование на острые ситуации, их восприятие самих себя, других людей и жизни? Да как раз потому, что это косвенное внушение.

Есть люди, у которых всегда и во всем виноваты другие, изначально недоброжелательные, изначально злые, всегда во всем виновата эта «проклятая жизнь» и никогда и ни в чем не виноваты они сами. Такие люди обречены на неудачливость, ибо не учатся на своих

ошибках, полагая, что не ошибаются. Такие люди озлоблены, они в конфликте со всем миром. Естественно, они сами страдают от этих конфликтов, ибо тягостно неудовлетворены своей жизнью. Их участь — психосоматическая патология.

Есть завистливые люди. Горячо, эмоционально звучит в их суждениях о других недоброжелательность. И достижения других, и успехи других, по их мнению, случайны или добыты несправедливым путем. Такие люди также озлоблены, а озлобленность — одна из основных причин болезней печени, сердца, гипертонической болезни. Завистливым всегда плохо, поскольку всегда есть люди, которым по жизни лучше, чем им. И завистливые считают себя неудачниками, также не удовлетворены своей судьбой. Однако сейчас речь не о завистливых, а о том, что установки родителей косвенно воспринимают дети, и это способно исказить их судьбу.

Другое дело, когда родители искренне, страстно, от всей души говорят детям или при детях о своем неприятии лжи, лицемерия, безответственности, подлости, о необходимости трудиться, быть доброжелательными к людям. Дети таких родителей воспринимают установки против лжи, лицемерия, безответственности, подлости, лени и недоброжелательности, зла.

Итак, мать и отец косвенно внушают установки, комментируя, обсуждая, оценивая свои поступки, обращаясь друг к другу при детях: «Подумал я... и отказался. Не к лицу мне за такое братья. Не хочу я несправедливых денег!»

Косвенно внушают, когда ребенок играет, а отец, косясь в его сторону, говорит матери: «Сын моего сослуживца помогает отцу и матери как может, постоянно. Он и сестренку свою умоет и покормит, он и во дворе за ней присмотрит, он и посуду помоет, а пылесос и вовсе только в его руках работает. Вот ведь счастье родителям. Хороший растет мальчик!»

Внушают косвенно, когда эмоционально обсуждают что-то из телепередач, газет, книг или из произошедшего рядом. Внушают косвенно, побуждая группу играющих детей выбирать нравственные сюжеты игры, обсуждая роли детей в игре: «Ты играешь хорошего — доброго, смелого, а ему придется сыграть плохого...»

Внушают косвенно, прибегая и к помощи игрушек. Устами матери, отца мощно внушает кукла Катенька, Мишка-медведь, лошадка и зайчик. Одно дело, если напрямую что-то внушает мама, а малышу в это время хочется играть. И совсем другое, если в эмоциональной игре, когда глазки ребенка горят неподдельным интересом, а ушки «широко открыты», говорит, внушая что-то, Буратино.

Следует помнить, что, когда ребенок болен, устал, когда у него плохое настроение, все разумное, доброе может восприниматься с раздражением. Общеизвестно, что даже взрослый очень часто по-разному оценивает одно и то же в зависимости от своего состояния, от того, хорошо ему или плохо. Родители оставляют больного или уставшего ребенка в покое или просто играют с ним, ободряя его. Когда он в таком состоянии, не время его воспитывать. Точно так же следует воздержаться от внушений, если произошла размолвка с ребенком, если он обижен на родителей и на время с ним потерян добрый контакт. Ведь в такой ситуации доброе может быть воспринято с отрицательным знаком.

И напротив, в минуты эмоционального подъема, в минуты радости малыш более восприимчив к доброму, разумному, подобно тому как зерно прорастает, если брошено в подготовленную почву, согретую солнцем. Высокие идеи, выходящие за пределы обыденного, внушаются ребенку на природе или на фоне прекрасных творений ума и рук человеческих. Так, например, знаменитую свою клятву на верность вольности и России Герцен и Огарев дали на Воробьевых горах, откуда от-

крывался величественный вид на Москву. Если родители привели детей в музей, прошли с ними по камням исторических площадей, рассказали об истории памятников архитектуры, поднялись в горы или вышли к морскому побережью, сказанное — доброе, значимое, нравственное — запечатлевается особенно сильно, превращаясь в установки!

Очень сильно внушающее воздействие наказания. Поощрение современный ребенок воспринимает во многом как должное. Поощрение для него не столько признание его заслуг, сколько еще одно свидетельство любви к нему. Во всяком случае, оно радует, но не потрясает. А вот наказание производит сильное впечатление. И тут сказанное в сердцах воздействует, запоминается! Рождается установка: а вот этого нельзя, а вот это стыдно, а вот это вызывает гнев даже у любящих!

И все-таки более всего детям внушают установки примером своей жизни, и этому в данной книге посвящена отдельная глава. Более всего внушают энергичными действиями и искренним отношением к ребенку, эмоциональными оценками его поступков: восхищением или насмешкой, осуждением, заинтересованным вниманием или бойкотом, восторгом или гневом!

Однако проблема того, как отзываются установки в судьбе человека, требует более развернутого рассмотрения. Начнем с того, что установки взаимосвязаны. Они образуют системы — программы отношений ко всему, с чем сталкивается человек, ко всему, что его интересует, волнует. И, на мой взгляд, именно установки, сочетаясь с подобными им, формируют характер! Недаром характер называют «второй натурой».

Человек был бы идеально гармоничным и цельным, если бы его характер сформировался в полном соответствии с его профилем личности по инстинктам и с темпераментом. В таком случае, например, «доминантный» был бы властен, решителен, стабилен и по характеру, а

«дигнилофильный» был бы и по характеру гордым, негибачаемым. Однако установки могут противоречить профилю личности по инстинктам, т. е. противоречить натуре человека. И «доминантный», решительный по натуре может быть нерешительным и нестабильным по установкам, а «дигнилофильный» — «не очень гордым». В таком случае человек обречен на внутренний конфликт между требованиями своей природы и установками (характером). Природа в таком случае требует, например, чтобы человек выскочил из окопа и пошел в атаку, а установки, сформировавшие характер, требуют: отсидись в окопе, впереди верная гибель, не высывайся, целее будешь! И человек раздвоен, две мощные силы в неосознаваемой сфере его психики столкнулись в бескомпромиссной борьбе: одна зовет вперед, другая останавливает. Представим себе кавалерийский эскадрон, когда перед лицом врага одна труба зовет в атаку, а другая — к отступлению. Очевидно, что эскадрон в смятении; очевидно, что и человек в таком случае может или впасть в невроз, или его уделом станет психосоматическая патология.

Каков же смысл наличия у человека природного профиля личности по инстинктам и характера? Дело в том, что инстинкты современного человека такие же, какими они были и тысячу лет назад. Профиль личности по инстинктам не меняется тысячелетиями. Он — в генетике человека! Но меняются времена и эпохи. И человеку приходится менять свой стиль реагирования на вызов, который бросает ему жизнь. Так, например, одни требования предъявляла жизнь к негибачаемым и бескомпромиссным пионерам, осваивавшим просторы Америки, когда все решало ружье. Совсем другие требования предъявляет она к реагированию человека на вызов его достоинству в современной Америке, когда, например, полицейский остановил его машину ночью на дороге, властно приказал выйти из машины, под-

нять руки вверх, стать лицом к машине и обыскал его. Одно дело быть гордым при демократии, другое — при всех формах диктатуры. И даже в одно и то же время в одной стране одно дело быть гордым, если ты сын королевы, и совсем другое, если ты родился в семье нищих эмигрантов из Африки.

И инстинкты служат целям приспособления человека к жизни вообще, к жизни в целом, во все времена, а характер служит целям приспособления к жизни в конкретное время, в конкретной среде. Для этого, второго, пути приспособления, приспособления по характеру и готовят своих детей родители, прививая им конкретные установки, иными словами — формируя их характер. И именно родители формируют характер, который может быть сильнее природного в человеке. Вот что такое установки, вот что такое воспитание! Главный же вывод из всего вышесказанного состоит в том, что установки способны усилить или ослабить тенденции натуры человека в целом или каждого из инстинктов в отдельности, т. е. внести серьезные коррективы в звучание профиля личности по инстинктам. Следовательно, у человека, например, «доминантного» типа возможно установками усилить, обострить до предела тенденции властности, и тогда он станет тираном; возможно до предела усилить у него же тенденции инстинкта альтруизма — и характер его будет «альтруистичным»! Этот момент — ключевой в моей концепции «альтруистического воспитания».

А пока охарактеризуем установки еще с одной, очень важной их стороны. Разновидностью установок являются комплексы. И о них, как и о неврозах, говорят очень много, хотя мало кто знает, что это такое. А между тем комплексы способны грубо изменить судьбу человека. Они, комплексы, как разновидность установок, также формируются большей частью в детстве.

Так что же такое комплексы? Всем известен «комплекс неполноценности». Он формируется в раннем дет-

стве, но может возникнуть и в подростковом возрасте. Один ребенок в чем-то отставал от сверстников, в чем-то был последним, слабым, «рыжим», «белой вороной», не таким, как все, имел психофизический дефект, терпел по каким-то причинам неудачу за неудачей. У другого было тяжелое, унижительное детство, его не любили, отвергали. Не любя ребенка, отвергая его, тем самым убедили полноценного во всех отношениях, что он «гадкий утенок». В результате у того и другого сформировался «комплекс неполноценности». Ребенок страдал, переживая свою истинную или мнимую несостоятельность, ущербность. И все это, пронизанное отрицательными чувствами, обосновалось в его неосознаваемом, обосновалось прочно. Позднее причины, сформировавшие комплекс, могут исчезнуть. Ребенок развился умственно, окреп физически, улучшилась его жизнь. Однако комплекс не исчезает. Он воздействует из бессознательного на самооощение, на самооценку, на отношения с людьми, на отношение к жизни.

Когда человек решает какую-то проблему, он решает ее сознательно, размышляя, взвешивая все «за» и все «против». Но он и не ведает, что эта же проблема решается и на уровне неосознаваемого, т. е. на уровне инстинктов, установок, комплексов, и все это мощно влияет на окончательное решение. Предположим, что перед человеком некая житейская проблема. Если ее разрешить, это будет очень важная победа над собой и обстоятельствами. И осознанно, взвесив все «за» и «против», он решает: надо действовать! Однако в его неосознаваемом — «комплекс неполноценности». И из этого комплекса звучит: не стоит рисковать, проблему мне не решить, я потеряю и то, что имею, будет еще хуже... В результате человек как будто решился, но его одолевают сомнения, он мечется и в конце концов так и не решается действовать. Его парализуют установки, формирующие «комплекс неполноценности».

Лишь после этого пояснения можно приступить к проблеме комплексов в целом. Комплексы — это горькая память о чем-то тягостном, глубоко погребенная в неосознаваемом психическом. Эта память, связанная с сильными чувствами, будоражит из глубин неосознаваемого, она, как непреодолимая стена, преграждает путь человеку. Эту стену не замечаешь, пока сидишь на месте, но стоит пойти, как упираешься в нее. Комплекс как вулкан, который стоит задеть — и начинается извержение.

Комплексы рождаются из проступков против собственного Я, против других людей — проступков, вызвавших горечь стыда за собственную трусость, за то, что был порою жалок, даже подл, предавал, соучаствовал в зле, из шкурных интересов поступался своей свободой и достоинством, позволяя унижать себя. Это неосознаваемая память, рождающая горькую досаду из-за того, что где-то когда-то проявил вопиющую некомпетентность, безответственность, слабость, допустил роковые ошибки, не использовал возможности, которые обогатили бы судьбу. Это и чувство вины в неосознаваемом за то, что кого-то обманул, кому-то не помог, хотя мог это сделать и тем самым мог спасти человека. Это неосознаваемое чувство вины за то, что унижал других, за то, что был неблагодарен.

Комплексы рождаются и из того, что пришлось пережить нищету, голод, дискриминацию, вопиющую несправедливость. Это память в неосознаваемом о том, как были равнодушны все окружающие, когда так нуждался в помощи и в понимании, как унижали, подавляли, отвергали, обманывали, предавали, не признавали, незаслуженно презирали, как травили, преследовали, как терпел насилие, как вообще терпел, терпел, терпел...

Очевидно наличие трех обобщенных причин возникновения комплексов: когда нечто постыдное допустил сам человек по отношению к собственному Я и по от-

ношению к другим людям; когда нечто недопустимое по отношению к человеку допустили другие; когда комплексы породила трудная и унижительная жизнь или они были порождены потрясшими все существо человека экстремальными событиями.

В результате можно выделить разновидности комплексов «вины, стыда»: комплекс «подлеца», «труса», «упущенных возможностей»; разновидности комплексов «обиды, унижения, людской злобы»: комплекс «отвергаемого», «терпевшего насилие», комплекс «непонимания, непризнания», «дискриминации, травли», «несправедливости людей», «подавления»; разновидности комплексов «горечи, ущемленности, несправедливости судьбы и жизни»: комплекс «психофизического дефекта, недомерности (рост), заурядности (обделенность в способностях, внешних и физических данных)», «тяжелого детства, безотцовщины, бедности», комплекс «непрестижного происхождения», «неудачливости, неполноценности, импотенции», «пережитого горя, ужаса, непереносимого потрясения».

Все это очень важно знать, понимать, чтобы не допустить возникновения комплексов у ребенка. Комплексы опасны тем, что имеющие их как бы «зомбированы» ими! Человек в таком случае и не ведает, что на его переживания, его восприятие самого себя, других людей и самой жизни мощно влияют комплексы, что в значительной степени им управляют комплексы. И за поступками людей, когда причины их «непонятны», за их беспричинно отрицательными переживаниями, как правило, стоят комплексы. Так, например, солдат «беспричинно» расстрелял из автомата ползвзда. Ни он, ни другие не понимают — «за что, почему?!», а это «взорвался» комплекс. И если тихоня вдруг ни с того ни с сего устроил неистовый скандал на работе, то это может означать «взрыв» в нем комплекса, порожденного тем, что он терпел, терпел, терпел, тер-

пел бесконечные унижения с детства. Ведь то, что ощущает закомплексованный, во многом сродни тому, что ощущают загнанные в угол люди и животные, когда гнали, гнали, гнали, когда убежал, убежал, убежал — и вдруг охватывает отчаяние безнадежности, а с этим — слепая ярость!

В результате у человека накапливается чувство усталости, пессимизма, возникает склонность к депрессии, хотя, казалось бы, нет никаких объективных причин для этого. Если комплексы пронизаны чувствами стыда, вины, досады на себя, накапливается агрессивность, направленная против самого себя, — аутоагрессивность. Она может проявляться в таких непонятных для сознания действиях, как выдергивание у себя волос, ресниц и бровей, когда человек, не понимая, что творит, обезображивает себя. Аутоагрессивность проявляется в грызении пальцев, ногтей — до крови, слизистой щек, губ — до язвочек. Она может проявляться в «непонятных» болезнях, когда человек угасает, а причины этого неясны и угасание завершается такой же «непонятной» смертью. Из этих же комплексов и «непонятные» автокатастрофы, производственные травмы, когда человек сам не понимает, зачем и отчего он совершил то или иное действие, допустил невероятную для профессионала оплошность, когда он как бы ищет беду, несчастный случай, когда вдруг бессмысленно рискует жизнью, явно ищет смерти. Это и те случаи, когда окружающие недоумевают: человек явно не любит себя, он ест что попало, ходит под проливным дождем без зонтика и в худой обуви, игнорирует состояние своего здоровья. И в конечном счете многие «непонятные» самоубийства — «взрыв» комплекса.

Из разновидностей комплексов, порожденных тем, что человек «терпел, терпел, терпел», вытекает «непонятное» чувство озлобленности, проявляющееся в беспричинно дурном настроении, в «дисфорической» тоске — тоске

беспричинной, злобной, в агрессивных поступках против других, часто ни в чем не повинных людей, когда достаточно косого взгляда, какого-то замечания — и следует «взрыв». Из этих комплексов — состояние, когда, опять-таки без объективных причин, в душе звучит и звучит: все надоело, не хочу жить, когда преследует непонятная непреходящая тревога. Именно из комплексов часто вырастают безверие, цинизм, озлобленность или безрассудная бесшабашность и вандализм подростков. И конечно, многих и многих привели к наркомании и алкоголизму те же комплексы.

Сделаю краткие выводы из всего вышесказанного, из этой принципиальной главы, равной по значению предыдущей, — главе о натуре человека. Итак, в человеке наряду с сознанием существует бездонное, безграничное, как сама материя, неосознаваемое психическое. В неосознаваемом фиксируется все, что человек видел, слышал и пережил с самого раннего детства, фиксируется неизгладимо, до конца его жизни. Все, что в неосознаваемом, в зависимости от его значения для данного человека, в зависимости от силы эмоции, силы чувства, спаянного с этой неосознаваемой памятью, воздействует на человека, на его отношения к самому себе, к другим и к жизни.

То, что наиболее сильно влияет на отношения человека к чему-то или к кому-то, — установки. Установки формируются путем внушения, более всего родителями, а также под воздействием пережитого в процессе жизни. Установок бесчисленное множество. И среди них есть более слабые и более сильные, есть схожие и есть противоречивые, как, например, установки на осторожность, внушенные тревожной матерью, и установки на отважность, внушенные мужественным отцом.

Схожие установки, объединяясь, поддерживают друг друга и борются с противоположными по направленности. Здесь можно провести аналогию со странами,

объединенными в военно-политические блоки, противостоящие друг другу. Это обстоятельство очень важно, потому что один из блоков установок, как правило, будучи более сильным, доминирует, определяя характер и направленность личности. Это важно и потому, что правильное воспитание формирует доминирующий блок положительных установок, нравственный иммунитет, подавляющий отрицательные установки, если таковые были внушены, внушаются или будут внушены «на улице».

Ведущие установки образуют характер. Характер — «вторая натура». Но и природное в человеке, тенденции, вытекающие из профиля личности по инстинктам, из натуры, также в неосознаваемом. Эти тенденции вместе с «коллективным бессознательным» (по Карлу Юнгу) — «памятью предков», памятью об их чаяниях, верованиях, символах и, главное, об их «программе достойного приспособления к жизни, достойной жизни» — образуют в неосознаваемом его наиболее глубокий пласт. А установки, формирующие то, что называют характером, — над ним, ближе к сознанию.

Установки настолько сильны, что могут подавить или обострить натуру человека в целом или отдельные инстинкты. Следовательно, родители, внушая ребенку установки, способны усилить или ослабить влияние каждого из инстинктов в профиле личности по инстинктам! Таким образом, они могут усилить или ослабить воздействие инстинкта альтруизма в любом из профилей личности. В этом — основной канон воспитания, и следовательно, воспитание всемерно! В этом и заключается суть предлагаемой мною концепции «альтруистического воспитания».

В процессе жизни у человека могут формироваться комплексы. Они искажают судьбу, и родители не должны допустить их возникновения у ребенка. Чем эгоистичнее человек, т. е. чем сильнее звучат у него инстинкты, выражающие интересы Я, и чем соответственно

эгоистичнее его установки, тем больше угрожает ему «закомплексованность», поскольку она всегда возникает из проблем Я: самосохранения, самоутверждения, самореализации, продолжения рода, из творческих, лидерских проблем, из ущемления свободы и достоинства. И чем альтруистичнее человек, тем сильнее защищен он от «закомплексованности», поскольку в альтруистическом восприятии жизни эгоистичность ограничена, окрашена нравственностью, мудростью понимания, что истинно, что настоящее, а что ложно, поскольку «альтруисты» терпеливы, оптимистичны, преисполнены надежд, умеют прощать, отважны, органически не способны на подлость, предательство, не тонут в суете сует и «не оспаривают глупца!» Таким образом, «альтруистическое воспитание» — предупреждение «закомплексованности», а восприятие альтруистических ценностей — избавление от нее.

А закончу я эту главу несколькими замечаниями, относящимися к убеждению. И столь кратко об убеждении я говорю не потому, что оно менее важно, чем внушение, а лишь потому, что это более известно. Обращение «ума» к «уму» — убеждение — понятнее и проще, а вот обращение «сердца» к «сердцу» — внушение — сложно, загадочно. Главное же состоит в том, что убеждение и внушение во многом единый процесс, и кто внушает, тот и убеждает. Убеждение эффективнее всего воздействует в мудрых беседах с ребенком, особенно в возрасте после пяти лет; и оно действеннее, если с ребенком беседует отец. Беседам отца с детьми уделено достаточно много места в моих предыдущих книгах — «От младенца до подростка» и «Практическая психотерапия». Здесь же приведу только один пример. Честерфилд в 1739 году, т. е. два с половиной века тому назад, писал в книге «Письма к сыну»: «Подумай только, какой стыд и срам: иметь такие возможности учиться — и остаться невеждой. Человек невежественный

ничтожен и достоин презрения; никто не хочет находиться в его обществе, о нем можно только сказать, что он живет, и ничего больше. Есть хорошая французская эпиграмма на смерть такого невежественного, ничтожного человека. Смысл ее в том, что сказать об этом человеке можно только одно: когда-то он жил, а теперь умер» (1971, с. 7–8). Эта цитата из Честерфилда — пример того, как мудро и серьезно беседовал в письмах отец с сыном — с сыном, которому в то время было всего-то восемь лет! И это — об убеждении, о том, как следует беседовать с детьми, как формируется мировоззрение.

Вот оно и возникло — понятие «мировоззрение», мимо которого нельзя пройти, когда речь идет о воспитании, убеждении и даже о внушении. В сознании каждого человека в процессе жизни формируются определенные взгляды на то, что «хорошо» и что «плохо», чего «нельзя», что «стыдно», а что «можно»; на то, «что есть что» и «кто есть кто», что в жизни главное, а что второстепенное, как, в конце концов, следует жить! И есть, например, религиозное мировоззрение и есть атеистическое, как есть мировоззрение эгоцентрическое, даже циничное и есть альтруистическое.

Речь, таким образом, идет о принципах, которыми сознательно руководствуется человек, и они, эти принципы, складываются в мировоззрение. Мировоззрение формируется родителями, учителями, авторитетными для данного человека людьми, книгами, пропагандой, уроками самой жизни и выводами, сделанными из них. Оно может быть неустойчивым, незрелым, но оно может быть и крайне устойчивым — до фанатизма. Оно может прямо стыковаться с инстинктами, «коллективным бессознательным», с общими установками и установками-комплексами, а может противоречить всему, что в неосознаваемом. И если мировоззрение стыкуется с тем, что у носителя его и в неосознаваемом, — чело-

век целен, его мировоззрение непоколебимо, всесильно. Если мировоззрение противоречит тому, что у данного человека в его неосознаваемом, он обречен на постоянный конфликт своего мировоззрения и тенденцией своего неосознаваемого. Тот, кто целен в своем мировоззрении и в своих неосознаваемых тенденциях, внушает и убеждает с огромной силой! Так убеждает и так внушает проповедник-фанатик. В таком случае дети безоговорочно воспримут — и на неосознаваемом уровне (как установки) и сознанием (как мировоззрение) — взгляды своих родителей! Суть же заключается в том, каково мировоззрение родителей. Ведь это может быть мировоззрение невежественных, ограниченных, эгоистичных людей, а может быть и мировоззрение, пронизанное мудростью, нравственностью, альтруизмом или религиозностью. Когда говорят «познай самого себя», это прежде всего означает: подумай о том, какими принципами ты руководишься и каково твое мировоззрение, ибо мировоззрение может быть сильнее природы человека. Я же скажу: «Подумай, крепко подумай, какое мировоззрение ты формируешь в своих детях!»

Мировоззрение — в сознании, оно может произвольно изменяться. Скажем, кто-то был атеистом, но встретил мудрого и истинно верующего человека и в результате сам стал верующим. А кто-то прочтет мою книгу и примет альтруистические ценности, альтруистическое мировоззрение. И он будет убеждать своих детей в ценностях альтруизма, он будет внушать их им, он будет формировать в них альтруистическое мировоззрение. А оно базируется на природном в человеке, на инстинкте альтруизма. И дети будут альтруистами, цельными в своих неосознаваемых тенденциях и в своем мировоззрении, а с этим счастливыми и здоровыми.

Глава 13

ОКРУЖИТЕ РЕБЕНКА ХОРОШИМИ ПРИМЕРАМИ

Долог путь наставлений, краток и убедителен путь примеров.

Сенека

Дурные примеры, несомненно, действуют сильнее хороших правил.

Д. Локк

Делай, что должно, и пусть будет, что будет — более всего относится к воспитанию. Я думаю, что не только трудно, но невозможно хорошо воспитывать детей, если сам дурен.

Л. Толстой

Детей воспитывают искренним, мудрым, нравственным словом и примером своей жизни. Об убеждении и внушении словом я писал в предыдущей главе. Здесь, в этой главе, пойдет разговор о воспитании примером. Я полагаю, что, не будучи хорошо воспитанным или не воспитав самого себя, не воспитать достойно и своих детей. И это — основной канон воспитания.

Прискорбно, когда униженный, сломленный духом, растерявшийся в этой жизни человек призывает своих детей быть мужественными. Смешно и грустно, когда злой поучает своих детей быть добрыми, ленивый — трудолюбивыми, лживый учит правдолюбию, вор — честности и подлец — порядочности.

Есть высшая справедливость: истинно добрые люди могут жестоко страдать в нашем многотрудном мире, но у них добрые дети, а это высшее счастье на земле! Дурных же людей расплата за совершенное ими зло фатально настигает в самом чувствительном — в дурных детях! Сколько я видел людей, имеющих высокое образование, достигших профессиональных высот, но не справившихся с воспитанием собственного ребенка. Подобное, к сожалению, происходит даже с людьми, защитившими диссертации по воспитанию. Здесь, есте-

ственно, и случаи, когда детьми попросту не занимались, когда в воспитании допускались роковые ошибки, когда дитя попало под дурное влияние со стороны. Но чаще всего в таких случаях речь идет о дурном примере жизни самих родителей. И если мне говорят: «Вот ведь родители — люди плохие, а дети у них хорошие», я с интересом всматриваюсь в этих людей: что-то главное в них, сокрытое — доброе. Если мне говорят: «Вот люди добрые, а дети у них плохие», я пристально всматриваюсь и в этих людей: чаще всего это большие притворщики!

Дети — ясновидящие. Они интуитивно высветляют в родителях истинное, глубинное, отбрасывая все фальшивое, маску добропорядочности. Истинное — искреннее, наполненное кровью, эмоциональное, а ложное, лишь демонстрируемое — худосочное, немощное, холодное. И лживые, притворяющиеся добропорядочными, говорят одно, а живут совсем по-другому! Дети в таких случаях отмечают слова и воспринимают пример их жизни.

Психолог В. Воронов еще в 1910 году писал в журнале «Вестник воспитания»: «Детский глаз... врожденным инстинктом художника выбирает из изображаемого самое характерное, самую сердцевину: душу вещи, смысл... сущность портрета» (с. 106). В. Воронов писал это о детских рисунках, но это же относится и к интуитивной способности ребенка схватывать самую сердцевину, душу и в нас, родителях!

Владимир Михайлович Бехтерев писал: «Ребенок всему подражает, а потому пример в этом возрасте значит все: окружите ребенка хорошими примерами, он их переймет и будет хорошим ребенком; окружите его дурными примерами, и он будет дурным ребенком» (1909, с. 5).

Как-то читал я об отце, который никогда не позволял себе появляться перед детьми небритым, в мятой

рубашке, уставшим, растерянным, в дурном настроении. И они запечатали своего отца гордым, подтянутым, сильным, благородным, уверенным в себе. Они и сами выросли такими, что естественно. Но самое главное в этом примере то, что отец этих детей и был таким — гордым, аристократичным всегда и во всем. Это было его сутью, естественным для него. Это был хорошо воспитанный человек.

Естественность — дитя чувства собственного достоинства, личностной гармоничности, самобытности, близости к природе. Естественность поведения внушает чувство уважения вне зависимости от того, чего достиг человек в социальном положении и в образовании. Речь идет о гордой, мудрой и нравственной естественности, как, например, у чабана в степи, у потомственного рыбака в море или у потомственного охотника в тайге. И такая естественность поведения в семье, когда нет притворства и люди истинно добры, когда они справедливы, трудолюбивы, ответственны как бы от природы, имеет огромную внушающую силу в воспитании детей.

Памятуя о том, что долог путь наставлений, краток и убедителен путь примеров, рассмотрим этот вопрос на примере жизни семьи, которую мне довелось близко узнать. Речь пойдет об отце и матери мальчика и девочки, т. е. о наиболее благоприятном варианте реализации потребности в отцовстве и материнстве.

Отец — шофер, мать — инженер-экономист. Речь, таким образом, идет о средней по социальному статусу и материальному достатку семье. Добавлю, что это русская семья. Следовательно, и в этом аспекте я также привожу пример как бы «среднестатистической» семьи. Упомянул я о национальности еще и потому, что вижу в этом одно важное обстоятельство. Мне нередко приходилось встречать в Петербурге семьи выходцев с Кавказа и из Средней Азии, семьи, в которых свято соблюдались традиции своего народа и где я подметил одну

поучительную особенность. В этих семьях ощущалась особая ответственность, выражающаяся в том, что родители в них полагали: их семья представляет для русских и других народов — их народ. И родители внушали детям: следует вести себя так, чтобы окружающие прониклись уважением к народу, который они представляют в своем лице, и могли судить по их семье, по поведению их детей о лучших чертах этого народа. Так вот, если бы семья, о которой я пишу, жила в другой стране, народ другой страны получил бы доброе представление о нравах, традициях, особенностях русского народа.

Есть еще одно важное обстоятельство, которого я должен коснуться, прежде чем начать рассматривать конкретные стороны жизни этой семьи. Как-то знакомый священник сказал мне, что служба Богу для него не профессия, а образ жизни. И в семье, о которой идет речь, — по крайней мере это бесспорно в отношении отца — специально о воспитании не думают. Родители не стараются быть «правильными» в воспитании, ничего как будто для этого специально не предпринимают, и воспитующее воздействие на детей, в данном случае благоприятное, вытекает из их естественного образа жизни.

Теперь, ничего не идеализируя, расскажу об отце и матери в этой семье, об их жизни. Оба любят своих детей. Отец по-своему грубоват, решителен и суров. На мой взгляд, он чрезмерно требователен к сыну, но сын ощущает, что отец любит его, и принимает такой стиль отношений отца как естественный. Дочь «вьет из отца веревки», и этот грубоватый человек смягчается, когда видит дочь. У него даже голос становится мягче, когда он говорит с ней. Однако, если дочь огорчает отца своим поведением, допущенной в чем-то безответственностью, неаккуратностью, ленью, отец замыкается в себе, переживая огорчение. Как говорят в семье, «на-

ступает великое молчание отца». Дочь в таких случаях, по ее собственным словам, «готова от стыда провалиться сквозь землю». По прошествии какого-то времени она говорит: «Папа, я все поняла...» А в этой семье слов на ветер не бросают. Инцидент оказывается исчерпанным, исчерпанным естественно и искренне. И слова матери при огорчительном поведении детей: «Вот придет отец...» — не означают, что придет и накажет. Они означают большее: придет и будет расстроен.

Мать мягка, компромиссна, но с дочерью требовательна. Однако в требовательности матери есть также свои нюансы. Она требовательна как труженица, она не командует: «Сделай уроки и помоги мне!», а говорит: «Доченька, у меня был тяжелый день на работе. А сейчас, ты видишь, дел невпроворот и дома. Сделай уроки и помоги мне».

Отец и мать в этой семье трудолюбивы. Отец не помогает на кухне. У плиты он неловок, смущен, и все дружно смеются, когда он, по просьбе жены, помешивает молоко, чтобы оно не убежало. У него это получается так, как будто он массивной ручкой проворачивает мотор своей тяжелой автомашины, чтобы завести его. Но он сам делает ремонт в квартире, он заменил всю сантехнику в ней, застеклил лоджию, вместо линолеума настелил паркет. Летом он достраивает дачу, а свой гараж, где стоит его старый «москвич», превратил в мастерскую и прирабатывает в гаражном кооперативе как автослесарь. Мать трудится спокойно, весело и споро, все у нее получается как бы само собой. Нет нужды говорить о том, что в этом доме свои грибы, овощи, компоты и варенья, что они сами засаливают рыбу, коптят ее, так как отец еще и рыбак. Дети помогают во всем этом естественно, охотно, радостно и с азартом: ведь тут всегда и результат налицо. Честно говоря, я люблю бывать в этой семье за столом. Весело, обильно, широко, вкусно. Но это — к слову. Суть же в том, что,

глядя, как трудятся в этой семье дети, как они умеют все, что надо для жизни, я ловлю себя на мысли: счастливы будут те, кому достанутся эти дети как муж и жена! И еще я думаю, что этому отцу и этой маме незачем говорить детям правильные слова о трудолюбии...

Отец и мать в этой семье справедливы. Отец — молчун, но если он высказал свое суждение на работе, к нему прислушиваются. И к нему часто обращаются шоферы: «Рассуди, кто из нас прав...» Точно так же относятся к его суждениям, к его мнению сын и дочь. Сын поспорил с учительницей по поводу оценки его контрольной работы. Отец внимательно выслушал объяснения сына и сказал: «Тут ее правда. И запомни, сынок, что, если твою работу оценивают строго, значит, ждут от тебя большего. Считай, что учительница тебя уважает. И еще, сынок, с судьей на поле не спорят...» А далее он поступил по-своему — пошел к учительнице и извинился перед ней сам: «Это не только мой сын вел себя некрасиво. Это и я, его отец, виноват перед вами».

Справедлива и мать, женщина из сибирской деревни, получившая высшее образование. Она еще глубже, чем отец, чувствует, что у детей свой взгляд на все происходящее, что многое, кажущееся взрослым пустячным, для них очень серьезно. Это и есть женский «разум сердца». У них в семье не бывает, чтобы «взрослым — смех, а детям — слезки». А ведь несправедливость комплексует детей. Недаром Василий Александрович Сухомлинский назвал невроты «детищем несправедливости». И дети в этой семье уверены в том, что их поймут, что их дела и проблемы рассудят справедливо.

В этой семье все ответственные как бы само собой. Дети знают, что, если отец или мать сказали: «Будьте готовы, мы к пяти часам приедем...», они будут дома или в указанном месте именно в пять часов. Отец за

обедом рассказывает: «Ездил я за Николаем... Опять у него в дороге поломка... Не понимаю, как это у него получается, — ведь уже десять лет за рулем... Сто раз говорил ему, что надо готовить машину загодя, чтобы потом не “загорать” на дороге!»

Мать, хлопоча у плиты, говорит: «А у нас была сегодня проверка контрольно-ревизионного управления. Но у меня, как всегда, все в порядке. Нина же, моя знакомая, тоже экономист, всегда нервничает при таких проверках. А зачем? Делай хорошо свое дело и не дергайся!» Или такой случай. Отец молча трудится: у него сегодня день починки детской обуви. Не поднимая головы, он тихо говорит дочери: «Таня, ты обещала подруге, что встретишься с ней в шесть часов. До срока осталось пятнадцать минут... Ты что — бежать будешь или собираешься опоздать?» И дочь спешно и смущенно собирается к подруге.

Есть десять библейских заповедей. Эта семья не религиозна, и Библию здесь детям не читают. Но обмануть кого-то, взять что-нибудь для дома на работе для этих людей дико, невозможно, как и сотворить зло против других. И они не говорят о заповедях, они живут по ним. Для них это опять-таки само собой разумеющееся, для них это естественно. И я еще раз подчеркиваю: они не идеальные, они просто нормальные люди. Они даже не думают о том, что должны быть примером для детей. Они такие всегда, во всем и со всеми, они такие сами по себе, и поэтому пример их жизни особенно убедителен для детей.

Я пишу о живых людях, о конкретной семье и не могу не сказать, что по крайней мере несколько раз в году отец крепко выпивает. И тогда он смущается, тут же идет спать, говоря наутро сыну: «Знаешь, сынок, даже если ты трезв, но два человека сказали тебе, что ты пьян, — иди спать». Справедливости ради скажу, что отец в этой семье необразован, мало читает, а если

читает, то детективы типа «Русский транзит». Они ему понятны, нравятся острым сюжетом, характерами таких же мужественных людей, как и он сам, борьбой героя детектива за справедливость. Когда говорят о серьезной литературе, он замолкает, замыкается в себе, и я вижу, как он переживает, что ему не довелось получить хорошего образования. Но дети понимают, что их отец по-своему мудр, а главное, видят, что он не бравирует своей необразованностью, как это нередко бывает у многих. И дочь — а она старше брата, — любя отца, старается, как может, расширить его кругозор, рассказывая ему о прочитанном ею. Она настояла, чтобы отец прочел «Мастера и Маргариту». И была счастлива, когда он, осилив эту книгу, благодарно сказал: «Спасибо, дочка, хорошая, хотя и трудная книга. Не все я, правда, понял, разъясни-ка мне кое-что». И разве такие отношения с дочерью не счастье, не гордость для отца? Однако в этой семье образована мать. Она взяла на себя эту сторону воспитания детей. И мать подбирает детям книги, которые обязательно следует прочесть, она беседует с ними о живописи и музыке. Всей семьей они бывают в театре, в музеях.

В этой семье истинно мужествен отец, женственна мать. Оба полны достоинства, того естественного достоинства, которое так ценится в людях. И дети естественно впитывают истинную мужественность и женственность, непоколебимое чувство достоинства, присущее их родителям. А это так важно! Ведь дети не должны видеть своих родителей униженными. На глазах у детей не склоняются ни перед кем, что бы ни случилось. На глазах у детей ни перед кем не заискивают, никому не льстят, ни перед кем не ползают! Дети должны видеть родителей с высоко поднятой головой и запомнить их такими. Стоящие на коленях малы ростом и воспитывают пигмеев. Какова посадка головы у родителей, такова она и у детей. Сын Суворова и по

поведению, по высоко поднятой голове был сыном человека с непоколебимым чувством достоинства, сыном человека, не склонявшего голову и перед императором.

Дети никогда не должны видеть своих родителей растерявшимися, жалкими и запуганными. Всего одного случая, когда отец потерян, испугался, заюлил перед кем-то, достаточно, чтобы его образ рухнул навсегда. Это потрясает детей, комплексует их, запоминается на всю жизнь. После такого отцу уже не верят. Взрослые понимают, что и у мужественного бывают минуты слабости. Дети этого не понимают. Дети, если безоговорочно смелый сверстник всего один раз струсил, не помнят его смелым, но крепко помнят, когда он струсил. И единожды струсивший становится в их глазах трусом навсегда.

В семье, о которой идет речь, отец и мать уверены в себе. У всей этой семьи естественное чувство достоинства! Принято восхищаться мужеством воинов. Но как-то не принято говорить о мужестве тружеников — рыбаков, земледельцев. А ведь высокое чувство достоинства и свободы присуще им не в меньшей степени, чем воинам. Не все знают, что викинги-труженики — рыбаки, ремесленники и земледельцы — вытеснили из своей страны викингов, разбойничавших на морях. В этом им помогло несокрушимое мужество, чувство достоинства и жажда свободы, справедливости. Так вот, описанная мною семья — это семья мужественных тружеников!

В этой книге я много внимания уделяю эгоизму. Как огорчает родителей эгоизм взрослых детей! Однако и он от родителей. Разве могут быть эгоистичными мальчик и девочка в семье, о которой я пишу, если эгоизм органически чужд их отцу и их матери, если отец и мать помогают всем и дети слышат слова благодарности родителям со всех сторон, если отец сделал косметический ремонт в квартире чужой одинокой старухи, а мать постоянно покупает продукты одинокому инвали-

ду, тоже совершенно чужому человеку. Как могут быть эгоистичны дети в этой семье, если отец, увидев, что соседи переезжают, помог им перетащить мебель, берясь за самое тяжелое. И все это как само собой разумеющееся, все это естественно. Ведь то, что соседи переезжают, отец увидел, когда шел гулять с сыном. Сыну же, выразившему недовольство непредвиденной задержкой, отец сказал просто: «Надо помогать людям, сынок...»

Эгоистами нередко становятся и дети как будто неэгоистичных родителей. Так, одна из моих пациенток потрясенно жаловалась мне на своих детей: «Я ведь недоедала, недосыпала! Я жила только для них, забывая о себе, а они такие эгоисты...» Однако если для человека важно только благополучие собственных детей, это тоже эгоизм, яростный и извращенный!

У меня была тетя. Во время войны мы жили вместе с ее семьей. Она, как и моя мама, осталась без мужа и в эвакуации временно не имела работы. И вот, чтобы прожить, она, приберегая свои вещи, меняла на продукты вещи моей мамы, а львиную долю полученного отдавала своим детям, сыну и дочери. Я был маленьким, но хорошо помню, как ее дочь, моя двоюродная сестра, по детской глупости дразнила меня, показывая хлеб, посыпанный сахарным песком, который ей тайком совала ее мать. Я возмущенно жаловался своей маме, но моя мать была беззащитной, беззащитной той интеллигентностью, когда человек краснеет и молчит, видя, как его обвешивают, обсчитывают, когда человеку стыдно за тех, кто его обкрадывает. Да и потом это была ее сестра, и она ничего не могла с ней поделать. Когда у нас уже ничего не осталось, тетя со своими детьми уехала к другой сестре. Через много лет, уже взрослым, я узнал, что она тяжело страдает от жестокого эгоизма своих детей. А в семье, о которой я пишу, два года жил племянник, пока его мать, перенесшая

тяжелый ожог, пластическими операциями восстанавливала формы своего лица. И в течение двух лет племянник чувствовал себя в этой семье так, будто в ней и родился.

Родительская семья должна остаться в памяти каждого как олицетворение добра, нравственности и мудрости. Детство должно быть таким, чтобы человек, вспоминая о нем, мог сказать: это было время, когда меня любили, когда меня понимали, когда я был счастлив, безмятежен и защищен; это было время, когда само собой, на примере жизни родителей я постиг, что такое доброта, что такое мудрость, постиг бессмертную связь: бабушки и дедушки — родители — я, а с этим любовь, чувства долга и ответственности.

Вот эта сторона поведения родителей, когда мудрость и доброта в отношениях с ребенком запечатлевается как родительский образ, как счастливое детство, как пример отношений вообще, нередко проявляется в самом малом, житейском, будничном, но это-то и важно! Приведу примеры родительской мудрости и доброты, проявлявшейся, казалось бы, и вовсе в малом. Н. А. Менчинская писала в своем дневнике, как ее двухлетний сын, не желавший убирать разбросанные игрушки, сделал это охотно, когда мать спросила, куда он хотел бы их убрать. Он заинтересовался, подумал и с большой охотой тут же положил на место все игрушки. А ведь можно было крикнуть, топнуть, принудить. Ребенок скорее всего и не вспомнит это конкретное, эту мелочь, но из таких мелочей — память. Мама запомнится ему не гневливой, не принуждающей и оскорбляющей принуждением, а такой, с которой было так весело, так хорошо, так интересно, так по-доброму и так естественно.

Д. Сёлли сказал ребенку, что его лошадка хочет, чтобы он вымыл руки и поел без капризов. Ребенок тут же выполнил желание лошадки. Казалось бы, что тут осо-

бенного? А особенное в том, что малыш охотно и радостно выполнил необходимое, что он привыкает к порядку без слез и протеста, привыкает к любви, доброте, а не к обидам и озлобленности. Ребенок при таких отношениях с матерью и отцом не нарисует их «крокодилами» — кричащими, истеричными, с перекошенными лицами. Он запечатлевает их мудрость, их спокойствие, их доброту.

Приведу еще несколько примеров мудрости и доброты родителей, проявившейся и в самом малом. Как-то отец маленькой девочки сказал ей при мне: «Пойдем, я тебя умою». Его двухлетняя дочь наотрез отказалась выполнить просьбу. Мать нашла выход из создавшейся ситуации, позвав дочь: «Беги ко мне быстрее, надо умыть куколку...» Девочка прибежала тут же, умыла куколку, а заодно охотно и старательно умылась сама. Принципиальность же и ответственность момента состояли в том, что девочка так и не подчинилась бы диктату отца, победила бы его в этом, казалось бы, незначительном эпизоде, а отсюда могло бы развиваться обыкновение игнорировать слова отца, обыкновение своевольничать. Могло быть и другое: отец, разгневавшись, умыл бы девочку силой. А такое запечатлевается в неосознаваемом навсегда, и между отцом и дочерью пробежала бы черная кошка. Однако благодаря разумному вмешательству матери ситуация разрядилась.

Бертран Рассел предупредил своего сына, когда ему было три с половиной года, что если он сразу съест много шоколада (подарок к празднику), то заболит. При этом он позволил мальчику съесть шоколада столько, сколько тот хотел. Мальчика вырвало. Малыш сказал: «Папа, ты был прав». И с той поры верил отцу. В другой раз Бертран Рассел запретил сыну бродить босиком в ручье, так как там могли оказаться стекла, прошел с мальчиком вдоль ручья большое расстояние, пока действительно не нашел в нем битые стекла. Сын еще раз

получил урок мудрости и доброты, еще более возрос авторитет отца и доверие к нему и его словам. Так и формируется в сознании ребенка облик родителей, формируется как пример для их собственной жизни, как стержень собственной личности. И из таких впечатлений детства складывается отношение к жизни, к родителям, как, например, у Лидии Чуковской, тепло, светло и с любовью вспоминающей в книге «Памяти детства» о своем отце — Корнее Ивановиче Чуковском.

Пример с Расселом — пример мудрого и доброго запрета на нечто опасное. Однако запрещают и многое другое, что объединено одним принципиальным понятием «нельзя!». И запрещая что-то, следует быть непреклонным. В этой непреклонности — мудрость. Вместе с тем мудрые родители всегда думают, прежде чем что-то запретить малышу или что-то отнять у него, чтобы его крик, отчаяние (а это следует предвидеть) не заставили тотчас же отменить запрет или вернуть отнятое, укрепив тем самым власть ребенка и умалив свою, дав дурной пример на будущее. Но запретив что-то, уже не отступают от запрета. Иммануил Кант по этому поводу заметил: «Всякий отказ должен быть дан раз и навсегда. Тогда в результате получится, что не придется часто отказывать» (1896, с. 49). Естественно, говоря это, Кант имел в виду, что отказ должен быть обоснован, не быть плодом самодурства! А главное, дети должны видеть, что и сами родители отказываются от желаемого из чувства ответственности, долга и любви. Вот заболела бабушка — и родители не пошли в театр, а ведь так хотели, так ждали этого дня. Вот и мудрость, вот и глубинная доброта, всегда вытекающая из мудрых поступков, вот и родительский пример.

* * *

Три главы этой книги, следующие одна за другой, — о натуре человека, установках неосознаваемого психиче-

ского и эта, о примере жизни родителей, — ключевые. И завершая последнюю из них, подведу итоги, подчеркнув важнейшие условия и задачи семейного воспитания.

Вначале об условиях. Материальные и бытовые условия жизни детей безусловно важны. При материальной и бытовой стесненности труднее воспитывать уверенных в себе, с высоким чувством достоинства и «незакомплексованных» людей. Труднее, но все-таки возможно. И не эти условия главное в воспитании. Лучший в мире детский дом, если иметь в виду материальное и бытовое положение детей в нем, не заменит отца и матери. В весьма стесненных материальных и бытовых условиях при хорошем воспитании вырастали и вырастают хорошие люди. И примеры тому неисчислимы.

Главное же условие доброго семейного воспитания заключается в том, что родители должны сами быть такими, какими они хотят видеть своих детей (имеются в виду, конечно, хорошие дети). Здесь следует подчеркнуть одно принципиальное обстоятельство. Родители могут быть дурными людьми, но считать себя лучше других, лучше истинно хороших и быть весьма довольными собой. Так видеть себя и так оценивать себя и других помогает психологическая защита — одно из самых удивительных проявлений неосознаваемой сферы психики человека. Именно она, психологическая защита, творит с людьми поразительные превращения, приводя их к столь же чудовищному, сколь и к искреннему самообману! И бездарный, ограниченный человек считает себя умным и безмерно доволен собой, а подлец учит жить высоконравственных и, будучи абсолютно уверенным в своей правоте и непогрешимости, судит, и судит высокомерно, презрительно о самых светлых умах и душах. Так, безмерно довольные собой, ограниченные и дурные люди освистывали Андрея Сахарова... Однако психологическая защита ограниченных и дурных людей

обманывает только их самих да еще таких, как они. Но ложь рано или поздно оказывается наказанной. Наказанной, как чудовищная ложь, оказывается и психологическая защита у дурных людей. Это наказание — в их детях, которые будут такими же, как и их родители. И все дурное не только исказит судьбу самих детей, но и обратится в первую очередь против их родителей. Здесь уместно сравнение с инфекцией. «Вирусы» лжи, злобы, ненависти, зависти, самодовольства ограниченных в знании и в нравственности людей — заразны. А при тесном контакте, какой имеет место у родителей с детьми, заражение неизбежно.

Я полагаю, что в семье нет другого пути воспитания хороших людей кроме альтруистического. Фундаментом же альтруизма является религия и природное наличие в каждом человеке инстинкта альтруизма. И нет другого пути в воспитании детей, как путь искреннего, безоговорочного принятия родителями ценностей альтруизма.

При этом родители должны жить так, вести себя так, чтобы дети верили в их альтруизм. После десяти лет, повторяю, у ребенка возникает естественное стремление верить прежде всего своим глазам, своим ушам, своему разуму. И ребенок должен видеть и слышать то, что укрепляет в нем веру в своих родителей, в их искренность, в их разум, в их доброту, в их правду, в их опыт. Тогда и дети искренни с родителями, доверяют их советам, руководствуются их правдой и их отношением к жизни, а не идут за советом и правдой к группе асоциальных подростков в подворотне или за торговые ларьки.

Русский философ Иван Александрович Ильин пишет: «Верят — все люди... Веруют же — далеко не все: ибо верование предполагает в человеке способность прилепиться душою (сердцем, и волею, и делами) к тому, что действительно заслуживает веры... В карты, в сны, в

гадание, в астрологические гороскопы — верят, но в Бога и во все божественное — веруют» (1994, т. 2, с. 84—85). И ребенок, если его родители веруют в доброе, в возвышенное, будет веровать в то же самое. Ведь любой человек всегда кому-то верит и во что-то верует. И все дело лишь в том, кому верят и во что веруют! Если ребенок не верит родителям, он верит приятелю, вожаку подростковой группы, еще кому-то; если он не верует в добро, он верует в зло.

Я абсолютно уверен, что в этом мире истинно только верование в Бога, а уж как веровать — дело совести и разума каждого. А если веруют в Бога родители, веруют в Бога и их дети. И это всегда хорошо. Только веровать следует искрение, ибо ложь и фальшь могут быть и в этом. Тогда дети не верят и не веруют. А это всегда плохо.

Теперь о задачах, целях воспитания. Детей надо вырастить здоровыми, умными и нравственными людьми. И все это, как уже понимает читатель, взаимосвязано и взаимообусловлено. Что касается физического здоровья детей, то об этом — неисчислимая масса книг. И я отмечу лишь одно: давно и мудро сказано, что «в здоровом теле — здоровый дух». А я лишь добавлю, что здоровым будет только тот, кто психически и физически гармоничен. Что касается умственного развития ребенка, то здесь, в выводах, буду столь же краток. Дети вырастут умными, если их учат ориентироваться в себе и в своих переживаниях («познай самого себя!»), в других людях, в жизненных обстоятельствах и ситуациях, в истинном и ложном, в добре и зле, в главном и второстепенном, в иерархии ценностей — в том, что для мудрого и нравственного человека должно по важности быть первым, что вторым и что третьим. Ребенка следует научить самостоятельно и эффективно мыслить, принимать решения и предвидеть последствия этих решений.

Что же касается нравственности, то ее формирует «альтруистическое воспитание». Сформулирую максимально кратко основные характеристики альтруизма, вытекающие из моего представления о нем в рамках концепции инстинктов. Напомню лишь, что в основе инстинкта альтруизма и «альтруистического» профиля личности по инстинктам лежит гармоничное сочетание духовной женственности и мужественности. И тогда формула альтруизма состоит в следующем.

- Готовность и потребность человека верить в Высшее начало (что и реализовалось в религиозности), верить в то, что есть высший смысл в жизни, что есть Высший Судия — совесть.

- Непокколебимая надежда на лучшее, что бы ни происходило, что бы ни случилось, что бы ни случилось вчера и сегодня с человеком.

- Светлая, многогранная любовь к жизни, к природе.

- Терпеливость, вытекающая из чувства долга, из ответственности, из веры, надежды и любви, как терпеливость матери, терпеливость ухаживающего за парализованным отцом, терпеливость врача и педагога, исследователя и ткачихи, земледельца и рыбака.

- «Мудрость сердца», сочувствие и готовность помочь попавшему в беду, интуитивное понимание состояния других людей и того, что истинно, а что ложно, что есть добро, а что есть зло.

- Благодарность.

- Отвага, активность, динамизм.

- Стремление к полноте жизни, интерес ко всему сущему на свете, ориентация в равной степени на то, что составляет круг Я, и на то, что составляет круг «мы», на все и за пределами интересов Я.

- Созидательная агрессивность как ядро мужественности, когда легендарный Фархад пробивает скалу, чтобы открыть воде путь в долину, когда исследователь преодолевает все препятствия и трудности на пути к открытию.

- Чувство меры во всем.
- Оптимизм.
- Дружелюбие.
- Свобода, достоинство.
- Великодушие, готовность к прощению и раскаянию.
- Ответственность, личная ответственность за свою жизнь и судьбу, без упования ни на что и ни на кого.
- Жизнь в согласии со своей натурой.

И, повторяю, все это в задатках, в самой природе ребенка, в его профиле личности по инстинктам, в инстинкте альтруизма. Родителям следует только развить все это мудрыми установками, внушая и убеждая примером собственной жизни, искренним, мудрым и нравственным словом, альтруистическим мировоззрением.

И если все это будет развито в ребенке, укреплено альтруистическими установками, он будет и естественно эгоистичным — будет любить себя, но понимая, уважая, соблюдая при этом интересы других, умея любить других. Он будет естественно заботиться о своем здоровье, но понимая при этом боль других.

Он будет любить свою семью, что естественно, но не замкнется лишь на этой любви, лишь на семье, а будет жить многокрасочной, многообразной жизнью, как это присуще «альтруистам».

Он будет страстным исследователем, но при этом не станет односторонним. Реализуя в творчестве тенденции Я, он творит для всех, альтруистично.

Он будет лидером, но лидером альтруистичным.

Он будет свободным, не ущемляя свободы и интересов других. Он будет свято хранить свое достоинство, но не упадет в гордыню!

И тогда остаются только два дополнения ко всему сказанному выше. Все народы, добившиеся в своих странах благоденствия, высоко ценят трудолюбие как одно из важнейших качеств человека. И у всех без исключе-

ния народов презирают тех, кто способен трудиться, но не трудится. Иммануилу Канту принадлежат слова: «Ребенок должен играть, он должен иметь часы отдыха, но он должен также научиться работать» (1896, с. 55). А Кант о пустяках не говорил. Великий философ в своей книге «О педагогике» смотрел в корень задач воспитания, писал мудро и о главном. И тот, для кого труд естествен и необходим, хорошо воспитан!

Трудолюбивый, как правило, ответствен. Ответственный — самостоятелен и опять-таки, как правило, не лжив. Лживость Кант оценивал как большое зло, из которого произрастает много дурного в человеке: трусость, коварство, беспринципность. И Кант писал: «Если ребенок лжет, то следует пустить в ход стыд и лишить его уважения».

Мысль Канта о том, что из одного плохого качества произрастают десять таких же, глубокая мысль! Однако точно так же из одного хорошего качества, если привить его ребенку, вырастают многие такие же качества. Иными словами, если трудолюбивый ответствен, то, привив ребенку трудолюбие, его тем самым подвигают к ответственности, а отсюда, как бы само собой — к терпеливости и чувству меры, к правдивости, к ответственности за свою жизнь и судьбу, к искренности, открытости, дружелюбию, великодушию, т. е. ко всем качествам истинного труженика. И таким образом, прочно привив ребенку одно доброе качество, в нем возвращают целый куст альтруистических качеств.

И второе важное дополнение. Напоминаю, что, по Канту, наказание за лживость — лишение ребенка на некоторое время уважения. Кант полагал, что лишение уважения — самое горькое и самое сильное лекарство для ребенка. И второе мое дополнение — об этом.

Уважайте ребенка! Одна из главных задач воспитания — вырастить человека, уверенного в себе. Такую

уверенность во многом и рождает уважение к ребенку. Если ребенка не уважают, он и сам не уважает себя. А это — самое большое зло. Не уважающий себя — не личность, он потерял самого себя, он и сам никого не уважает, в том числе и родителей. И тогда воспитание невозможно, поскольку тот, кого не уважают, не воспитатель.

Не уважающие самих себя — рекруты асоциальных групп подростков и взрослых. Неуважение к себе неотвратимо ведет к «комплексу неполноценности», к неуверенности в себе. А мучительно неуверенный в себе жалок. Он заведомый неудачник. Он начинает любое дело, заранее полагая, что проиграет его. Он уступает всем и каждому, хотя имеет все права на желаемое им. Он отказывается от заветной цели. И неуверенный в себе, он не сможет реализовать свое природное призвание. Он обречен на неудовлетворенность собой и своей жизнью, что неизбежно приведет его к болезни. Так сливаются душевное и физическое нездоровье.

Есть в вышеизложенном и еще одна неожиданная деталь. Плутарх как-то заметил, что народы Древней Азии были рабами жестоких тиранов потому, что не решались произнести слово «нет!». Это мудро и актуально для всех народов и во все времена. Это мудро и актуально для каждого человека в отдельности. Неуверенный в себе не способен сказать «нет!», несамостоятелен, идет за другими и часто — не за лучшими, а потому постоянно попадает в беду. Он раб лидера асоциальной подростковой группы. В этом же ключе приведу слова из «Максимов» Честерфилда: «Результат хорошего воспитания — достоинство, которое самые заносчивые люди всегда уважают... Хорошее воспитание надежнее всего защищает человека от тех, кто плохо воспитан» (1971, с. 248).

О неуверенности в себе говорилось много в этой книге. Добавлю лишь одно: если ребенок вырастет

неуверенным в себе, все воспитание его не стоит и гроша! И люди, воспитанные в духе альтруизма, духовной мужественности и женственности в гармоничном их сочетании, свободные, с непоколебимым чувством достоинства — уверены в себе!

Глава 14

ТИПЫ НЕПРАВИЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ. НЕБЛАГОПРИЯТНЫЕ УСЛОВИЯ ЖИЗНИ

*Уму не под силу долго разыгрывать
роль сердца.
Любовь одна, но подделок под нее —
тысячи.*

Франсуа де Ларошфуко

Сталкиваясь ежедневно как психотерапевт с последствиями неправильного воспитания, я выделил и описал неправильное воспитание по типу «неприятия» (1977). В личных отношениях человека, как уже указывалось, огромное значение имеют неосознаваемые мотивы. Если говорить об отношении родителей к ребенку, то это любовь или ее отсутствие. Отсутствие любви к ребенку, когда его отвергают неосознаваемо, «сердцем», и есть неприятие.

Не любить свое дитя противоестественно. В таком не признаться и самому себе. Такое безоговорочно осуждается всеми. Поэтому осознание этого факта подавляется. Соответственно не осознаются и причины неприятия. Неприятие может быть первичным, когда рождение ребенка было изначально нежелательным (не планировали его появления, хотели вначале «пожить для себя», беременность стала причиной вынужденного брака, в период беременности женщина развелась с мужем и ребенок от него нежелателен и т. д.). При первичном неприятии беременность протекает плохо, поскольку в неосознаваемом жажда избавиться от нее, что приводит к угрозе выкидыша. Неосознаваемые тенденции мощно влияют

на протекание родов. Поэтому и роды при первичном неприятии могут непроизвольно затягиваться. Нет потуг, и роды искусственно стимулируют, а ребенка буквально выдавливают, тянут. Однако роды могут быть и стремительными. Женщина непроизвольно ускоряет «освобождение» от плода. Так, мои данные, полученные при обследовании детей, причиной невроза у которых стало воспитание по типу «неприятия», свидетельствуют, что угрожающий выкидыш отмечался здесь примерно у 65%, а затяжные или стремительные роды — у 60% рожениц.

Я должен отметить, однако, что причины угрожающего выкидыша чаще иные и нередко он наблюдается у женщин, как раз страстно желающих иметь ребенка. То же относится к стремительным и затяжным родам. О неприятии как о причине этого можно говорить только в том случае, если оно проявляется в совокупности всех присущих ему признаков, о чем пойдет речь дальше.

После родов, в первые месяцы жизни ребенка, если он чем-то сильно разочаровал, может возникнуть вторичное неприятие (также неосознаваемое). Причиной его оказывается, например, появление девочки вместо ожидавшегося мальчика или появление ребенка, разительно не похожего на родителей, когда «неизвестно, в кого он», или, того хуже, «неизвестно, чей он» (с позиции ревнивого мужа, и тогда неприятие — у него). Причиной вторичного неприятия может стать и некий физический дефект, смущающая «некрасивость» ребенка, все, что вызывает досаду относительно его данных. Вторичное неприятие иногда возникает намного позже после рождения ребенка (родители ребенка развелись после его рождения, враждуют, а малыш похож на отца и обликом, поведением постоянно напоминает о нем; выявились умственное отставание, генетический дефект; ребенок с невропатией бессонными ночами, требовательным криком измотал мать, а она эгоистична, инфантильна, не созрела для трудностей материнства; мать одинока, а ребенок стал препятствием для устройства личной жизни — «заел жизнь» и т. д.).

При неприятии у матери могут быть настолько тугие соски, что ребенку не получить ни капли молока из «каменной» груди, нередко наблюдается и «беспричинное» исчезновение молока у кормящей. При неприятии глаза у матери равнодушные, руки неласковые, жесткие, как у добросовестного, но выбравшего профессию не по призванию врача, в ее голосе, когда она обращается к ребенку, звучит раздражение, она не улыбается ему и ее уход за ним казенный.

Уже грудной ребенок неосознанно улавливает отсутствие материнской любви. Но ведь она для него сверхпотребность, в материнской любви для ребенка защита, безопасность! Поэтому неприятие порождает в нем страх. Он повышенно плаксив, обидчив, часто подавлен, много болеет. При неприятии материнское молоко «горькое», а нелюбящих рук исходят «не те токи». Если жизнь начинается так, это печальное ее начало.

При неприятии все в ребенке раздражает его родителей, все вызывает досаду, что и является одним из основных признаков упомянутого типа неправильного воспитания. Малыш и «ест не так», и плачет слишком много», «требователен», «капризен». При неприятии мать слишком часто называет дочь «безрукой», отец сына — «рохлей, балбесом» и оба вопрошают: «В кого вы такие уродились?» На ребенка постоянно сердятся, его все время ругают, ему ничто не прощается. Родители искренне полагают, что им не повезло с ребенком: «У людей дети как дети, а у нас...» Скажи им, что напрасно придираются к нему, — обидятся, возмутятся: «Мы воспитываем, мы желаем ему добра». Однако воспитание здесь подменяется жестким контролем и суровыми санкциями.

При неприятии родителям часто не до ребенка, на него почему-то постоянно не хватает времени, до него «никак не доходят руки». Его передоверяют бабушке, под разными предлогами, всегда «объективными», отправляют к ней в другой город. И искренне верят, что

это делается «для его пользы», что там ему лучше. Непринятого ребенка часто кладут в больницу, «чтобы хорошо подлечить», хотя лечить можно было и дома. Его каждый год отправляют в санаторий, «чтобы он окреп». Но ребенок воспринимает санаторий однозначно: папа и мама им недовольны. Постепенно он приходит к пониманию, что от него хоть на время хотят избавиться.

Я лечил большое число детей, навязчиво выдергивающих у себя волосы на голове, ресницы и брови. Сложилось впечатление, что многие из них, обезображивая себя, неосознаваемо как бы наказывают себя сами. Каждому из них я задавал вопрос: «Что тебя больше всего беспокоит?» Отвечали разное, но нередко, проникшись доверием, вдруг горько спрашивали: «А родители у меня родные? Может, я подкидыш?»

Неприятие — самый драматичный тип неправильного воспитания. Дети рано или поздно осознают, что родители их не любят. Сделав столь потрясающее открытие, ребенок, как и его родители, противится осознанию этого факта, тем более что прямо о нелюбви ему не говорят. Обманывая себя, родители обманывают и ребенка, утверждая, что любят его.

Однако реальность рано или поздно открывает ребенку глаза на истинное положение вещей. А родители? Неужели они остаются слепыми до конца? В большинстве случаев именно так и происходит — не прозревают. Чем сильнее неприятие, тем невыносимее для родителей признать это. Но многие все же приходят к пониманию этого печального факта. Отец одного из моих пациентов попросил выслушать его в отсутствие сына и жены. Он рассказал, что в силу сложившихся семейных обстоятельств старшего сына до трехлетнего возраста растил он. Младший в раннем детстве рос без него. Когда старшему исполнилось восемь лет, а младшему четыре года, отец вернулся из длительной командировки и вплотную принялся за воспитание обоих сыновей, но вскоре осознал: старшего

любит, младшего нет. К старшему он относился критичнее, требовательнее, чем к младшему, но старший тем не менее ощущал: отец его любит. Младшему все прощал, ни в чем не отказывал, так как «был виноват перед ребенком», но младший чувствовал: отец его не любит. Младшего и направили ко мне с неврозом.

Приведенный пример свидетельствует о том, что осознать факт неприятия трудно, но возможно. Надежда подвигнуть к такому осознанию в каждом случае неприятия заставляет меня говорить о столь драматическом типе неправильного воспитания и на страницах данной книги.

Осознав факт неприятия, необходимо приложить все усилия, чтобы смягчить его неблагоприятные последствия. «Насильно мил не будешь» — гласит русская поговорка, и тут ничего не поделаешь. Однако когда речь идет о собственном ребенке, не следует при неприятии его симулировать любовь, ни в чем ему не отказывая, пытаюсь столь примитивно искупить вину перед ним. Осознав, что ребенок не принят сердцем, родители, контролируя свое поведение, могут и должны относиться к нему справедливо, проявлять терпение, такт, деликатность и уделять ему максимум внимания. Внимание, стремление понять ребенка в тех случаях, когда «сердцу не прикажешь», смягчают отсутствие любви. Ну не любят, что тут поделаешь! Однако хотя бы справедливы, стараются понять. Нет и ситуации, когда «бьют и плакать не дают». Одним словом, жить можно. Ну а вырастет — и тогда, как говорят, «прощайте, дорогие родители...». К счастью, такое, чтобы в семье ребенка не любил никто, бывает редко. Не любят родители, но горячо любит бабушка. Она согреет сердце малыша, а родители уважительным отношением к нему исключат неблагоприятные последствия этого типа неправильного воспитания.

В чем же выражаются неблагоприятные последствия неприятия? В одном случае при неприятии ребенка су-

рово контролируют, жестко наказывают и он живет в условиях строгого режима; в другом — к нему относятся истерично, протестно и он растет в атмосфере нескончаемых претензий; в третьем, наиболее частом, — на него не обращают внимания, самоустраиваются от его воспитания.

При жестком контроле у ребенка подавляется доминирующий у него инстинкт и темперамент. Природное в ребенке претит родителям, и характер волюнтаристски лепят таким, каким его хотели бы видеть. При истеричном, протестном отношении к ребенку в нем подавляются одни черты натуры, чаще всего альтруистические, и соответственно заостряются другие — эгоистичные, агрессивные. В результате у него обостряется инстинкт самосохранения и подавляется инстинкт альтруизма. Подобное происходит в результате протестной истерической реакции ребенка на протестно-истерическое неприятие его родителями. Заострение одних черт натуры при давлении других проявляется в характере, естественно, в таком случае нелегком. Если же на ребенка не обращают внимания, он живет и развивается как будто в соответствии с натурой. Однако это не так. Отсутствие воспитания приводит к эгоизму и неразвитости инстинкта альтруизма. Природное в человеке — драгоценный камень. Однако без огранки путем воспитания оно тускло или грубо и не радуется красотой бриллианта.

Отсутствие воспитания — тоже воспитание. Безнадзорность, дурные влияния при безнадзорности также воспитывают. Не ощущая внимания к себе, ребенок становится равнодушным к другим или истеричным, протестным. Может отсутствовать направленное воспитующее влияние, но всегда есть косвенное. Ребенок живет в семье, и на него оказывает воздействие жизнь ее взрослых членов. Его воспитывают, когда все скрывают от него и когда жизнь родителей обнажена, когда в семье много говорят и когда все молчат. Воспитывают,

когда говорят о работе и о других, и тем, как об этом говорят; когда ссорятся или мирятся, когда семья дружна или каждый сам по себе; воспитывают, когда в семье кого-то третируют и когда отец — квартирант: приходит поздно, молча смотрит телевизор, читает, спит и утром неслышно уходит на работу. Все это тоже воспитание.

Родители добры или нет; удовлетворены они жизнью или завидуют всем и каждому; оптимисты или всегда «смертельно усталые» и им «все надоело». У них разные характеры, они к чему-то стремятся или нет, что-то предпочитают и чего-то не любят. Они радуются, печалются, негодуют, чего-то опасаются. Ребенок все видит, слышит, по-своему воспринимает и перерабатывает, на него воздействует буквально все, что уже само по себе означает воспитание.

Неприятие ребенка приводит в конце концов к неприятию родителей. Возникает взаимное отчуждение, что, в свою очередь, усугубляет взаимное неприятие. Неприятие порождает в ребенке чувство протеста. И тогда один непринятый ищет компенсацию — отдушину, утешение вне семьи. Подрастая, найдя компанию таких же ущемленных и безнадзорных, он праздно проводит время, манкирует учебой. В компании к нему проявляют внимание, встречают его с радостью, в чем он и нуждается. Там весело, и он забывает о своих горестях. Но на этом пути он становится трудным. В характере формируются черты неустойчивости, негативизма, особенно в отношении взрослых, и он поступает вопреки их советам и требованиям; чертами характера становятся необязательность, безответственность, эгоизм, отсутствие серьезных привязанностей, когда тот и приятель, кто с ним сегодня.

У другого непринятого формируется истероидный характер со склонностью к бурным сценам протеста с двигательной бурей, с потерей самоконтроля, элементарной сдержанности, с демонстративным поведением,

когда в гневе рвут рубаху на груди, наносят себе порезы и столь же демонстративно предпринимают попытки самоубийства. Вызывающее поведение наблюдается и вне семьи. В этом случае чертами характера становятся эгоистичность, лживость, манерность, склонность всегда и во всем обвинять других, начиная от родителей и кончая всеми окружающими. Здесь особенно отчетливо видно, к чему приводит подавление в натуре ее альтруистической стороны.

Третий непринятый протестно замыкается в себе. И тут возможны два пути: формирование пассивности, апатичности в характере или эгоцентрической тенденции превзойти других за счет фанатичных усилий, когда пренебрегают здоровьем, упускают саму жизнь, надрываются, стремясь доказать всем, всем, всем, что к нему были несправедливы, что он лучше тех, кого любили.

Четвертый непринятый не протестует, терпит, а в конце концов оказывается сломленным. Пятый не протестует, приспособливается, но у него складывается тревожно-мнительный характер.

Если ребенка не любят собственные родители, он нередко склонен к неуверенности в себе. Его не любят — и он не любит себя; в него не верят — и он не уверен в себе. Его считают «гадким утенком» — и он чувствует себя «гадким утенком».

Второй тип неправильного воспитания — «сверхсоциализация». Оно встречается все более часто и близко к неприятию. Ребенка хотят иметь не потому, что в нем есть глубокая душевная потребность, а потому, что «дети должны быть у всех». Ребенка ждут, неосознаваемого отвергания нет. Он появляется и завоевывает сердце, его любят. Но дело здесь в ориентациях родителей. Это — «правильные» люди. Дети у них потому, что «так должно быть», и соответственно воспитание их — «как должно быть». Читаются и пунктуально выполняются рекомендации по «идеальному» воспитанию. Ребенка не

берут на руки, даже если он заходится в плаче, поскольку «это непедагогично»; его кормят по часам, хотя он не хочет есть в положенный час и плачет от голода в неположенное время. Его укладывают спать, когда он разгулялся и сна у него ни в одном глазу. Малыша настойчиво заставляют говорить «здравствуйте», хотя он стремится уйти, или человек, с которым его непременно заставляют поздороваться, ему не нравится; он во что бы то ни стало должен сказать «спасибо», хотя подарок и тетя, подарившая что-то, ему не по душе. С ним занимаются, несмотря на его полное нежелание заниматься именно этим и именно в это время. Все в его жизни по полочкам, все строго регламентировано, все разделено только на белое и только на черное, на «хорошее» и «плохое», на дозволенное и недозволенное. Культивируется педантизм и чрезмерная пунктуальность.

Похвала воспитателя в детском саду для его родителей — высшее достижение ребенка, порицание — катастрофа. Если к завтрашнему дню нужно принести бумажных журавликов, его заставят вырезать их и клеить, даже если он нездоров. «Надо» гипертрофировано до абсурда. Отметки в школе — самоцель. «Удовлетворительно» — трагедия для родителей.

Как врач, автор иногда со страхом думает: а вдруг выйдет книга с врачебно-педагогическими рекомендациями и в ней будет допущена опечатка. Ведь «сверхсоциальные» истово выполнят и нелепость, заключенную в опечатке. В результате ребенок у «сверхсоциальных» как бы запрограммирован, формализован. Он чрезмерно дисциплинирован и чересчур исполнительен. И вот он и сам становится «правильным», сухарем и педантом. Теперь и для него похвала учителя и отличная отметка — самоцель. Сверхсоциальный ребенок сам отныне живет как робот, автомат. И для него теперь все только белое и только черное. Эмоционально он сдержан, ибо эмоции подавлялись с младенчества, так как эмоциональ-

ная сдержанность считалась признаком интеллигентности, а проявление эмоций — чем-то постыдным. И конечно, во всем ориентация на то, что скажут или подумают, как оценят его поступок другие. Когда он вырастет, то успехом для него будет только успех на работе.

При «сверхсоциальном» воспитании особенно подавляется темперамент, и наиболее жестко — сангвинический; в холерическом и флегматическом заостряются элементы упорства, следования к цели, трудолюбия, а другие черты этих темпераментов подавляются. Заостряются инстинкт доминирования, трансформируясь в таком случае в карьеризм, и инстинкт самосохранения, трансформируясь в эгоцентризм. В итоге у таких детей формируется сверхсоциальный или тревожно-мнительный характер, приводящий их к психосоматическим заболеваниям и даже к неврозу, если они терпят тяжелую неудачу или крах притязаний.

Третий тип неправильного воспитания — «тревожно-мнительное». Оно наблюдается в тех случаях, когда с рождением ребенка одновременно рождается и чрезмерная неотступная тревога за его здоровье и благополучие. Это антипод неприятия. Ребенка любят, но иступленно и поэтому не в радость ему и себе. Любовь превращается в страх потери того, кого любят.

Воспитание по типу тревожной мнительности нередко наблюдается в семье с единственным ребенком, а также в семье, где растет ослабленный или поздний ребенок. Характерно оно и для тревожных от природы родителей, когда обычные заболевания, травмы вызывают панику, а аппетит ребенка становится чрезвычайной заботой всей семьи, когда ночью встают несколько раз, чтобы поправить одеяло и «послушать, как он дышит», дотронуться до лобика — нет ли повышенной температуры. При «тревожно-мнительном» воспитании ребенка не выпускают из квартиры, поскольку «бывают разные случаи» и «на улице злые люди». Его провожают

в школу и встречаются, чтобы перевести через улицу, по которой не ходит транспорт, и просто «на всякий случай». Ему тревожно заглядывают в глаза и по несколько раз в день задают тревожные, озабоченные вопросы. Естественно, что ребенок запуган и очень рано сам становится тревожным. Теперь уже он трижды в день задает вопросы: «А я не заболею?», «А это не страшно?», а с пяти лет: «А я не умру?», «А вы не умрете?».

Данная аномалия воспитания несет в себе струйку сверхсоциальности, но не престижной, не тщеславной, а тревожной. Ребенка рано обучают иностранному языку, музыке, тревожно следят за учебой, чтобы обезопасить его будущее, дать ему преимущество «в борьбе за жизнь». В результате и он тревожно, мнительно воспринимает естественные обыденные трудности, отношения со сверстниками, тяжело переживает направление в ясли или в сад, школьную действительность. Ребенок в таком случае инфантилен, несамостоятелен, нерешителен, робок, раним и обидчив, мучительно не уверен в себе. Постоянное сдерживание, ограничение активности родителями, а позднее и чрезмерный самоконтроль, самоограничения приводят подавлению сангвинического и холерического темпераментов, а во флегматическом обостряют тенденцию к осторожности, рассудочности. Заостряется инстинкт самосохранения, и эти дети боятся даже собственной тени. Путь этих детей — в тревожность и мнительность на всю жизнь, в нервность или даже в невроз.

Четвертый тип неправильного воспитания — «эгоцентрический». В этом случае ребенку, часто единственному, долгожданному, навязывается представление о себе как о самодовлеющей сверхценности: он — «вундеркинд», он кумир, «смысл жизни» и т. д. При этом интересы остальных членов семьи нередко игнорируются, приносятся в жертву ребенку. Малейшие его прихоти удовлетворяются немедленно, желания предугадывают-

ся, нет ограничений, режима, дисциплины, понятия «нельзя». Он не приучен понимать интересы других, ждать своей очереди, не переносит малейших лишений, агрессивно воспринимает любые запреты и трудности. Такой ребенок расторможен, неустойчив. В результате у холерика заостряется агрессивность, его упорство трансформируется в упрямство, целеустремленность — в настырную требовательность и т. д. У сангвиника быстрота трансформируется в расторможенность, острословие — в болтливость и резонерство, подвижность — в суетливость, эмоциональность — в истеричность, уверенность — в самоуверенность. У флегматика медлительность перерождается в пассивность, упорство — в упрямство, а целеустремленность — в унылую зависимость от когда-то поставленной цели. У таких детей усилен инстинкт самосохранения, подавлен инстинкт альтруизма, и они — эгоцентричны.

При первой же встрече со сверстниками эгоцентричный ребенок терпит фиаско. Жизнь и сверстники немедленно ставят все на свои места. Никто не признает такого ребенка принцем, никто — кумиром. Его претензии вызывают смех или получают жесткий отпор. Эгоцентричного не терпят все, и он закономерно обречен на крах и одиночество. Обескураживающая встреча со сверстниками в яслях или детском саду, в школе для таких детей — психологический шок.

Я часто наблюдал их в первые дни посещения яслей или детского сада. Об их растерянности, своеобразном шоке свидетельствует даже внешний вид. В результате холерик срывается на протестное поведение, сангвиник впадает в истероидность, флегматик — в тревожность и мнительность. На смену самоуверенности приходит неуверенность в себе. Теперь эти дети испытывают то, что переживается при неприятии, в данном случае — неприятии другими, за пределами семьи. Привыкшему в семье к противоположному — к любви до обожания —

неприятие непереносимо. Последствия примерно те же, что и при неприятии в семье, но здесь доминирует истероидность.

Что же касается неблагоприятных условий жизни ребенка, способных исказить формирование его личности, то я объединяю их одним показателем — это все то, что тем или иным образом унижает ребенка. И это, безусловно, нищета, положение пасынка в семье, преследование в школе в связи с физической слабостью, недостаточными способностями к учебе, психофизическим дефектом, национальной принадлежностью к малому, «чужому» народу, агрессивность кого-то из членов семьи по отношению к ребенку и случаи сексуального домогательства по отношению к нему — одним словом, все случаи, когда ребенку горько, а он не способен ничего изменить, уйти, бежать из такой ситуации.

Униженными жизнью, средой, общественно-политическим строем, нищетой, собственной «неполноценностью» могут быть оба родителя или кто-то один из них, в частности положением зятя, невестки при доминировании в семье родителей жены, мужа. И чаще всего такое унижение родителей переживается ребенком как личное. Ведь унижены, запуганы, подавлены родители, естественно, унижены, запуганы и подавлены и их дети. Так у рабов и дети были рабами.

Детство должно быть счастливым. Естественно, что недоброжелатели есть у взрослого, но взрослый верно оценивает ситуацию и соответственно реагирует. Для ребенка такое непосильно, он не понимает, почему и за что его отвергают, преследуют. Он вообще не приемлет недоброжелательности по отношению к себе. Испытывая же недоброжелательность к себе, он переживает это затравленно, со страхом, как нечто безысходное, не понимая, что творится вокруг него. Обиды детства не забываются никогда, они хранятся в неосознаваемой памяти вечно и чаще всего — как комплексы!

Так, например, малыша отвергают сверстники. Родители недооценивают это обстоятельство, а переживания отвергаемого драматичны и причиняют ему психологический ущерб. Его отвергают воспитатели или учителя, и впоследствии, став взрослым, он не сможет вспомнить без содрогания время пребывания в яслях, детском саду, школе. Такое — частая причина детской нервности или трудности и должно вовремя замечаться родителями, серьезно оцениваться и исправляться. Чаще всего недоброжелательное отношение к ребенку со стороны сверстников и взрослых вызвано ошибками воспитания. Что-то в нем не устраивает, раздражает сверстников или воспитателей, учителей. Это «что-то» должно быть выявлено и устранено целенаправленным воспитанием! Один слаб, неловок, неумел, другой задержан в умственном развитии, третий чрезмерно конфликтен, четвертый вопиюще необязателен, пятый непомерно эгоистичен и т. д. Однако все это поправимо. Неправильное же воспитание, игнорирование той или иной грани гармоничного развития, альтруистичности приносит горькие плоды через нарушения отношений с другими. А ведь равноправные добрые отношения с другими людьми — важнейшая сторона адаптации человека в жизни. Если же дело не в ребенке, его следует вывести из неблагоприятной ситуации.

Итак, воспитание по типу «неприятия» стоит особняком, поскольку «сердцу не прикажешь». Но все остальные типы неправильного воспитания недопустимы для истинно любящих родителей, ибо последствия такого воспитания катастрофичны.

Неблагоприятные условия жизни, если ребенка любят, устраняются самым решительным образом. В бедности психотравматизирует только фактор униженности, и это тот случай, когда взрослые должны так реагировать на материальные и бытовые неурядицы, чтобы этот фактор был исключен! Гордым, не теряющим своего

достоинства можно жить и в бедности. Тому есть неисчислимы́е примеры из жизни. Имея детей, нельзя утрачивать оптимизм ни при каких обстоятельствах. Отвага, упорство и трудолюбие рано или поздно, но всегда поворачивают колесо фортуны. И добавлю только одно: моя семья была бедной, но моя мать не считала себя униженной, это была гордая и полная достоинства женщина. Не ощущал поэтому униженности бедностью и я, как и мой брат. Все же остальное — в руках родителей. Если ребенок унижен в школе, если ему там плохо, ситуацию не затягивают и узел развязывают или рубят! Если причина в самом ребенке, делается все возможное, чтобы ее устранить. Сотни детей на моих глазах вставали на ноги путем психотренинга, репетиторства, иных форм повышения интеллектуальных потенциалов, путем форсированной физической подготовки, освоения навыков самозащиты. Если же причина униженности ребенка не в нем, родители жестко и решительно вмешиваются в ситуацию. И тут допустимы любые меры, как при спасении ребенка на воде или при пожаре. Это и жесткий разговор с преследующими, унижающими ребенка, и уход из этой среды, школы, размежевание с агрессивным членом семьи. И тут, как у взрослых, когда при унижающей достоинство ситуации на работе дают смертный бой недоброжелателям или увольняются, переходят в другое учреждение, где может быть меньше зарплата, но сохраняется достоинство. Короче, неблагоприятные условия жизни — это все, что в жизни ребенка способно комплексовать его, и это недопустимо, это исправляется немедленно.

Глава 15

ДЕТСКАЯ КНИГА

Воспитание — прежде всего слово, книга и живые человеческие отношения... Умная, вдохновенная книга нередко решает судьбу человека.

В. А. Сухомлинский

Значение детской книги в воспитании ребенка не оценимо. Я пишу о том, что не воспитать ребенка без мудрости и великой нравственности, однако многие отцы и матери говорят мне, что зачастую не могут найти верные слова, примеры и образы, не могут выразить своих чувств так, чтобы они дошли до души ребенка. И в ответ на мои слова, что для полноценного воспитания необходимы не только мудрость, нравственность, но и талант, глубокое проникновение в психологию ребенка, часто звучит: «Не под каждой крышей, доктор, вы найдете мудреца, талантливого человека и психолога». А я отвечаю, что мудрец, талантливый человек, психолог и проповедник высокой нравственности, да еще и великий учитель живут в каждом доме. Ведь, перешагнув через века, с каждым из нас говорят Конфуций и Сократ, Гомер и Шекспир, Гете и Пушкин. Их слова обращены ко всем нам в Книге. Точно так же мудрые, талантливые, добрые воспитатели детства обращаются к ребенку в детской книге, а она — под каждой крышей, в каждом доме.

У каждого из нас были в детстве любимые книги. Причудливыми путями попадали они в наши руки и оставили неизгладимый след, во многом определяя вы-

бор нами своей судьбы. Книга заполняет маленькую комнату полчищами завоевателей, ратью защитников родной земли, ветрами всех широт, непроходимыми лесами, шумом океанских волн. Она соединяет времена: уводит в прошлое, возвращает в настоящее, зовет в будущее. И альтруистическое воспитание, на мой взгляд, уже давно осуществляется детской книгой! С книгой в дом ребенка входит весь мир, а это развивает в нем интерес ко всему сущему на свете, развивает альтруизм.

Одни и те же книги делали одного философом, другого — героем, третьего — писателем, четвертого — просто умным и человеколюбивым, пятому они не дали ничего, ибо каждый читал книгу по-своему, как и жил. Один смеялся над Дон-Кихотом, другой плакал, третий впервые задумался над тем, что есть добро и зло на этом свете. Общительный и замкнутый, «холерик» и «флегматик», счастливый, удачливый и обижаемый, обделенный счастьем, с отцом или без отца, сильный и слабый, здоровый и больной, решительный и робкий по-разному воспринимают одну и ту же книгу.

По-разному воспринимают одну и ту же книгу те, у кого нет комплексов, и те, у кого они есть, по-разному в зависимости от того, как жил, что пережито. Один читает «Графа Монте-Кристо» как приключенческий роман, другому он много говорит о нравах высшего общества во Франции в посленаполеоновскую эпоху, третий читает его с трепетом в сердце, ибо был обманут, предан, но не отомстил, а граф Монте-Кристо воздал подлецам по заслугам! И каждый находит в книгах то, в чем нуждается: мудрость, знания, образцы высокой культуры и нравственности, ответ на вопрос «почему?», ободрение, стимул к действию и, наконец, психотерапевта.

Книгу можно не понять, если ребенок не созрел для ее восприятия, или, того хуже, понять неправильно. Да и сами книги неравноценны, с ними, как писал Гельве-

ций, «можно попасть в хорошее и дурное общество». Выбрать книгу с учетом возраста, интересов, индивидуального развития ребенка нелегко, но необходимо. Книгу следует представить ребенку, подобно тому как знакомят с новым человеком, — рекомендуя, пробуждая интерес, настраивая на доброе знакомство. Для этого родители вначале сами перечитывают детские книги, если не помнят их, знакомятся со всеми новыми книгами для детей.

Детей, естественно, прежде всего интересует сюжет. Они торопят маму: «А что дальше?!» Но мать учит: «Не торопись, слушай внимательно, чтобы было интересно и дальше...» Она останавливается на поучительном, читает эмоционально, выразительно, потом, закрыв книгу, обсуждает прочитанное с ребенком. Она и повторит какой-то абзац: «Нет, ты только послушай, как хорошо сказано!», и обсудит с ребенком, что именно здесь хорошо, обсудит, где тут зло, где — добро, и вместе они посмеются над глупостью, жадностью, ленью, эгоизмом, пустым бахвальством отрицательных персонажей книги.

Разумеется, сюжет важен и нужен. Он пробуждает интерес ребенка. Судьба героя волнует его. И мать, стремясь использовать этот интерес для умственного развития ребенка, непременно спросит: «Почему он тебе нравится? А что, по-твоему, с ним будет дальше? А как бы поступил ты сам на его месте?» Пусть подумает, найдет нужные слова, пофантазирует. Это пойдет ему на пользу и откроет в нем много неожиданного и важного для родителей. Поступки героев книги учат многому, формируют установки, мораль, опыт. Что родительские нравоучения по сравнению с воздействием на ребенка любимых героев, потрясших его воображение!

Особенно полезны для воспитания ума и нравственности сказки. Мудрая сказка перешагивает через границы и века. Если бы Шарль Перро подарил детям только три сказки: «Золушку», «Красную Шапочку» и «Кота

в сапогах», он уже вошел бы в историю человечества с эпитетом «великий». Перро был писателем и теоретиком литературы, но именно сборник народных сказок, выпущенных в 1697 году, обработанных им с любовью и талантом, оставил его навечно в благодарной памяти людей. Если бы Ганс Христиан Андерсен написал только «Гадкого утенка» и «Новое платье короля», этого было бы уже достаточно для бессмертия. Ведь истинный шедевр боговдохновенен. Вдумаемся: девятнадцатилетний Петя Ершов вдруг, сразу создает «Конька-Горбунка», живет после этого еще тридцать пять лет, пишет что-то, издает, но ничего подобного, бессмертного! Когда пишут о таком, вспоминают «Марсельезу» и ее автора Руже де Лиля, когда в тридцать два года гениальный взлет, и ничего более — ни до, ни после. И лучшие детские книги как бы даны нам Богом, бессмертны. Так, навсегда останутся с детьми сказки Пушкина и то, что создал для детей Редьярд Киплинг.

Сказки для детей писали Сергей Тимофеевич Аксаков («Аленький цветочек»), Всеволод Михайлович Гаршин («Лягушка-путешественница»), Лев Николаевич Толстой («Три медведя»), Алексей Николаевич Толстой («Жарптица») и многие, многие другие авторы прошлого. Относительно недавно написали свои умные сказки Джеймс Барри («Питер Пэн, или Мальчик, Который Не Хотел Расти»), Астрид Линдгрэн («Малыш и Карлсон»), Льюис Кэрролл («Алиса в стране чудес»).

Сказка будит воображение, с нее начинается творчество ребенка. Сказка, по словам Самуила Яковлевича Маршака, учит мыслить, говорить, учит сопереживанию. Разве может не сочувствовать ребенок Золушке, Дюймовочке и не быть всей душой на стороне маленького, но отважного Рикки-Тикки-Тави? Сказка учит мужеству, упорству, трудолюбию, оптимизму.

В сказке, народной ли, созданной ли писателем, глупый попадает впросак, ленивый проигрывает, трус сме-

шон и жалок. В сказке добро торжествует над злом, мудрость над алчностью и злобой.

Сказка учит думать, прежде чем действовать, бороться и отстаивать свои права, считаться с интересами окружающих.

В сказке упорство преодолевает все препятствия, слабые, но мужественные, объединившись, побеждают дракона, правда посрамляет ложь, совершивший доброе дело обязательно будет удачлив. В сказке емкие образы, запоминающиеся слова, в ней в понятной для ребенка форме раскрывается связь причин и следствий, выделяется главное, основное.

Сказка отражает национальный характер. В русских народных сказках мудрость, великодушие, доброта сильных. В них, заметим, всегда мудр и добр сильный медведь. В сказке отражены символы, чаяния, взгляды на жизнь наших предков. И ребенок, сочувствуя, переживая, радуясь и негодуя, соучаствуя душою в развивающемся действе, приобщается к ценностям своего народа.

Ребенок сказке верит. Он живет в детстве, а оно само по себе сказочно. Родители иронией, насмешкой, равнодушием, холодным рационализмом зачастую разрушают сказку. И в сказке Джеймса Барри «Питер Пэн, или Мальчик, Который Не Хотел Расти» есть грустные слова: «...теперь ребята стали такие умные. Скоро они вообще не будут верить в фей. А ведь стоит сказать: “Я не верю в фей” — и сразу какая-нибудь фея падает мертвой». Дети, «Которые Не Верят в Фей», возможно, и будут умными, но, перешагнув через детство, станут ли они счастливыми, добрыми, оптимистичными, станут ли они творцами?

Знакомя детей со сказкой, не следует их пугать. Дети должны воспринять сказку радостно, без страха. Поэтому родители читают сказку, не нагнетая ужасов, спокойно, оттеняя радость, добро, ослабляя то, что пугает, усиливая то, что помогает преодолеть детские страхи, неуверенность, робость.

Очень важно, что сказка учит: зло вооружено и дракона побеждает только богатырь. Надо стать богатырем, чтобы помочь Аленушке и ее братцу. Сказка учит отваге!

Выбирая, какую сказку прочесть ребенку, родители учитывают его индивидуальность. Одному читают больше о трудолюбии, другому — о смелости, третьему — об отношении к братику, сестренке. Но самое главное, необходимое для всех детей без исключения — донести до ребенка заключенную в сказке доброту, отзывчивость к людям, стремление помочь, любовь к природе: к птицам, большим и маленьким животным, к лягушке и ящерице, к травинке и веточке.

Читая сказку, не следует забывать, что слушает ребенок. Недопустимо, когда один из взрослых ее упрощает, другой, напротив, все усложняет, один ломает язык, переходя на сюсюкающий, псевдодетский, другой читает сказку холодно и казенно. Одному сказка скучна, и он читает «ради ребенка», подавляя скуку и раздражение; другой читает для себя, с интересом, забыв о ребенке.

Читать ребенку сказку следует со всей возможной артистичностью. Вначале ее следует прочесть «про себя», для себя, изучить, освоить, как в театре изучают новую пьесу. Нет такого спектакля, который бы самые талантливые и опытные артисты сыграли «с листа», без репетиций, поисков, периода вживания в произведение. Сказка, да и любая детская книга, для ребенка — спектакль, действие, чудо. Он потрясен. Он видит то, что слышит, он переживает так, как нам уже не дано. Поэтому осторожнее со словом! Ребенок еще осваивает все нюансы и глубины родного языка. Он запечатлевает новое слово так, как мы его произносим. Кроме того, ребенок относится к слову по-иному, чем взрослый. Оно для него ново и поэтому полно тайны. Оно для него наполнено музыкой — успокаивающей или возбуждающей. Слова, все вместе и каждое в отдельности, весомы и рожают

эмоции. Читая, родители произносят слова четко, ясно, если надо повторяют, объясняют их смысл. Они терпеливо относятся к тому, что ребенок перебивает их чтение вопросами. Ведь это от интереса, от эмоций, от сопереживания!

Родители читают сказку на разные голоса. Читающий как бы ставит спектакль, в котором играет за всех. Волк говорит совсем не так, как мама-коза или Красная Шапочка. Голос волка отличают и козлятушки, и ребятаушки, и петушок. Не следует при этом и переигрывать. Все должно быть в меру, а главное — не пугать ребенка.

Читающий убыстряет темп чтения, когда действие быстрое, понижает голос, переходя на шепот, или форсирует его, если слова должны звучать торжественно или грозно. Перед новой главой или новой сказкой — перерыв, как в спектакле, а затем торжественное начало, чтобы ребенок проникся серьезностью момента. Читающий, естественно, останавливается на соответствующих иллюстрациях, тем самым помогая ребенку зримо, образно представить услышанное.

Мать читает ребенку сказку. Свет настольной лампы под абажуром не слишком ярк, и в углах комнаты полумрак. Но они сидят рядышком, и ребенку не страшно, ему неизъяснимо хорошо. Он отвлекается и смотрит в книгу, хотя еще не умеет читать. Но он привыкает видеть за этими сливающимися строчками смысл, слово. Никто и ничто не должно отвлекать мать и ребенка. Малыш — весь внимание, и если кто-то отвлечет их, ребенок получит урок бесцеремонности, урок отвлекаемости, неусидчивости. Когда Жерар Филипп перед сном рассказывал своим детям сказки, никто не имел права войти в их спальню!

До сих пор я говорил о сказках. Ну а рассказы для детей, стихи? Их писали Лев Толстой и Антон Чехов, Александр Куприн и Саша Черный, Самуил Маршак и Корней Чуковский, Михаил Пришвин и Виталий Биан-

ки, Константин Ушинский и Агния Барто. Много добрых детских книг, талантливых и мудрых, прекрасных стихотворений пишут и в наши дни. И все, что говорилось о сказках, относится и к рассказам, повестям для детей, и к стихам.

О стихах, однако, следует сказать особо. Они для детей не менее важны, чем сказки, ибо, глубоко воздействуя на неосознаваемое в силу своей ритмичности, музыкальности, образности, особенно эффективно формируют положительные нравственные установки. Самуил Маршак пишет: «Стихи умеют быть лаконичными, как пословица, и, подобно пословице, глубоко врезаться в память. Они способны передавать самые разнообразные интонации и темпы. Согласованные с дыханием, они могут подниматься до самых верхов человеческого голоса и спускаться до шепота. Сквозь прозрачную их форму ясно проступает рисунок мысли во всем, что в ней последовательно или противоречиво, едино или многообразно» (1961, с. 79).

Стихи глубоко воспринимаются ребенком, ибо в них особая действенность, энергетика, динамизм. Как пример такой действенности Маршак приводит строки из «Сказки о царе Салтане»:

Сын на ножки поднялся,
В дно головкой уперся,
Поднатужился немножко:
«Как бы здесь на двор окошко
Нам проделать?» — молвил он,
Вышиб дно и вышел вон.

И далее он пишет: «Радость действия, борьбы — вот что внушают читателю-ребенку эти шесть строк. И завершаются они победой: вышиб и вышел» (1961, с. 8—9).

Каждое слово в стихах рождается инсайтно, как озарение, в потоке вдохновения или с великим трудом отбирается поэтом из многих, многих других, в результате чего достигается максимальная точность и вырази-

тельность образа. В стихах — образность, символика, и ребенок впитывает их всеми фибрами души: ведь он и сам талантлив в выборе слова, вдохновенен, сам мыслит образами, и его неосознаваемое — безграничное и бездонное — жадно внимает стихам. С. Маршак пишет: «Поэт чувствует буквальное значение слова даже тогда, когда дает его в переносном значении. В слове “волноваться” для него не исчезают волны. Слово “поражать”, заменяя слово “изумлять”, сохраняет силу разящего удара» (1961, с. 113).

Стихи лаконичны, как лаконичен язык бессознательного. Они — афористичны. Приобщать ребенка к поэзии необходимо, используя стихи классиков, в которых каждое слово работает на создание образа, а связь их образует гармонию, в которой музыка ритма и рифм высвечивает и подчеркивает смысл.

Вдумаемся в слова Корнея Чуковского о значении поэзии для ребенка: «...есть среди нас миллионы существ, которые все до единого пламенно любят стихи, упиваются ими, не могут без них обойтись. Это — дети, особенно маленькие... Стихи для них — норма человеческой речи, естественное выражение их чувств и мыслей... они помогают ему (ребенку. — В. Г.) ориентироваться в окружающем мире, а также плодотворно способствуют совершенствованию его языка. Благодаря этим изящным словесным конструкциям, подчиненным гибкому музыкальному ритму, богато украшенным звонкими рифмами, ребенок играючи, без малейших усилий еще прочнее закрепляет в уме словарь и строй общенародной речи» (1990, т. 1, с. 366—367).

Короче: сказки, рассказы и стихи для детей, детская книга в целом — для ребенка незаменимый источник мудрости, нравственности, альтруистичности. В них — все, что необходимо для доброго воспитания вплоть до культуры речи. И подобно очень многим другим, я скажу: первоначальное образование я получил не столько в семье, в детском садике и в школе, сколько из книг.

Я научился читать в восемь лет, схватил первую детскую книгу — и дальше начался благословенный «запой», отрада и сегодняшних моих дней.

Нельзя также не сказать несколько слов о басне как о разновидности стихотворного жанра. В центре басни — всегда занимательная история с сюжетом, действием, а это очень привлекательно для ребенка. Эта история рассказывается размеренно, неторопливо, образным, выразительным разговорным — что особенно характерно для диалога — языком. И именно потому, что история действительно занимательная, персонажи, будь то животные или люди, знакомы ребенку по реальной жизни, действие разворачивается постепенно, мораль не навязывается с первых строк, а логично, постепенно вытекает из поступков героев басни, из действия, из занимательной истории, именно потому, что язык при всей его образности прост, взят из каждодневной жизни — именно в силу всего перечисленного нравственный и мудрый вывод, непременно присутствующий в басне, не воспринимается как скучное, надоедливое назидание. И басня более всего близка народности, житейской мудрости. Басня врезается в память ребенка как пословица, как поговорка, как афоризм, как поучение Мудрого Деда, чей авторитет врожденно присутствует в «коллективном бессознательном» каждого ребенка. Короче: читайте детям басни, начиная с шести лет, приобщая их к житейской мудрости и высокой нравственности.

И еще одно замечание. В воспитании альтруистичности важным звеном, потянув за которое вытягивают всю цепь, является любовь к природе. Эта любовь — источник доброты и нравственности во всем прочем. Книги о природе непременно должны быть у ребенка. Описания природы — у каждого, буквально у каждого из классиков от Сергея Аксакова до Михаила Шолохова. Они — у каждого современного писателя. Пишут о природе люди, глубоко знающие ее, умеющие ее наблюдать,

чувствовать, будь то профессиональные природоведы (Джералд Даррелл, Бернхард Гржимек, Аркадий Фидлер и др.), писатели (Иван Соколов-Микитов, Михаил Пришвин, Юрий Казаков и др.) или просто мудрые и тонкие люди, в том числе известные деятели искусства, как, например, Сергей Образцов.

Таким образом, детская книга — первый учитель! Она учит размышлять, оценивать, понимать, правильно поступать и говорить. Она учит сосредоточению внимания, умению слушать. Она учит учиться.

Книга — добрый волшебник. Она не только приносит радость общения матери и ребенку. Она еще больше сближает их, способствует лучшему пониманию ребенка, возвращая взрослых в полузабытый, добрый мир детства, детского воображения и детской эмоциональности.

Трудно найти достойные слова, чтобы определить значение рисунка в детской книге для дошкольника. Он еще не умеет читать, но рисунок рассматривает сам и видит на нем то, о чем слышит. И то, о чем он слышит, то, что он видит, сливаются воедино. Рисунок для ребенка полон динамики, как его собственная фантазия и игра, как его жизнь. Художник в своей фантазии не знает границ, как и ребенок. Оба пластичны, оба талантливы. Поэтому так велико влияние художника на ребенка. В значительной степени писатели и художники детской книги ответственны за нравственность, эстетическое восприятие мира целыми поколениями.

Иллюстрация к детской книге не только закономерно подготавливает восприятие станкового искусства: картин, гравюр, скульптур в музеях, но и подготавливает ребенка к восприятию прекрасного в других видах искусства (музыка, театр, кинофильмы), помогает глубже и обостреннее воспринимать прекрасное в природе и в человеке. Детская иллюстрация, как справедливо подчеркивает Э. З. Ганкина, «первая формирует его эстетическое чутье... первая учит ассоциативному мышлению,

“чтению” образа, цвета и фактуры, создает тот необходимый навык уединения человека с художественным произведением, без которого не может быть высокообразованного зрителя, понимающего пластические искусства вообще» (1977, с. 150).

Современный ребенок больших городов нередко встречается с природой сначала в иллюстрациях, а уже потом знакомится с ней самой. Это, естественно, не лучший вариант, но есть в этом и положительное. Талантливые иллюстрации подчеркивают красоту природы, прививая ребенку любовь к ней. Они подготавливают душу ребенка к доброй встрече с природой. Иллюстрации к детской книге, таким образом, прививая ребенку интерес к природе, к родному краю, к людям и природе других стран, ко всему сущему на свете, пробуждают и пестуют основы альтруизма!

Художник ведет городского ребенка на луга, в леса, к птицам и животным, а малыша, живущего в деревне, на улицы больших городов. Своим творчеством он объединяет всех детей на свете. Художник наглядно знакомит малыша с людьми и бытом прошедших эпох. И ребенок ощущает свою сопричастность национальной и общечеловеческой истории и через эту сопричастность осознает свою ответственность за настоящее и будущее. Все это у него пока смутно, но формируются установки на будущее, формируется его мировоззрение, сеются семена, из которых произрастет личность. Художник соединяет времена и сокращает расстояния. И пишу я это к тому, чтобы родители до конца понимали — все это несет в себе книга, чтобы именно с таких позиций вели свой «рассказ с показом» книги.

Образность рисунка для детей обеспечивает ему одно из первых мест среди средств воспитательного воздействия. Рисунок утоляет потребность ребенка в прекрасном и в познании мира, формирует хороший вкус малыша в большом городе и в далеком поселении. Худож-

ник детской книги несет искусство в многоэтажный дом и в сельскую избу. Он находит выразительные средства, чтобы сделать достоянием детства истинную мудрость.

Для ребенка рисунок полон жизни, он для него нередко психодрама. Рисунок — та же сюжетно-ролевая игра, в которой незримо принимает участие художник. Художник совместно с писателем или поэтом создает героя, по которому творят себя и свою жизнь целые поколения, и в этом — великая заслуга отечественной детской литературы.

Ребенок навсегда сохранит в своем сердце чувства, рожденные талантливыми и мудрыми иллюстрациями к детской книге таких художников, как Юрий Алексеевич Васнецов, Владимир Михайлович Конашевич, Валентин Иванович Курдов, Владимир Васильевич Лебедев, Татьяна Алексеевна Маврина, Евгений Иванович и Никита Евгеньевич Чарушины, Александра Николаевна Якобсон и многих других.

Для чего в этой книге имена, отчества, фамилии многих писателей и художников? Ведь моя книга не об искусстве, а о воспитании. Читая детям книги, родители должны называть детям имена их авторов — писателя и художника. А еще лучше, если родители и расскажут о них, — тогда и книга станет интереснее и понятнее! В этом и благодарность, а благодарность — одна из основ альтруизма.

Когда же прочесть ребенку первые сказки, рассказы, стихи, показать первые иллюстрации к книге? Впервые знакомят ребенка с книгой после полутора лет. Он произносит свои первые фразы, понимает смысл обращенных к нему высказываний, накапливает словарный запас, и память его неумолимо пополняется новыми впечатлениями. С этого возраста малыш достаточно понятлив, организован и созрел для первой встречи с книгой.

Общение с книгой самых маленьких — это показ картинок с названием персонажей, изображенных на них,

быстро переходящий в «показ с рассказом», когда мудрость написанного в книге и фантазия родителей счастливо сочетаются с талантливым восприятием ребенка.

С двух с половиной лет приходит время для чтения текста и углубляется значение иллюстраций к нему. Это уже «рассказ с показом». Теперь возможности ребенка растут стремительно. Уже с трех лет он начинает осознавать окружающее как личность, знает до полутора тысяч слов, сам говорит сложными фразами и в детской книге для него уже нет непостижимого. Книга уводит его за границы узкосемейной ситуации, именно через нее он по-доброму постигает мир. Вот и ответ на вопрос, когда в полной мере начинается «альтруистическое воспитание».

На пятом году жизни родители подбирают ребенку все более сложные тексты с учетом его индивидуальности, возникших предпочтений, интересов. С пяти лет ребенок выделяет в книге главного героя, положительного и отрицательного, постигая мотивацию его поведения. Книга воспитывает его. Он сочувствует, спорит, возражает, сокрушается. Он уже и сам что-то сочиняет!

С пяти лет ребенок способен с выражением прочесть стихотворение, прочесть эмоционально, что пока означает громко, с напором, энергично. Однако он уже задает определенный ритм, темп звучанию стихов.

С шести лет перед нами уже рассказчик, декламатор, способный передать смысл, дух, настроение произведения. Он овладел голосом, жестом, мимикой и, декламируя, вызывает у слушателей не только естественное умиление его детством, но и те же чувства, которые испытывает сам.

Ребенок в возрасте от восьми до десяти лет уже читает сам, сам определяет, что ему интересно сегодня. И ему уже не навязывают книгу, а рекомендуют ее. Теперь навязать ребенку книгу — значит отбить охоту к чтению. Правда, до десяти лет книгу ему еще «подсовывают», хотя он и полагает, что выбрал ее сам. С де-

сяти же лет этот номер с ним не пройдет. Ему кладут на стол несколько книжек, и он сам выбирает одну из них. Другое дело, что родители предложат ему только те книги, которые хотели бы видеть прочитанными им. Есть и еще способ заинтересовать ребенка книгой. Мать или отец читают книгу, выказывая крайний интерес и удовольствие от знакомства с ней. И ребенок естественно откликнется на горячий интерес родителей.

И последнее. Нередко с десяти лет дети перестают интересоваться книгой, как это происходит и с рисованием. К рисованию они больше не вернуться, чего нельзя сказать о книге. Не следует делать трагедию из того, что ребенок, вступая в подростковый возраст, перестает интересоваться книгой — сказками, детскими рассказами и стихами, иллюстрациями, как перестает он интересоваться и детскими играми, рисованием, — ведь в двенадцать лет уходит детство! Теперь, уже в подростке, идет глубокая подспудная духовная работа. Он ушел в себя, его теперь интересует он сам, собственные переживания. Его теперь интересует реальная жизнь, в которую он вступает в новом качестве. К счастью, он быстро проходит этап растерянности, поиска себя самого. И в тринадцать-четырнадцать лет он вновь потянется к книгам, но уже к иным, уже по-иному.

Вначале подростка заинтересует мужественный Конан, книги о путешествиях, потом детективы, приключения. В таком выборе нет ничего плохого — эти остросюжетные книги познавательны, психологичны и по-своему интеллектуальны, будят воображение. И вот он уже вновь втянулся в чтение. А время идет, и он интеллектуально и психологически созревает. Наступит день, когда ему захочется прочесть исторический роман как сплав интереснейших приключений с реальностью прошлых веков. Затем его заинтересуют мемуары, а потом, постепенно, он созреет до классики.

Глава 16

ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК

Ум и сердце человека, так же как и его речь, хранят отпечаток страны, в которой он родился.

Франсуа де Ларошфуко

До пяти лет ребенок овладевает родным языком. И главное не только в том, что он думает на родном языке, излагает на нем свои мысли, понимает других и обучается, а в значении родного языка для личностного становления. Ведь за этим бездонная, неосознаваемая глубина — родной язык дитя впитывает из уст матери, на нем — первые слова ей, на нем — первые слова ему, на нем — первые эмоции и чувства. И в словах родного языка — все, все, что впервые в жизни!

Константин Дмитриевич Ушинский по этому поводу писал: «Усваивая родной язык, ребенок усваивает... множество понятий, воззрений на предметы, множество мыслей, чувств, художественных образов, логику и философию языка... Принимая язык за органическое создание народной мысли и чувства, в котором выражаются результаты духовной жизни народа, мы, конечно, пойдем, почему в языке каждого народа выражается особенный характер... и чем глубже вошли мы в язык народа, тем глубже вошли в его характер» (1948, т. 2, с. 560—561).

Таким образом, с родным языком ребенок воспринимает особенности национального самосознания, и, формируясь как личность, крепкими, хотя и незримыми

ниями оказывается связанным с вековыми народными традициями и культурой. Он оказывается частицей целого, частицей своего народа, своей Родины. Он понимает не только речь во всех ее нюансах, во всем ее значении, он понимает окружающих, саму жизнь через непреходящую ценность общности с народом как носителем языка. И он неосознаваемо воспринимает себя как плоть от плоти, кровь от крови своего народа, он уверен в себе и в окружающих. Через осознание принадлежности к своему народу он приходит и к пониманию иноязычности с позиций альтруизма.

Подвергать опасности этот важнейший этап становления личности преждевременным обучением иностранному языку недопустимо. Следует отметить, что К. Д. Ушинский предлагал начинать обучение второму языку с семи-восьми лет, и «никогда ранее»! А. Н. Гвоздев, крупный отечественный лингвист, также полагает, что ребенок осваивает родной язык лишь к семи-восьми годам: «Достижимый к школьному возрасту уровень овладения родным языком является очень высоким. В это время ребенок уже в такой мере овладевает всей сложной системой грамматики, включая самые тонкие действующие в русском языке закономерности синтаксического и морфологического порядка, а также твердое и безошибочное использование множества стоящих особняком единичных явлений, что усваиваемый русский язык становится для него действительно родным. И ребенок получает в нем совершенное орудие общения и мышления» (1949, с. 190).

Здесь необходимо сделать важное, на мой взгляд, отступление. Я полагаю, что в психическом развитии ребенка генетически предопределено, что, когда и как он может и должен (а это принципиально взаимосвязано) воспринять. И это в полной мере относится и к тому, когда и в какой форме он должен изучать иностранный язык. Если ребенок занимается тем, до чего созрел, он

занимается этим охотно, легко и талантливо. Если ему навязывают то, до чего он по возрасту или индивидуально не созрел, он выказывает неосознаваемое сопротивление, что выражается в нежелании заниматься и в низкой эффективности занятий. С другой стороны, если положенное по возрасту и индивидуальному темпу развития не предоставляется ребенку вовремя, он безвозвратно теряет золотое время для усвоения этого. И как нельзя опоздать со всем тем, что ребенку следует предоставить для его полноценного психического развития, точно так же не следует знакомить его со всем этим преждевременно. И поговорка «каждому овощу свое время» и об этом. Золотое время для усвоения иностранного языка наступает с пяти с половиной лет.

Есть и еще одно важное обстоятельство. Призвание человека врожденно. Его следует развивать максимально. Ведь в этом — судьба человека. И скажем, «исследователя» или «доминантного» готовят к тому, чтобы они максимально реализовались именно в этом своем призвании. Ученые знают, как трудно следить за непрерывно поступающей новой информацией по специальности, если не владеешь хотя бы английским языком. Большинство выдающихся исследователей знали три-пять языков. Без знания иностранного языка не реализоваться в полной мере и «доминантному». Так вот, на неосознаваемом уровне человек знает о себе все. Он, например, знает, здоров он или уже болен, хотя еще не осознал этого. Точно так же, неосознаваемо, он знает о своем призвании и о своих истинных возможностях, о соответствующем его психическим данным, доступном для него уровне достижений. И он неосознаваемо удовлетворен достигнутым или не удовлетворен! Такая неудовлетворенность, по моему мнению, основная причина психосоматической патологии взрослых людей.

Таким образом, если родители не предоставили ребенку все возможности для реализации его неосознава-

емых ожиданий, неудовлетворенность, когда он станет взрослым, неизбежна. И в частности, каждому ребенку следует своевременно и обязательно предоставить возможность изучить в совершенстве хотя бы один иностранный язык, чтобы, когда он станет взрослым, из неосознаваемого не выплеснулась горькая досада: «Ах, если бы я в детстве получил все, что должно!»

Итак, нормально развивающийся ребенок может и должен приступить к изучению иностранного языка с пяти с половиной лет. Однако ребенок этого возраста охотно только играет. Он не приемлет практицизма взрослых, утверждающих, что знание языка пригодится ему в будущем. Для пятилетнего существует только настоящее или ближайшее будущее, когда «если будешь себя хорошо вести, завтра пойдем в кукольный театр». Ребенок охотно постигает только то, что ему необходимо сегодня. Так, он фантастически легко и быстро усвоил все тонкости родного языка, поскольку высока была потребность в общении, которую можно удовлетворить лишь при знании родного языка.

Конечно, ребенка можно заставить заниматься чем-то, если он и не понимает, зачем ему это, и соответственно не хочет заниматься этим. У взрослых в таком случае наготове аргумент: пусть привыкает к тому, что есть слово «надо!». Однако есть унылое, рабское «надо!», «надо!» из страха, «надо!» из-под кнута, и есть нравственное «надо!» свободного человека, «надо!» из чувства долга, ответственности, часто из любви к близким, из дружбы, альтруизма. В ребенке возвращают мотивы нравственного «надо!». Это общее правило относится и к обучению иностранному языку.

Так что же делать, чтобы ребенок охотно изучал иностранный язык? У него в этом возрасте сверхпотребность в игре, и следовательно, иностранный язык может быть освоен им только в игре. Он освоил родной язык в общении с родными, сверстниками, и иностранный язык

он освоит, не занимаясь один на один с преподавателем, а в общении с родными и сверстниками. Мать в разговоре с ним использует иностранный язык; он играет со сверстником или с группой сверстников, используя иностранные слова и фразы. Очень хорошо, если иностранный язык изучает старший брат (сестра). Тогда и мотив есть — подражание старшему, авторитетному. Тогда возможно и общение на иностранном языке.

Очень хорошо, если ребенок рассматривает вместе с мамой детские иллюстрированные книжки на иностранном языке и мать способна перевести написанное в них, объяснять, используя слова и фразы на этом языке. То же самое — диапозитивы. Ребенок в таком случае узнает, что есть английский, немецкий, французский, испанский языки, но есть и английский, немецкий, французский и испанский народы. Есть дети, для которых эти языки родные, и можно встретиться и поиграть с этими детьми. В последнее десятилетие стал реальным фактор компьютера, когда в компьютерной игре, захватывающей ребенка, он встречается с иностранной речью. Очень хорошо устроить домашний кукольный театр, когда кукла Джон в спектакле разговаривает с куклой Мэгги по-английски. Точно так же можно разыгрывать спектакли, в которых дети — актеры.

Иностранный язык до семи лет, таким образом, осваивается только в форме разговорной речи. Алфавит, чтение и письмо изучаются лишь после того, как всем этим овладели на родном языке. Переводить устную речь с одного языка на другой дети способны опять-таки с пяти — пяти с половиной лет. До этого возраста они не понимают, что от них требуют, и повторяют слова матери или другого взрослого вновь и вновь на том языке, на котором они были произнесены.

С семи-восьми лет необходимо усваивать и систему понятий, характерных для того или иного иностранного языка. Овладение иностранным языком — это и мышле-

ние на нем. Известный специалист в области изучения языков В. А. Артемьев, указывая на связь языка и национального сознания, приводит следующий пример. В английском языке два настоящих времени, в немецком — два прошедших и два будущих, и следовательно, англичанин и немец несколько иначе оперируют понятием «время», чем человек, говорящий и думающий на русском. Вот как все непросто, но с восьми лет ребенок способен усвоить эти особенности иностранного языка.

Как известно, многие дети с раннего возраста говорят на родном языке, которым пользуются в семье в ежедневном общении, и на языке народа, среди которого живут, также в ежедневном общении, к примеру на русском и на татарском, если семья живет в Татарстане. Доминирует, естественно, родной язык, язык семьи. Двухязычие в таком случае естественно. Однако ряд зарубежных и особенно американских исследователей полагает, что двухязычные дети нередко отстают в умственном развитии от одноязычных.

Думается, что это информация к размышлению. Если два языка для ребенка — две поверхностно усвоенные культуры, нет и личностной глубины. Вспомним из нашей истории: аристократы, говорившие в России по-французски, нередко отличались поверхностным, «салонным» умом, и болтуны, говорящие на иностранном языке в своей стране, вошли в поговорку. И еще одно. Многие мудрецы знали только родной язык. Поэтому все-таки с иностранным языком не следует «переселить», как не следует учить ему ребенка только из престижных соображений. Разумеется, ребенку, говорящему дома на языке родителей, а на улице на языке сверстников другой национальности, ничто не грозит. Оба языка для него живая повседневность, овладение ими протекало естественно, само собой.

Третий язык следует изучать только после успешного и твердого освоения второго и в период, когда форми-

рование личности достигает нового качественного уровня, т. е. с двенадцати лет. Как указывал Константин Дмитриевич Ушинский, «...иностранные языки должно изучать один за другим и никогда два одновременно...» (1948, т. 2, с. 512).

По-видимому, это положение полностью сохраняет свою актуальность и в наши дни. И, главное, третий язык должен изучать ребенок, ощутивший к этому тягу и призвание!

Если родители в совершенстве владеют иностранным языком, они заговорят на нем с ребенком также не ранее пяти лет.

Сколько дней в неделю следует обучать ребенка в языковой группе и какова оптимальная длительность занятия? Критерии — сила мотивации (желание ребенка!) и индивидуальная выносливость. Так, если для одного дошкольника допустима нагрузка в одно-два занятия в неделю (не реже одного раза в неделю!) с одним-двумя уроками по 30 минут, то другой способен без ущерба для себя заниматься три-пять раз в неделю по два-три урока длительностью 30—35 минут каждый. Оптимальный состав группы — три-четыре ребенка. Ребенок школьного возраста, с позиции врача, может заниматься иностранным языком два-три раза в неделю, но не потому, что чаще — вредно, а потому, что есть еще более десятка предметов и множество дел, которым он обязан уделить внимание. И критерий здесь один: не надорвать ребенка, не нанести ущерба его здоровью, не лишить его свободного времени — не лишить детства. В этом, как и во всем другом, надо знать меру!

Глава 17

СПОСОБНЫЕ ДЕТИ,
«ВУНДЕРКИНДЫ»
И «ТУПЫЕ»

Мало обладать выдающимися качествами, надо еще уметь ими пользоваться.

Франсуа де Ларошфуко

Излишне доказывать наличие врожденных математических, музыкальных, художественных, лингвистических способностей, как и исключительных особенностей развития у некоторых людей органов чувств, спортивных задатков. И многие дети рождаются, имея то или иное дарование. Его, естественно, следует выявить и развить.

Однако дарование будет реализовано в полной мере только в том случае, если его развитию сопутствует полноценное формирование личности в целом. Аристотель специально готовил Александра Македонского к судьбе царя и воина, но еще больше заботился о всестороннем развитии его личности. Мишель Монтень, рассматривая проблему обучения и воспитания ребенка, кратко и точно определяет основную цель: «Его учение служит одному: образовать его личность!»

Академик Б. М. Теплов, в свою очередь, подчеркивает, что музыкальные способности (как и все другие!) раскрываются максимально полно, если воспитание одновременно способствует развитию у ребенка его эмоциональности, эстетического восприятия им природы, мира в целом, развитию образного мышления, общей культуры и эрудиции. И музыкально одаренный может не

стать выдающимся музыкантом, если он не получил широкого образования. Таким образом, воспитывая одаренного ребенка, родители с еще большим тщанием заботятся о его умственном развитии, о заботливом возвращении в нем нравственности, о том, чтобы он был не только музыкантом или художником, но в первую очередь Личностью.

И академик А. В. Запорожец, рассматривая особенности воспитания одаренных детей, отмечает, что у каждого ребенка имеются огромные потенциальные возможности и необычайная пластичность их, и это при бережном и индивидуальном подходе позволяет достигнуть высокого общего умственного, эстетического и нравственного развития каждого, а не только одаренного. В этом ему вторит крупный отечественный педагог Н. А. Ветлугина, отмечая: «Всестороннее развитие является тем источником, который питает и отдельные способности, таланты. Без него они не получают нужного расцвета» (1968, с. 47).

Таким образом, не следует воспитывать «музыканта, художника, шахматиста, ученого или спортсмена», а следует прежде всего воспитывать человека, и только гармонически развитая личность сможет в полной мере развить свои специальные способности. То же самое относится к детям, весьма способным к обучению вообще, к детям с отличными данными для изучения точных наук, иностранных языков. Важно, чтобы они не только развивали свои способности уже с первых классов, как бы определив свой путь в соответствующее высшее учебное заведение, в профессию, но и получили бы полноценное общее образование и были хорошо воспитаны личностно, как граждане.

Все вышесказанное как будто банально, но в этой проблеме, кроме всего прочего, есть одно очень важное обстоятельство. Речь идет о том, что счастливый Божий дар может стать причиной неудавшейся судьбы,

если человек не сложился как личность. Это и «звездная болезнь», и гордыня, а с ней — одиночество, это и философия вседозволенности для «супермена, таланта», это и цинизм охмелевших от успеха. Как психотерапевт, я видел на своем веку и слишком много высокоодаренных людей, потерпевших фиаско в обыденной жизни, неспособных к отстаиванию своих прав, неприкаянных в семейной жизни и в результате — одиноких, склонных искать разрешение трудных проблем в бегстве от реальной жизни, в алкоголизации. Я видел слишком много очень способных к учебе людей, которые, только используя свои способности, так и не научились серьезно трудиться и в результате потерпели фиаско в старших классах школы, в институте или уже на работе, в то время как не обладавшие особыми способностями, но трудолюбивые уходили вперед. У меня даже сложилось мнение, что, если Бог задумал особо испытать кого-то, он наделяет его талантом или большими способностями. И именно с такого человека у Бога особый спрос.

Что же делать, чтобы способности послужили во благо одаренному ими? Позволю себе такую параллель. Какую бы военную специальность ни получал человек, он вначале проходит курс молодого солдата. Есть общие принципы воспитания. Кем бы ни стал ребенок впоследствии, он должен быть подготовлен к жизни в целом, должен быть готов к преодолению трудностей, должен быть отважным, закаленным и трудолюбивым, получить то общее развитие и воспитание, о котором вся эта книга. А с того, кому много дано, — особый спрос. И чем выше одаренность, способности, тем выше требования к воспитанию. Именно об этом писал Ян Амос Коменский: «...гораздо более нуждаются в воспитании люди даровитые, так как деятельный ум, не будучи занят чем-либо полезным, займется бесполезным, пустым и пагубным... Чем плодороднее поле, тем обиль-

нее оно производит терновник и чертополох... Как действующая мельница, если в нее не подсыпать зерна, то есть материала для перемалывания, стирает сама себя и, отрывая от жерновов куски и даже повреждая и разрывая отдельные части, бесполезно, с шумом с треском пылит, так и подвижный ум, лишенный серьезной работы, будет вообще наполняться ничтожным, пустым и вредным содержанием и станет причиной своей собственной глупости» (1955, с. 207).

Когда речь идет о детях с высокими природными задатками к чему-то, я, как врач-психотерапевт, рекомендуя дать каждому такому ребенку хорошее образование, вместе с тем предостерегаю от ориентации его на отличную успеваемость по всем предметам. Ведь такая «ровная» успеваемость больше развивает прилежность и аккуратность, честолюбие и тщеславие, чем творческие задатки ребенка и истинный интерес к знаниям. Вдумаемся в слова Ларошфуко: «Кто слишком усерден в малом, тот обычно становится неспособным к великому!»

И разве не о том же пишет Мишель Монтень: «Если учителя, как это обычно у нас делается, просвещают своих многочисленных учеников, преподнося им всем один и тот же урок... хотя способности их вовсе неодинаковы... то нет ничего удивительного, что среди огромной толпы детей найдется всего два или три ребенка, которые извлекают настоящую пользу из такого преподавания» (1958, кн. 1, с. 192).

Ему же принадлежат и следующие слова на эту же тему: «...вследствие ошибки в выборе правильного пути, зачастую тратят даром труд и время на натаскивание детей в том, чего те как следует усвоить не в состоянии» (1958, кн. 1, с. 190). Лицейские педагоги, педагоги истинные, не терзали Пушкина математикой, а с пониманием относились к отсутствию у него интереса к ней, справедливо полагая, что его призвание, его дарование — в другом!

Плутарх, рассуждая о необходимости понимать и учитывать незаурядные способности, приводит следующий пример. Конь Александра Македонского, легендарный Буцефал, имея изумительные задатки, был дик и необуздан. Филипп, отец Александра, признал коня непригодным для военных походов. Александр, свидетель этого сурового приговора, воскликнул: «Какого коня они губят из-за неумения им пользоваться!» — и сумел терпеливо и искусно объездить его. И Плутарх сетует на то, как много гибнет природных дарований по вине наставников, которые «коней превращают в ослов, не умея управлять возвышенными и свободными существами».

Одаренные дети нередко своеобразны в поведении. Иногда они выглядят «чокнутыми», «зачарованными», странными, «чудаками», удивляют некоей неадекватностью, своеобразны эмоционально или чрезмерно впечатлительны и ранимы. С ними, как говорят, «не соскучишься». Однако именно из-за своей нестандартности, подчеркнутой индивидуальности они смущают воспитателей, раздражают их своим необычным поведением. Такие дети для них «беспокойны, упрямы, странны, своевольны» и даже «плохо воспитаны». Ведь многие представляют себе хорошо воспитанного ребенка в образе послушного пай-мальчика, усердно штудирующего заданный урок. Одаренный же ребенок нередко выглядит «белой вороной». А «белая ворона» редка, красива по-своему, но — увы — ею часто не любят, ее не оставляют в покое, ее заклеывают.

Родители должны своевременно разобраться в особенностях психического развития своего ребенка. Кто же как не они поймут его, поверят в него, ободрят? Кто же как не они защитят его от не верящих в него, «комплексующих» его, как защищала «туповатого» и «несносного» Томаса Эдисона мать от заклеывавших его учителей. И сам Эдисон позднее сказал, что только вера матери удержала его от самоубийства. Очень часто ода-

ренному ребенку нужно только одно — понимание. И его не гонят хлыстом, как лошадь по кругу, а понимают, что он «физик», а не «лирик» или «лирик», а не «физик»! Его не вынуждают зубрить то, что ему не дано самой природой. И он получит среднюю или даже средненькую отметку по тем предметам, которые «не природны» ему, но он же получит самую высокую оценку по предметам, которые для него «свои». Придет время, и он поступит в соответствующее учебное заведение, чтобы совершенствовать, шлифовать свое призвание — для себя и для всех!

Только в свободном развитии вырастают творческие люди, расцветают природные задатки. Мишель Монтень в «Опытах» особо предостерегает: «Откажитесь от насилия и принуждения; нет ничего, по-моему мнению, что так бы уродовало и извращало натуру с хорошими задатками» (1960, кн. 2, с. 2—11).

Также важно безусловно сохранить детям детство! Ведь дети, которых слишком рьяно обучают в детстве, лишая их детских игр, свободного развития, именуемого нередко «шалостями», становятся заурядными людьми. Ведь кто не пережил не только в детстве, но и в юности «период шалостей», тот не знал свободы, без которой умирает творческое начало. И очень большими «шалунами» были в детстве и юности Пушкин и Шекспир! Дело в том, что у одаренных инстинкт свободы выражен особенно сильно, «шалости» — проявление инстинкта свободы, а подавить инстинкт свободы — значит подавить одаренность!

Все же остальное — частности. Врожденные способности, естественно, следует выявить как можно раньше, чтобы эффективнее их развить. Всех детей без исключения знакомят с музыкой с самого раннего возраста. Уже с двух лет у ребенка должны быть цветные карандаши, а с четырех — пластилин, разнообразные конструктивные игрушки. С пяти лет он знакомится с компью-

тером, с шашками и шахматами, он гоняет мяч на лужайке, «как футболист», своевременно получает коньки и лыжи. Все это необходимо каждому ребенку для полноценного развития, но позволяет и рано заметить особые способности.

Все дарования и способности реализуются в творчестве. Академик Б. М. Теплов замечает, что детям трех-четырёх лет свойственно природное влечение к творчеству. Это объяснимо с позиций моей концепции инстинктов. Ведь у каждого есть инстинкт исследования и альтруизма — творческие инстинкты. Врожденное влечение к творчеству, повторяю, необходимо развивать у всех детей, чтобы они выросли интересными, творческими людьми. Тем более необходимо развивать его у одаренных как неперемное условие реализации их одаренности. И радовать должно не то, что ребенок запомнил сказку наизусть, а то, что он пытается придумать сказку. Не перерисованное им доставляет радость, а его свободный, творческий рисунок. Радость не в сконструированном по приложенной схеме, а в фантазии ребенка при конструировании. Хорошо, когда человек много знает, и трижды лучше, когда, опираясь на знание, он творит новое.

Неперемный компонент творческого начала — оригинальность мышления. Если ребенок высказал нечто интересное, оригинальное, следует выказать свое одобрение, даже восхищение, чтобы он понял: это интересно, именно это дорого ценится. И он отличится вновь, поскольку поймет разницу между оригинальным, свежим, ярким и банальным. Выработке такого неожиданного, оригинального взгляда способствует воспитание наблюдательности, проницательности, особого угла зрения. Учат же этому мастеров фотографии да и живописи. Стало быть, и родители могут выпестовать в ребенке умение увидеть необычные грани в природе, в людях, в обыденной жизни.

Рассматривая проблему задатков, способностей, одаренности, нельзя не коснуться старого и болезненного вопроса о «вундеркиндах». Ребенок проявил некие способности. На фотографии в газете годовалое дитя с соской во рту «читает» книгу. Текст к фотографии не оставляет сомнений: ребенок на втором году жизни, не научившись как следует говорить, «читает слова, фразы и детские книжки». Это, разумеется, казус. Ну а если читает в три-четыре года? Обучается музыке или иностранному языку в два с половиной? Нормально ли это даже для одаренных детей?

Думаю, что нет. Преждевременные попытки обучения, как правило, бесплодны. И когда дитя демонстрирует некие успехи в узкоспециальной области, в развитии некоей функции, родители должны отдавать себе отчет в том, чем это может обернуться для него. Присваивая человеку ученую степень, о нем говорят: «Соискатель как ученый, как профессионал и как личность соответствует...». Если ребенок не созрел как личность для овладения неким рубежом, попытка опередить время — путь в деформированное детство, в болезнь личности.

Блистательные дебюты многообещающих детей чаще всего бенгальские огни. Где они в старших классах, многие, блиставшие в дошкольном детстве и даже в начальной школе? Сколько восторгов сменялось с годами унынием, сколько надежд — разочарованием. Образно говорил об этом Квинтилиан: «Скороспелые умы, как преждевременные плоды, почти никогда вполне не созревают. Их можно узнать по той легкости, с какой они исполняют незначительные труды; они смелы и на первых же порах обнаруживают то, к чему они способны. Но силы их не обширны: они, например, при чтении легче разбирают слова, произносят их смело и без запинки. Они делают мало, но скоро; тут нет настоящей силы, нет прочного основания; их можно сравнить

с брошенными на самой поверхности земли семенами, которые скоро пускают ростки, но зато дают только похожую на хлеб и пожелтевшую еще до жатвы траву с пустыми колосьями. Правда, такое раннее развитие пленяет нас в детях, но успех их на этом и останавливается, и наше прежнее удивление скоро исчезает» (цит. по: Хрестоматия по истории зарубежной педагогики. М., 1971, с. 45).

Нередко родители сами культивируют скороспелость, когда из родительского тщеславия поощряют ее, преждевременно обучая ребенка тем или иным специальным предметам. Потрудились над ним торопыги-родители — и нет больше детской непосредственности, безвозвратно утеряно чудесное детское восприятие — истинная детская талантливость. Весь мир знает о гибели семилетней американской девочки, которую отец не только посадил за штурвал самолета раньше, чем она научилась управлять сама собой, имея в виду разум, эмоции, личность, но и вовлек ребенка в честолюбивые игры взрослых. Зачем ей был нужен рекорд, когда семилетняя счастлива своим детским бытием? Случай с американской девочкой из ряда вон выходящий. Но не все думают о том, что душевные катастрофы детей происходят каждодневно, когда ребенка ставят на беговую дорожку тщеславия взрослых.

Еще более актуальна проблема «тупых», «бесталанных» детей. Речь в таких случаях чаще всего идет о тугодумах. Есть люди, обладающие счастливой способностью находить необходимое слово, единственный ход в самый нужный момент, в стремительной беседе, дискуссии, ситуации. Они, эти люди, великолепные спорщики, легко и естественно чувствуют себя в водовороте событий. Они по праву именуется остроумными. И есть люди-тугодумы, которые теряются в тех ситуациях, где остроумцы блещут. Они также находят единственные слова и решения, но только крепко подумав. Они ока-

зываются в проигрыше при решении тактических задач, в повседневной суете жизни, но они выигрывают главное, стратегическое сражение. В спокойной обстановке, не торопясь, шаг за шагом они достигают многого и продвигаются дальше многих остроумцев. Более того, подавляющее число великих ученых — тугодумы! «Тупым», медлительным увальнем и притом до пятнадцати лет виделся учителям Ньютон. Тихим, робким, медлительным и непонятливым рос Эйнштейн. Учитель немецкого языка сказал ему: «Из вас, Эйнштейн, никогда ничего путного не выйдет». И только этими словами прославился «великий» учитель.

В своей «Исповеди» Жан-Жак Руссо писал: «Во мне соединены — сам не понимаю как — две почти несовместимые вещи: очень горячий темперамент, жгучие, бурные страсти и медленно зарождающиеся идеи, которые сначала очень неясно и всегда слишком поздно приходят ко мне в голову. Удивительно, что у меня все-таки есть довольно верное чутье, проницательность, даже тонкость ума; меня только не нужно торопить. На досуге я сочиняю превосходные экспромты, но сразу я никогда ничего ценного не мог ни сделать, ни сказать». И тугодумы обязательно проявят себя, достигнут многого, если их не торопить. А если их постоянно торопят, они впадают в невроз!

Родителям не следует огорчаться, если их ребенок не столь живо, как дети знакомых, ведет себя в обществе, если он не демонстрирует свои способности и выглядит нередко просто глуповатым среди быстрословов и остроумцев. Об этом образно и мудро писал Ян Коменский: «Некоторые обладают с детства прекрасным здоровьем, а затем начинают хворать и худеть, а другие — наоборот — в молодости болезненны, а затем крепнут и хорошо растут. Так точно бывает и с умственными способностями: одни развиваются быстро, но быстро слабеют и до некоторой степени тупеют, а другие сна-

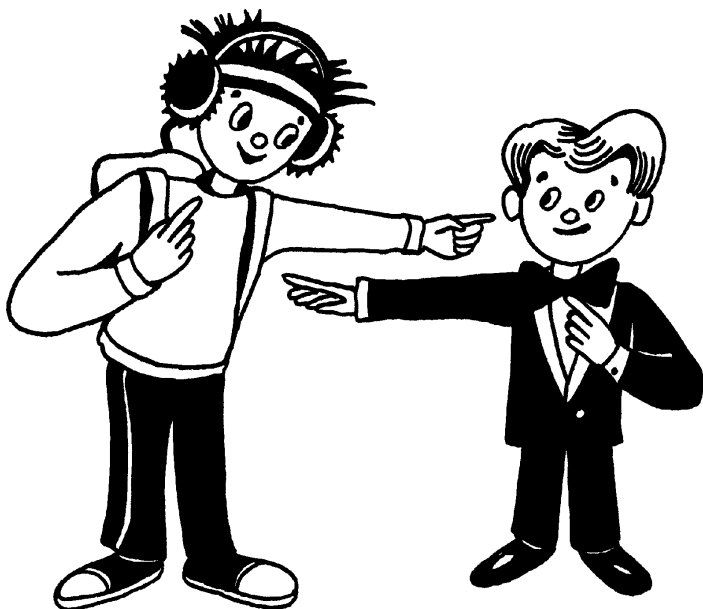
чала бывают тупыми, а затем быстро и прочно развиваются» (1955, с. 215).

Закончу же эту главу любопытным эпизодом из жизни моей дочери, эпизодом, который сам по себе является информацией к проблеме наличия и отсутствия способностей у детей. Дело в том, что моя дочь, не имея ярких дарований, ровно и успешно преодолевала класс за классом и вслед за мной решила пойти в медицину. Я не возражал, поскольку она умна, добра и ответственна. Думая о будущих вступительных экзаменах в медицинский институт, она более всего опасалась экзамена по физике, уделяя ей особое внимание. Я же пригласил на последние два класса репетитора. За десять дней до вступительных экзаменов она с горечью сказала мне, что физику так и не понимает. Я обзвонил всех моих знакомых и пациентов с просьбой найти учителя, который бы хоть как-то объяснил ей суть физики. И мне рекомендовали такого учителя. Дочь успела получить у него всего-то шесть уроков, но физика для нее «встала на свое место»! Окрыленная, она единственная в первый день экзаменов, когда шел ужасающий отсев, получила отличную отметку. Ее ответ был особо отмечен. Я был потрясен искусством этого педагога и с тех пор свято верю, что дело не только в том, кого и чему учат, а и в том, кто учит! Именно тогда я вспомнил слова Сократа, что в глубинах психики и безграмотного мальчика-раба сокрыты способности к физике, математике и ко всему другому, надо только мудро, искусно и с любовью разбудить, вскрыть эти способности!

Глава 18

НАШИ ИМЕНА

*Всем имена при рождении дали,
Мы в чистоте сохранить их должны.*

Расул Гамзатов

*Нажила себе чечетка,
Нажила себе лебедка
Ровно семь дочерей:
Дарью, Марью,
Степаниду, Платониду,
Арину, Акулину,
А седьмую, Катерину,
Душу-Катеньку.*

Русская народная песня

Я отнюдь не претендую на лавры знатока происхождения имен, их этимологии, да это и не входит в задачи, которые я разрешаю этой главой. Имя ребенка интересует меня только с психологической стороны: как осознано и — еще более важно — бессознательно ощущает свое имя ребенок и как воспринимают его имя, осознанно и — еще более важно — бессознательно, люди, вступающие с ним в контакт. Вот ребенок, знакомясь, назвал себя по имени, и меня интересует, назвал ли он свое имя естественно, не испытывая при этом некоего смущения, или с досадой на него. Интересует меня, повторяю, и восприятие его имени окружающими. Короче, меня интересует, «комплексует» ребенка его имя или нет?

Первое восприятие человека человеком не только по облику и поведению, но и по имени неосознаваемо, мгновенно. Имя на неосознаваемом уровне накладывает свой отпечаток на отношения человека к человеку. Сознание воспринимает имя человека формально: Петр так Петр — и все. Неосознаваемо же человек сличает имя со всеми Петрами, о которых слышал, и со всеми Петрами, которых видел. И если некий Петр когда-то обидел, угрожал, предал, то человек неосознаваемо на-

стороженно относится и к Петру, только что назвавшему свое имя. Все это к тому, что имя прежде всего воспринимается неосознаваемой сферой психики, о чем не следует забывать, наделяя ребенка именем, и притом на всю жизнь!

Как полагал великий психолог, философ и врач Карл Юнг, в неосознаваемом человека — память предков и их отношение к добру, злу, к людям и к жизни, их верования, символы и в том числе их отношение к тем или иным именам. И есть имена, связанные со Светом, и есть имена, связанные с Тьмой. В Белоруссии, на моей родине, неисчислимы жертвы войны и нет семьи, не понесшей утраты. Эта война безусловно вошла в генетическую память белорусского народа. И на человека по имени Адольф в Белоруссии посмотрят настороженно. Думается, что имена Батый, Мамай, Кучум, Малюта, Карл, Фридрих, Феликс, Лаврентий, Иосиф глубоко в неосознаваемой памяти русского народа, как и имена Владимир, Дмитрий, Сергей, Петр, Екатерина, Александр, Алексей. И какое-то имя неосознаваемо отвергается, какое-то воспринимается положительно.

Впрочем, и на уровне произвольной памяти многие имена ассоциируются с людьми, носившими их и вошедшими в историю народа. Так, имя Лев нерасторжимо связано с великим писателем, Ярослав, Всеволод, Владимир — с русскими князьями, Екатерина — с великой императрицей, подобно тому как имя Людовик — с историей Франции, а имя Жанна — с Орлеанской девой. Естественно, Александр — навсегда Македонский!

Какие-то имена ассоциируются с именами сказочных персонажей, и Василиса — всегда Василиса Прекрасная. Какие-то имена вызывают исторические ассоциации — и из-за Елены вспыхнула Троянская война, сражались герои.

Однако чаще всего ассоциации причудливы и более всего неосознаваемы. Так, почему-то для меня имя Фро-

ся ассоциируется с образом горничной — молодой, красивой, смешливой и разбитной, а имя Савва — с солидным, осанистым, полноватым человеком. Точно так же Ивана я вижу мощным и сдержанным, а Сергея — веселым, бедовым и общительным, Николая — флегматичным, Степана — хитроvanом, Трофима — солидным, тяжеловесным, Фому — себе на уме, Ирину — женственной, ветреной и умной, а Анну — величавой. И все это к тому, что в имени заключено и некое индивидуальное отношение и ожидание, и какое-то общее необъяснимое значение, некая загадочная информация, некое колдовство.

Подчеркивая причудливость ассоциаций, связанных с восприятием имени, приведу цитату из романа Виля Липатова «И это все о нем»: «Он мог поклясться, что никакого другого имени, кроме “Степаниды”, трактор не мог и не хотел иметь: трактор встал бы на дыбы, если бы его назвали, скажем, “Марией”. Все в нем — от лобастого ветрового стекла до отполированных мхами гусениц — было от солидной, вальяжной и довольно хитроумной Степаниды — бабы толстой и смешливой. Да, эта машина могла быть только “Степанидой”: она выносила свое имя, как мать ребенка, существовала в мире именно как Степанида».

Имя может удивительно соответствовать облику, личности, поведению человека. Скажем, я не представляю себе другого имени у Петра I. Оно кратко и сразу вызывает ассоциацию с гордо поднятой головой и небольшим вздернутым носом, небольшим ртом и плотно сжатыми губами, небольшим, но энергичным подбородком. Я не вижу величавую Екатерину Великую Татьяной. И Пушкин очень точно подобрал имя для своей героини из поэмы «Евгений Онегин»: она никак не могла быть, например, Екатериной. Для всех удивительно сочетается с обликом поэта имя Сергей, неразрывное с дивной фамилией — Есенин!

Поэт Глеб Горбовский по этому поводу пишет:

А ну-ка, Македонца или Пушкина
Попробуйте назвать не Александром,
А как-нибудь иначе —
Не получится!
Еще Петру Великому придумайте
Другое имя — ничего не выйдет!
И можно кожу заживо сорвать,
Но имя к нам так крепко припечатано,
Что нету сил переименовать,
Хоть каждое затерто и захватано.
Не зря у нас про имя говорят —
Ни дать ни взять родимое оно пятно.

Имя во многом — знак судьбы, девиз природы человека, тот девиз, который, например, у индейца по имени Хитрая Лисица определяет его суть, кредо, линию его поведения. С другой стороны, после Ричарда Львиное Сердце все Ричарды ощущали, что от них ожидается бесстрашие и широта души.

Следует быть осторожным, наделяя ребенка громким именем. Я знал Александра Сергеевича Пушкина, не способного связать двух слов. По роду службы он должен был выступать перед людьми, и зал затихал, когда объявляли его имя, отчество и фамилию, а когда он начинал говорить, неизменно возникало веселое оживление. Так родительские амбиции осложнили жизнь человека. Франсуа де Ларошфуко пишет: «Громкое имя не возвеличивает, а лишь унижает того, кто не умеет носить его с честью» (1971, с. 157). Это сказано в другом контексте, но сказано точно и имеет отношение ко всем громким именам, которыми наделяют обыкновенных людей.

Имя часто связано с символикой, корни которой в глубокой древности. Христиане давали и дают своим детям имя по святым, в честь христианского святого.

Родители шотландского мальчика по фамилии Дорвард назвали его Квентином в честь святого Квентина, тем самым отдав его под защиту святого. И Квентин в трудные минуты молился ему. Следовательно, имя — талисман, за ним надежды, ожидания счастья, высшей защиты. В нем ожидания, адресованные и самому ребенку. Лев Васильевич Успенский в своей книге «Ты и твое имя» рассказывает о сербской семье, в которой умирали в младенчестве все новорожденные мальчики. И старый серб вспомнил старинное поверье: если твои сыновья не живут на свете, назови того, кто вновь родится, Вуком. Вук — по-сербски волк. Волк силен и вынослив, волка и смерть не берет. И когда в очередной раз родился мальчик, его назвали Вуком. И Вук жил долго, стал знаменитым.

Все это к тому, что ожидания, связанные с именем, не пустой звук. Возможно, за этим стоит нечто неизвестное нам. Скажем, был в семье ребенок и умер. Этим же именем назвали другого, родившегося после умершего. Мне представляется, что такой ребенок в опасности... Плохая аура вокруг его имени, с грузом такого имени ему неуютно. Отсюда и моя рекомендация: не давать ребенку имя безвременно умерших, трагически погибших.

Дети также ощущают, что имя накладывает на них некие обязательства, в нем для них некая загадка. В литературе, посвященной имени ребенка, приводится вопрос девочки, обращенный к матери: «Почему вы назвали меня Эсмеральдой? И как я должна себя вести, будучи Эсмеральдой? Может ли быть Эсмеральда блондинкой? Наверное, мне следует носить длинное платье и серьги?» Вот ведь как серьезно все, связанное с именем!

Американский педагог Стэнли Холл приводит вопросы мальчика, осознавшего вдруг, что он имеет имя, отличающее его от других, укрепляющее его индивиду-

альность. Мальчик справедливо полагает, что имя накладывает какие-то обязательства. «Почему я Джон или Генрих? Что это означает? Был ли бы я совсем другим, если бы я назывался Эдуардом или Робертом? Что значит вообще Джон? Есть ли у меня или могу ли я получить другое, более настоящее и подходящее имя? Каким я должен быть, называясь Джоном?»

Еще одна важная сторона, связанная с наделением ребенка именем, — его звучание. Лев Успенский по этому поводу пишет: «...когда индейцу надо дать имя ребенку, он перебирает самые простые, самые обычные слова своего языка, вслушивается в то, как они звучат...» (1960, с. 21). И мы видим, что индейцы, дети природы, мудрые и естественные в отношении к себе и к жизни, не давали своим детям имен, вызывающих сомнения в связи с тем, как они будут звучать, как будут восприниматься.

Все согласятся со мной, что по-разному звучат имена Дормидонт, Модест, Эдмонд, Будемир, Гаврила и Алексей, Сергей, Игорь. Ведь как звонко, благостно звучит имя Сергей Радонежский! Очевидно, что «спотыкаешься», выговаривая имя Петр, и очевидно, что хорошо, легко произносятся имена с последним звуком «й». Многие русские имена начинаются с гласного «и» (Иван, Игорь, Игнат и т. д.). Значит, есть какая-то важная закономерность восприятия звуков в имени. В том же имени Петр первый звук губной, а это — «п-п-пп», а это закрытый рот, плотина для звука. Точно так же — Федор. Первый звук — губной и звучит «ф-ф-ф», зажат. А вот в имени Андрей звучит трель из звонких звуков, исполненных языком, зубами при разомкнутых губах. Прекрасно звучит сочетание звуков «н», «д», «г», ласкового «л», раскатистого «р» с гласными «е», «о», «и». Звук «р» дает особое звучание именам Ратмир, Руслан, Роман. И все это к тому, что, давая ребенку имя, надо послушать, как оно звучит в лесу, когда зовут заблуд-

дившегося человека. Ответит эхо звонко, раскатисто, легко, ласково — значит, хорошее имя.

Итак, не следует торопиться, давая человеку имя! Я против того, чтобы имя давали уже в родильном доме. Если имя дают по святцам, то оно освящено веками, в нем национальная и религиозная принадлежность и оно — судьба. Если же имя выбирают сами родители, то за неделю-другую дома, наблюдая за ребенком с вниманием и любовью, они многое рассмотрят и поймут в нем и дадут ему имя осознанно, не случайно.

Один подвижен, нетерпелив, другой — соня, спокойный. Один скорее в породу отца, другой — в породу матери. Один — светленький, другой — брюнет. Один — худенький, другой — широкоплечий, полный. Во взгляде одного — задор, смешинка, другой — задумчив. Интуиция подсказывает родителям: один — воин, другой миролюбив. Все вместе взятое побуждает родителей остановиться на том, а не на этом имени.

В данной книге рассмотрены характеристики трех основных темпераментов: холерического, сангвинического и флегматического. Темперамент ребенка виден уже в роддоме. Хорошо, если имя соответствует темпераменту. На мой взгляд, чисто интуитивно, холерическому темпераменту соответствуют имена Александр, Владислав, Всеволод, Виктор, Вадим, Георгий, Петр, Павел, Руслан, Святослав, Ярослав и т. п. В этих именах звучит скрытая энергия, напор, решительность. Соответственно сангвиническому темпераменту соответствуют имена Андрей, Алексей, Анатолий, Василий, Виталий, Дмитрий, Игорь, Иннокентий, Сергей и т. п. Эти имена звучат живо, светло, ласково. Флегматическому темпераменту соответствуют имена Борис, Иван, Илья, Михаил, Николай, Степан, Федор, Филипп и т. п. В них солидность, неторопливость, сдержанность. Это к тому, что, поглядев на младенца, так и хочется связать его серьезность, основательность с именем Павел, а живость, эмоцио-

нальность с именем Сергей. Холеричные девочки — это Вера, Галина, Мария, Лидия, Ольга, Эльвира; сангвиничные — Анастасия, Дарья, Елена, Ефросинья, Зоя, Ирина, Ксения, Людмила, Наталья, Светлана; флегматичные — Анна, Антонина, Валентина, Клавдия, Надежда, Татьяна.

Подумать следует и о связи имени с внешностью ребенка. По родителям нетрудно определить, будут дети блондинами или брюнетками. И «сангвиничные» имена более подходят брюнеткам, шатенкам, а «холеричные» или «флегматичные» — блондинкам. Если ожидается, что девочка будет хрупкой, миниатюрной, то имя должно звучать легко и нежно, напевно, а у коренастой, крупной — солидно, степенно.

К выбору имени девочки следует отнестись особенно серьезно. Не следует забывать, что она будет невестой, молодой женщиной и, наконец, почтенной дамой, а для женщин важен любой нюанс. Нежно и легко звучит Варенька, уже по-другому — Варя, и не знаю, как относится к своему имени Варвара... Хорошо звучит для девушки Дунюшка, как и Евдокия для зрелой дамы, но Дуня для молодой женщины, быть может, слишком своеобразное имя. И имя должно быть благозвучным как в уменьшительном варианте — Алик, Олешка, Игорек, Настенька, Катенька, Оленька, так и в полном своем звучании — Александр, Олег, Игорь, Анастасия, Екатерина, Ольга. Любящие и мудрые родители подумают даже о том, как будет сочетаться имя со словами «дядя, тетя, бабушка». И дядя Юля, тетя Степа, бабушка Света звучит как-то «не так».

Имя должно естественно сочетаться с отчеством. Здесь важна слитность и благозвучность, скажем — Дарья Дмитриевна. Такое сочетание звуков хорошо запоминается и произносится. А вот Иван Николаевич тяжелее в звучании, труднее в произношении, поскольку имя заканчивается носовым согласным «н» и им же

начинается отчество. Если отчество короткое, имя в своем полном виде должно быть длинным, и наоборот — скажем, Александр Ильич и Илья Александрович. Кстати, давая имя мальчику, следует подумать, как оно будет звучать в качестве отчества его будущих детей. И примерами прекрасного имени в детстве, в зрелом возрасте и в качестве отчества могут служить такие имена, как Ваня, Иван, Иванович; Вася, Василий, Васильевич; Андрюша, Андрей, Андреевич; Коля, Николай, Николаевич; Костя, Константин, Константинович. Имя должно хорошо сочетаться с фамилией — без отчества и с отчеством. Так, хорошо звучит Саша Суворов, еще лучше Александр Суворов и совсем прекрасно — Александр Васильевич Суворов. В целом же сочетание имени, отчества, фамилии не должно быть диссонансным, не соответствующим национальной и конфессиональной традиции. Так, например, прекрасно сочетаются со всех вышеобозначенных позиций имя, отчество и фамилия известного журналиста — Отто Рудольфович Лацис. А то ведь можно встретить и такое нелепое сочетание, как Жаклин Ивановна Сидорова. В данном аспекте, надевая ребенка именем, не следует поддаваться пристрастиям, вытекающим из неких фактов личной судьбы. Молодой человек вернулся из Чечни. Чеченец спас ему жизнь. Молодой человек из чувства благодарности и симпатии назвал своего новорожденного сына чеченским именем Доку. И всю жизнь русский человек Доку Васильевич Степанов вынужден будет объяснять при очередном знакомстве: «Мой отец попал в Чечню, его спас чеченец Доку», как объяснял мне Роберт Иванович Рождественский: «Я из Сибири, но отец мой имел друга — Роберта...»

И конечно, в имени не должно быть никакой претенциозности, выпренности, вычурности. Стэнли Холл, уже цитированный выше, справедливо отмечает, что у родителей, называющих своих детей выпренными име-

нами, «есть какой-нибудь дефект в сердце или в голове» (!).

Еще одно замечание. Имя отца можно дать сыну, если другого мальчика в семье нет и не будет. Если же один мальчик назван по отцу, а другой произвольно выбранным именем, у отца может сложиться особое отношение к сыну, названному его именем. Отец в таком случае неосознанно может симпатизировать ему, выделять его или, напротив, подавлять, если у самого отца имеет место «закомплексованность» по отношению к себе.

Заканчивая эту главу, отмечу, что написана она не как пособие для выбора имени ребенку, а лишь как информация к размышлению, как раздумья психотерапевта по этому поводу. В ней я еще раз стремился подчеркнуть, что любовь к ребенку и ответственность перед ним неразделимы и проявляются даже в выборе имени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Какими бы преимуществами природа ни наделила человека, создать из него героя она может, лишь призвав на помощь судьбу.

Франсуа де Ларошфуко

Судьба человека начинается с того, какие у него родители. И в первую очередь от родителей зависит, станет ли человек героем или его судьба будет злосчастной.

Как врач-психотерапевт, я потратил много лет на поиск основных причин того, что искажает судьбу человека, его приспособление к жизни. Причин тому много — у каждого своя. Но в основе их — плохое воспитание или отсутствие его. Древневосточные мудрецы полагали, что результатом плохого воспитания или отсутствия его является невежество и омраченность страстями. Невежество — не только незнание, но, как правило, и нежелание знать то, что надлежит

знать из достижений мировой культуры истинно уважающему себя человеку.

Почему я пишу «истинно уважающему себя»? Разве есть ложное уважение к себе? Да, есть. И это психозащитное уважение к себе, самообман, когда невежда мнит себя непогрешимым знатоком всего, в том числе — как надо воспитывать детей и как надо жить. Невежды нередко здоровы и благополучны, ибо это обыватели, которым надо очень мало, чтобы ощущать себя вполне самодостаточными. Соответственно и дети у них такие же, как они сами.

Омраченность страстями — это, как правило, озлобленность, когда реальная жизнь представляется человеку враждебной и несправедливой к нему, когда «все не так!» и человек охвачен чувствами протеста, враждебности, презрения, зависти, страха и ненависти. Омраченность страстями — это, как правило, и глубокая, неотступная, осознаваемая и неосознаваемая неудовлетворенность собой и своей жизнью. В сущности, озлобленность и неудовлетворенность, как и «закомплексованность», — ветви одного дерева, корни которого в неправильном воспитании. Очевидно, что из омраченности и вытекают асоциальное поведение, агрессивность, депрессия, болезни человека. И если невежество постыдно, то омраченность — самая большая беда человека. Альтернатива невежеству и омраченности — альтруизм. Предупреждение невежества и омраченности — «альтруистическое воспитание»! Корни добра и зла — в родительской семье, в воспитании.

Основная идея этой книги состоит в том, что детей воспитывают не назидания, а личность родителей, пример их жизни. Отсюда вытекает и основная рекомендация автора: чтобы воспитывать детей, следует прежде всего воспитать самого себя. В большинстве своем люди начинают жизнь со здоровыми и добрыми задатками, а все негативное в них — наносное, приобретенное в те-

чение жизни, а поэтому обратимо! Появление же детей как раз тот мощный стимул (любовь!), который способствует духовному, личностному становлению молодых людей. Бальтасар Грасиан почти четыре века тому назад писал: «Познай свой нрав, свой ум, свои суждения, пристрастия. Пока себя не знаешь, нельзя собою властвовать. Для лица есть зеркала, для духа — нет; пусть же будет зеркалом трезвое размышление о себе. Можно забыть о наружном своем облике, но всегда помни про облик внутренний, дабы его улучшать, совершенствовать» (1984, с. 22). И познавая себя, отменяя психологическую защиту, воспользовавшись «зеркалом трезвого размышления о себе», человек способен улучшить, совершенствовать свой «внутренний облик», особенно тогда, когда речь идет о воспитании, о воспитании как судьбе собственных детей. Такое совершенствование возможно лишь на пути альтруизма.

Кто-то задаст очень важный вопрос: «А разве можно стать другим тому, кто сам дурно воспитан, если воспитание порождает прочные установки на самого себя, на других и на жизнь?» Отвечаю искренне и убежденно: можно! Многие, выросшие в условиях неправильного воспитания или при отсутствии такового, стали достойными людьми. И это люди, сами перевоспитавшие себя. Эти люди, подобно тем, кто сумел сам избавиться от пристрастия к наркотикам, прошли через психологическую «ломку», но победили, порой в мучительной борьбе с самими собой, негативное в себе. У этих людей, искренне желавших переделать себя, сформировались новые, положительные установки, ослабившие, и ослабившие сильно, воздействие негативных установок. Эти люди приняли новое мировоззрение! И каждый во имя детей способен совершить такой нравственный подвиг. Однако насколько лучше, если нашим детям не придется переживать эту «ломку», если они изначально получают положительные ус-

тановки, если в родительской семье у них будет воспитано альтруистическое мировоззрение!

Проблема альтруизма — извечная проблема. Внимательный читатель, естественно, отметил, что автор этой книги с особым пристрастием цитирует мудрецов и философов древности, в сущности альтруистов! Не могу удержаться от этого пристрастия и в заключении. Ведь подумать только, как глубоко вникали в проблему воспитания, я бы сказал — альтруистического воспитания, еще в V—IV веках до нашей эры! Так, Ксенофонт, например, пишет о воспитании детей в Древней Персии следующее: «Дети, посещающие школу, постоянно учатся справедливости... Ведь у детей, как и у взрослых, постоянно возникают взаимные обвинения... В случае, если суд признает кого-либо виновным... назначается наказание. Наказывают и тех, кто, по их мнению, несправедливо обвинил другого. И кто, как они считают, имел возможность отблагодарить другого, но этого не сделал, подвергается суровому наказанию. Ведь они полагают, что неблагодарные являются людьми, совершенно пренебрегающими религией, предками, родиной и друзьями. Пороку неблагодарности ближе всего, как они думают, бесстыдство... Дети видят, как нравственно и благопристойно ведут себя ежедневно старшие, и это весьма способствует воспитанию у них нравственных устоев» (1976, с. 7—8). Как мудро, нравственно, альтруистично звучат эти слова спустя тысячелетия!

Выше я привел слова Грасиана о том, что, совершенствуя самого себя, следует познать свой нрав, свои пристрастия. Необходимо подчеркнуть, что точно так же для полноценного воспитания своего ребенка необходимо знать его натуру, его призвание, его врожденные возможности, способности.

В то же время Мишель Монтень предупреждает: «Склонности детей в раннем возрасте проявляются так слабо и так неотчетливо, задатки их так обманчивы и

неопределенны, что составить себе на этот счет определенное суждение очень трудно» (1958, кн. 1, с. 190). Однако, вооружившись знаниями и взглядевшись в своего дитя с любовью, родители поймут его разумом и сердцем, составят верное суждение о его призвании, хотя дитя раскрывается в своей природной предопределенности не сразу, а год за годом, по мере того как в нем созревают спящие до срока особенности его индивидуальности. Но глубокий интерес к сокровенному в ребенке, пытливые, любовные внимание к нему дают именно родителям и никому иному полное представление о нем. Как мог не знать своего сына Честерфилд, если внимание к сыну было для него наиважнейшим в жизни? А ведь он был крупным государственным деятелем и его время было расписано по минутам. Приведу для примера цитату из его «Писем к сыну»: «Коль скоро я хочу быть для тебя не столько отцом, сколько другом, мне хотелось бы, чтобы в своих письмах ко мне ты более подробно писал о себе и о мелочах своей жизни. Начиная писать мне, вообрази, что ты сидишь со мной за непринужденной беседой у камина. При этом ты естественно будешь рассказывать обо всем, что произошло с тобой за день, как и о том, где ты был, кого видел и каковы твои суждения об этих людях. Рассказывай же обо всем этом в своих письмах, будь добр, познакомь меня и с занятиями своими, и с развлечениями; пиши, с кем ты встретился... и что это за люди, добавь ко всему еще собственные наблюдения над ними, словом, дай мне возможность больше узнать о тебе из твоих писем... Ты можешь писать мне все без утайки и рассчитывать на мою скромность» (1971, с. 79–80).

Процитированное мною письмо — уже письмо к подростку. Но Честерфилд беседовал с сыном столь же глубоко и серьезно, когда тому было всего восемь лет, и всматривался в него с младенчества, стремясь понять своего ребенка. Вдумаемся, сколько в этом письме люб-

ви и внимания к сыну! Сколько в нем уважения к подростку, доверия к его уму, сколько предупредительности, такта, сколько души! И разве у такого отца мог вырасти неразвитый, необразованный, безнравственный сын?

И разве не об альтруизме в воспитании детей следующие слова Сенеки: «Сделай сам себя счастливым! Это тебе по силам, если поймешь одно: благо лишь то, в чем присутствует доброта, а то, что причастно злу, постыдно... только присутствие добродетели или зла делает все честным либо постыдным» (1977, с. 58).

И разве не об альтруистических ценностях, противопоставляя им материальное, что особенно актуально в наш прагматичный и меркантильный век, опять-таки слова Сенеки: «Разве есть что глупее, чем хвалить человека за то, что ему не принадлежит? Есть ли что безумнее, чем восхищаться вещами, которые немедля могут перейти к другому? Лошадь не становится лучше, если узда у нее из золота... Никто не должен похваляться чужим. Мы хвалим лозу, если она отягощает побеги гроздьями, если гнет подпору к земле весом собственных плодов... Достоинство лозы — плодоносность; так и в человеке следует хвалить лишь то, что от него самого... Ты спросишь, что это? Душа, а в ней — совершенный разум» (1977, с. 70–71). А ведь эти замечательные слова были написаны два тысячелетия тому назад! И ссылками на древних я еще раз подчеркиваю, что «альтруистическое воспитание» — вечно, что оно из природного в человеке.

И именно потому, что оно соответствует природе ребенка, оно и принимается им так же естественно, как естествен он сам. Оно мудро и гармонично, как мудр и гармоничен сам ребенок, как мудра и гармонична природа. И о мудрости ребенка — последняя в этой книге цитата. Она из так полюбившегося мне творчества Юрия Казакова. Вот как он пишет о своем сыне: «...ты мудрее

меня... ты знаешь нечто такое, что и я знал когда-то, а теперь забыл, забыл... Что и все-то на свете сотворено затем только, чтобы на него взглянули глаза ребенка! Что царствие Божие принадлежит тебе! Не теперь сказаны эти слова, но, значит, и тысячи лет назад ощущалось загадочное превосходство детей? Что же возвышало их над нами? Невинность или некое высшее знание, пропадающее с возрастом?»

Итак, родители хороши, если дети гордятся ими; но и дети воспитаны верно, если родители могут гордиться ими, и в этом — высшее родительское удовлетворение и счастье! И еще более счастливы родители, еще более гордятся своими детьми, если дети во всех отношениях превзошли их.

ЛИТЕРАТУРА

- Аркин Е. А.* Ребенок в дошкольные годы. М., 1968.
- Артемов В. А.* Психология обучения иностранным языкам. М., 1969.
- Архангельский Г. А., Сперанский Г. Н.* Мать и дитя. М., 1960.
- Беляев Б. В.* Очерки по психологии обучения иностранным языкам. М., 1965.
- Бехтерев В. М.* Вопросы воспитания в возрасте первого детства. СПб., 1909.
- Бехтерев В. М.* Первоначальная эволюция детского рисунка в объективном изучении. СПб., 1910.
- Бехтерев В. М.* Вопросы общественного воспитания. М., 1910.
- Ветлугина Н. А.* Музыкальное развитие ребенка. М., 1968.
- Водовозова Е. Н.* Научить детей любить. СПб., 1913.
- Выготский Л. С.* Избранные психологические произведения. М., 1956.
- Выготский Л. С.* Воображение и творчество в детском возрасте. М., 1967.
- Ганкина Э. З.* Художник в современной детской книге. М., 1977.
- Гарбузов В. И., Захаров А. И., Исаев Д. Н.* Неврозы у детей и их лечение. Л., 1977.
- Гарбузов В. И.* Нервные дети. Л., 1990.
- Гарбузов В. И.* От младенчества до отрочества. Л., 1991.

- Гарбузов В. И.* Древние и новые каноны медицины. СПб., 1992.
- Гарбузов В. И.* Практическая психотерапия. СПб., 1993.
- Гарбузов В. И.* Человек — жизнь — здоровье: Древние и новые каноны медицины. 2-е изд. СПб., 1995.
- Гарбузов В. И.* От младенца до подростка. 2-е изд. СПб., 1996.
- Гаупт Р.* Психология ребенка. Л., 1926.
- Гвоздев А. Н.* Формирование у ребенка грамматического строя русского языка. М., 1949.
- Гезелл А.* Умственное развитие ребенка. М.; Л., 1930.
- Гельвеций К. А.* Сочинения. М., 1974. Т. 1, 2.
- Герцен А. И.* Сочинения. М., 1956. Т. 4, 5.
- Грасиан Б.* Карманный оракул. Критикон. М., 1984.
- Гросс К.* Душевная жизнь детей. СПб., 1906.
- Гундобин Н. П.* Душевная жизнь грудного ребенка. СПб., 1894.
- Дарвин Ч.* Наблюдения над жизнью ребенка. СПб., 1881.
- Декёдр А.* Развитие ребенка от двух до семи лет. Л., 1925.
- Запорожец А. В.* Детская психология. М., 1964.
- Запорожец А. В.* О психологии детей раннего и дошкольного возраста. М., 1971.
- Игнатъев Е. И.* Психология изобразительной деятельности детей. М., 1959.
- Ильин И. А.* Сочинения: В 2 т. М., 1994. Т. 2: Религиозная философия.
- Казачков Ю.* Во сне ты горько плакал: Избранные рассказы. М., 1977.
- Кант И.* О педагогике. М., 1896.
- Ковалевская С. В.* Воспоминания детства и автобиографические очерки. М., 1951.
- Коменский Я. А.* Великая дидактика // Избранные педагогические сочинения. М., 1955.
- Корчак Я.* Избранные педагогические произведения. М., 1966.
- Корчак Я.* Как любить детей. М., 1968.
- Ксенофонт.* Киропедия. М., 1976.
- Ланге Н. Н.* Душа ребенка в первые годы жизни. СПб., 1892.
- Ларошфуко Ф. де.* Мемуары. Максимумы. Л., 1971.
- Лесгафт П.* Школьные типы. СПб., 1884.

- Маршак С.* Воспитание словом: Статьи. Заметки. Воспоминания. М., 1961.
- Маутнер А. В.* Руководство к правильному физическому и нравственному воспитанию детей в первом возрасте. СПб., 1856.
- Менчинская Н. А.* Развитие психики ребенка: Дневник матери. М., 1957.
- Монтень М.* Опыты. 2-е изд. М.; Л., 1958. Кн. 1; 1960. Кн. 2–3.
- Песталоцци И.* Педагогика. Казань, 1913.
- Пиаже Ж.* Речь и мышление ребенка. М.; Л., 1932.
- Пословицы русского народа // Сост. В. Даль: В 3 т. 4-е изд. М., 1957.
- Прейер В.* Душа ребенка. СПб., 1912.
- Руссо Ж.-Ж.* Эмиль, или О воспитании. СПб., 1912.
- Руссо Ж.-Ж.* Исповедь. Прогулка одинокого мечтателя. М., 1949.
- Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М., 1969.
- Сакулина Н. П.* Рисование в дошкольном детстве. М., 1965.
- Сёлли Д.* Очерки по психологии детства. М., 1909.
- Сенека.* Нравственные письма к Луцилию. М., 1977.
- Сигизмунд Б.* Дитя и мир. СПб., 1866.
- Сикорский И. А.* Душа ребенка. Киев, 1909.
- Сухомлинский В. А.* Сердце отдаю детям. Киев, 1972.
- Сухомлинский В. А.* О воспитании. М., 1973.
- Теплов Б. М.* Психология музыкальных способностей. М., 1947.
- Теплов Б. М.* Психологические вопросы художественного воспитания // Изд. Акад. пед. наук РСФСР. М., 1947.
- Теплов Б. М.* Проблемы индивидуальных различий. М., 1961.
- Толстой Л. Н.* Собрание сочинений. М., 1951. Т. 1.
- Толстой Л. Н.* Педагогические сочинения. М., 1953.
- Успенский Л. В.* Ты и твое имя. Л., 1960.
- Ушаков Г. К.* Детская психиатрия. М., 1973.
- Ушинский К. Д.* Собрание сочинений. М.; Л., 1948. Т. 2.
- Ушинский К. Д.* Собрание сочинений. М., 1950. Т. 8.
- Фрейд З.* Толкование сновидений. М., 1913.
- Харрисон Б.* Оранг-утан. М., 1969.
- Холл С.* Собрание статей по педагогике. М., 1912.

Хрестоматия по истории зарубежной педагогики / Сост. и автор вводимых статей А. И. Пискунов. М., 1971.

Черни. Врач как воспитатель ребенка. М., 1909.

Честерфилд. Письма к сыну. Максимум. Характеры. Л., 1971.

Чуковская Л. Памяти детства : Воспоминания о Корнее Чуковском. М., 1989.

Чуковский К. Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 1.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
<i>Глава 1.</i> Мама	7
<i>Глава 2.</i> Отец.....	19
<i>Глава 3.</i> Конфликт, кризис в семье. Развод	35
<i>Глава 4.</i> Отчим	51
<i>Глава 5.</i> Если в семье нет мужчины	59
<i>Глава 6.</i> Мачеха	67
<i>Глава 7.</i> Бабушка и дедушка	75
<i>Глава 8.</i> Старшие, средние и младшие дети	83
<i>Глава 9.</i> Единственный ребенок.....	91
<i>Глава 10.</i> Близнецы.....	107
<i>Глава 11.</i> Натура и воспитание	119
<i>Глава 12.</i> Установки, комплексы и воспитание	169
<i>Глава 13.</i> Окружите ребенка хорошими примерами	199

<i>Глава 14.</i> Типы неправильного воспитания. Неблагоприятные условия жизни	221
<i>Глава 15.</i> Детская книга	237
<i>Глава 16.</i> Иностранный язык	253
<i>Глава 17.</i> Способные дети, «вундеркинды» и «тупые»	261
<i>Глава 18.</i> Наши имена	273
Заключение	284
Литература	291